

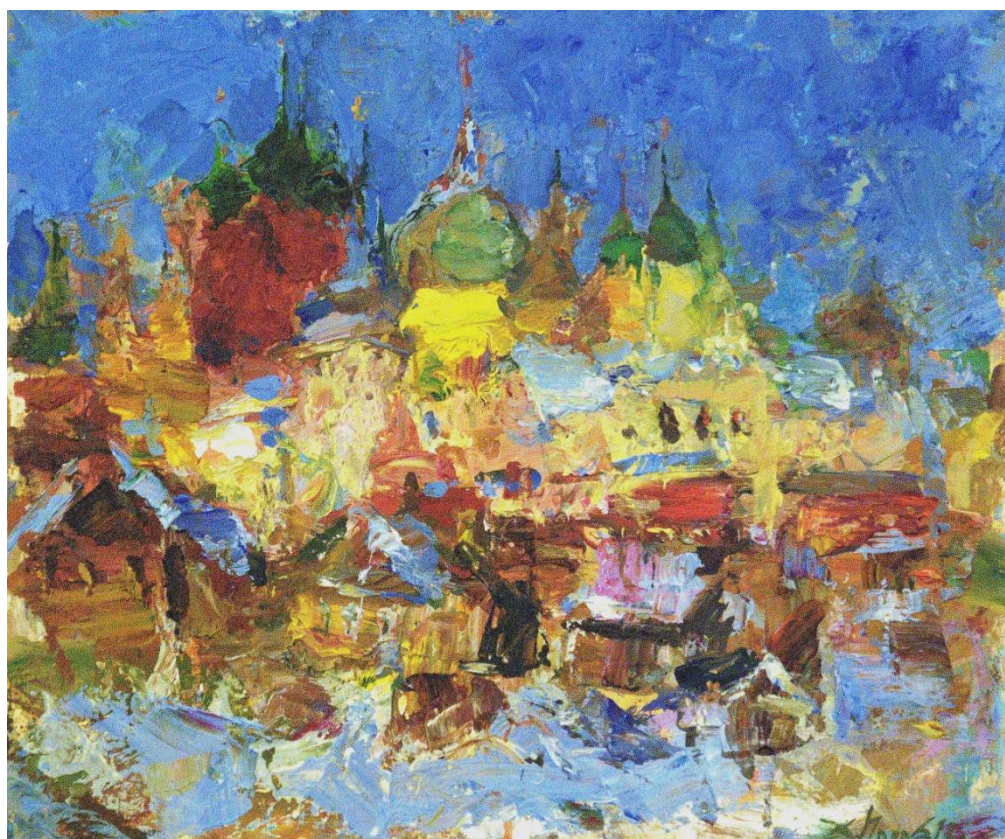
Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

№ 4 (47) 2023

МОСКОВСКИЙ **BAZAR**

МОСКВА, 2023

Об отцах, детях и зимних развлечениях

Моя мамочка была человеком веселым, энергичным и большим любителем зимних забав и различных видов спорта. К тому же, как почти все советские люди, уверенным, что спортом заниматься нужно обязательно, поскольку в здоровом теле здоровый дух. Поэтому лыжи, санки и коньки являлись основными атрибутами зимнего воскресного дня. Когда мне было лет семь-восемь, меня, вручив санки, отправляли в парк имени Павлика Морозова кататься с горки. Должна сказать, что санки и не требовались. Достаточно было куска картонки или фанеры, чтобы с радостным визгом,

теряя варежки и шапку, лететь по ледяному склону навстречу ветру, сугробам и бесчисленным синякам. Но это все равно было здорово. Потом я стала старше, и, скептически глядя на меня, двенадцати-тринадцатилетнюю, мама как-то сказала:

– Странное у вас поколение. Вот мы каждое воскресенье ходили кататься на лыжах, а вы дома сидите или по улицам шляетесь.

Приговор был вынесен, и, вручив на сей раз лыжи и термос с чаем, меня вместе с подружкой пинком загнали в 5-й троллейбус, который вприпрыжку понес нас на Фили, где собирались все любители лыж.

Надо сказать, что лыж мне вполне хватало и в школе, где это был один из обязательных элементов урока физкультуры. Но мама была неумолима. Урок физкультуры – это урок физкультуры, а на лыжах кататься надо!

Выгрузившись на остановке возле Филевского парка, мы с подружкой встали на лыжи и побежали по хорошо проложенной лыжне, которая время от времени превращалась в крутой склон, а потом опять петляла среди березок и елок.

И вот на одном из таких склонов, осторожно спускаясь и пропуская пролетающих мимо со скоростью звука *панов спортсменов* и *пани спортсменок*, я вдруг увидела бумажку. И это была не просто бумажка, это была пятирублевая бумажка. Что-такое пять рублей для советского подростка, объяснить нынешнему поколению сложно. Это было целое состояние! Сколько кофе с пирожком можно были выпить в кафетерии в высотке на площади Восстания! Сколько мороженого можно было съесть! А еще прикупить что-нибудь полезное и не очень для нехитрого детского хозяйства. В общем, это было счастье.

С тех пор я сильно полюбила лыжи и каждое воскресенье с удовольствием запрыгивала в 5-й троллейбус, который вприпрыжку нес меня на Фили. Чего не скажешь о том невезучем лыжнике, который эти пять рублей потерял. Наверное, он возненавидел этот увлекательный вид спорта, и не обоснованно, должна сказать. Так в мире в тот день стало на одного лыжника больше – и на одного лыжника меньше.

Лет в семнадцать, глядя на то, как я собираюсь в воскресный день в гости к подружке, мама, скептически глядя, сказала:

– Странное у вас поколение. Вот мы каждое воскресенье ходили кататься на коньках, а вы дома все воскресенье сидите.

Лев Толстой на коньках. 1898 г.

Фото из архива Государственного музея Л. Н. Толстого

Через неделю довольная мама принесла мне белые коньки и полосатые шерстяные носки:

– На-ка, примерь, должны подойти.

Коньки вместе с носками отлично подошли, они достались мне от старшей двоюродной сестры Оксанки, которая в отличие от меня была человеком очень спортивным и по сей день такой остается.

В общем, в воскресенье мы с подружкой отправились кататься на коньках в парк Горького. Тогда там заливались все дорожки, плату за каток не взимали, катались безвозмездно, то есть даром. Правда, лед был ужасно неровный и сплошь в выбоинах, но другого-то не было все равно.

Есть такое выражение: «корова на льду». Вот именно ей я и оказалась, впервые встав на коньки. Поначалу удержать равновесие было невероятно трудно, но постепенно я приноровилась, сначала научилась катиться только вперед, потом освоила задний ход. Не скажу, что стала хорошим фигуристом, но удовольствие от катания на коньках получаю огромное и хожу на тепер уже отличные, всегда расчищенные катки.

Так что зимние забавы и виды спорта – это не только польза для здоровья, но и преемственность поколений. Потому что тепер по воскресеньям, скептически глядя, как моя дочь собирается на свидание и встречу с подружками, я говорю:

– Странное у вас поколение. Вот мы каждое воскресенье ходили кататься на коньках или на лыжах, а вы...

Между прочим, Лев Николаевич Толстой тоже очень любил кататься на коньках. Катался он на Патриарших или в саду их хамовнической усадьбы. Софья Андреевна писала в своем

Московский BAZAR № 4 (47) 2023

дневнике: «Мы с ним сейчас катались на коньках, и он добивается уметь делать все штуки на одной и двух ногах, задом, круги и проч. Это его забавляет, как мальчика».

А еще великий писатель, возможно, говорил своим детям:

– Странное у вас поколение...

Из воспоминаний Ильи Толстого: «Как только замерзал пруд, мы надевали коньки и все свободное от уроков время проводили на льду. Надеваем коньки, и начинается беготня. Дорожки на пруду расчищены большим кругом, но мы сами поделали лабиринты, переулочки и тупички и по ним вертимся. Приходят папа и мама и тоже надевают коньки. Ноги зябнут, пальцы онемели, но я молчу, потому что боюсь, что пошлют домой греться. Увлекаются все. Дома оказывается, что, несмотря на наушники, побелело ухо. Папа берет снег и безжалостно его трет. Ох, как больно! Но надо терпеть, реветь нельзя, а то завтра оставят меня дома».

Кто сказал, что зима – скучное время года? Неправда. Это значит, вы просто неправильно это «блюдо» готовите. И наверняка забыли, как мамы и папы, вручив вам коньки или лыжи, говорили:

– Странное у вас поколение...

А ведь впереди новогодние праздники, время отдыха и развлечений. Так что одевайтесь потеплее, берите детей и друзей и осваивайте катки и лыжни, а вечером, уставшие, но счастливые, за чашкой горячего чая, открывайте наш журнал и после спортивных успехов погружайтесь в мир познавательного чтения.

С наступающим Новым годом и Рождеством, дорогие наши читатели! Пусть этот год принесем всем нам удачу, много радостных и счастливых минут и исполнения самого заветного желания. Ура!

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ГОДА-КНИГИ. Новогоднее поздравление

8

ПУБЛИЦИСТИКА

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Москва)

- ВСЕ НЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ, И ДАЖЕ НАОБОРОТ

ОЛЬГА ДРАГУНОВА (Москва)

- НАДОЕВШИЙ ГЕРОЙ

9

11

ПОЭЗИЯ

СВЕТЛАНА ЭЛЬТЕРМАН-МАЛЯШЕВА (Москва)

ВЕРОНИКА СЕНЬКИНА (Москва)

ИГОРЬ ЧУРДАЛЕВ (1952, Севастополь–2020, Нижний Новгород)

МИХАИЛ МИХЛИН (г. Холон, Израиль)

19

21

25

30

ПРОЗА

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

- ЁЛКА

ЮЛИЯ СОРОКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

- ЧУЖАЯ СОБАКА
- ОСТРЫЙ БЕРЕГ
- ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

Две новеллы из повести «Чаепитие со случайностями»

- ОЖИВШИЙ МУЖ
- ЛИСА и МЕТЕЛЬ

МАРИ ВЕГЛИНСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- ВАСИЛЬКОВОЕ ПОЛЕ

34

36

38

40

45

48

53

СМЕХОТЕКА

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ. Эротическая сказка для взрослых*

61

АЛЕКСЕЙ КАЗАРНОВСКИЙ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ПОЧЕМУ НАМ СМЕШНО. С примерами из собственного творчества. Выступление на Круглом столе № 11 «Юмор и ирония»*

64

ПЕРЕВОДЫ

ГУ ЮЙ (Тяньцзинь, Нанькай, Китай)

- *БЕРЕГА БЕЗБРЕЖНОГО НЕБА ДРУГ ДРУГУ БЛИЗКИ*

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- *НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА*

СУН ДЭЛИ (США)

- *《语丝心韵》«ЯЗЫК ШЕЛКОВОЙ СЕРДЕЧНОЙ РИФМЫ»
致伊戈尔·波东诺夫先生 (2-ну Игорю Бурдонову)
HEARTMELODY. МЕЛОДИИ СЕРДЦА To Mr. Igor Burdonov*

69

70

72

ГАЛЕРЕЯ BazART

«ДОМИКИ и НЕ ДОМИКИ». Художник Кадрия Галеева

СВЕТЛАНА КУЛИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *О ТВОРЧЕСТВЕ КАДРИИ ГАЛЕЕВОЙ*

83

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва)

- *СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ*

АНАТОЛИЙ ХРЕБТЮГОВ (АНТОСЫЧ) (г. Любим)

- *ЗАГАДКИ*

ЮЛИЯ ПУЧКОВА (ЮЛИЯ ДЖЕЙКОБ) (МОССАЛИТ, Москва)

- *СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ*

МАРИЯ СИДЛЕР (МОССАЛИТ, Москва)

- *КАК ДОМОВОЙ ЯШКА В БУДАПЕШТ ЕЗДИЛ. Рассказ*

84

87

89

93

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

ОЛЬГА ДРАГУНОВА (Москва)

- *ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ?*

96

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- НЕВОЗМОЖНОЕ – ВОЗМОЖНО. Детективно-мистическая комедия в четырех сценах

109

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

ВЯЧЕСЛАВ ЧАЧИН (Москва)

- МУЗЕИ И УСАДЬБЫ РОССИИ

124

В оформлении журнала использованы репродукции картин и иллюстрации М. Эшера, К Галеевой, Суна Дэли, Е. Клочковой, М. Лисиченко, Дмитрия Попова, Максима Крюкова, фотографии из авторских архивов В.Чачина, фотоархивов МОССАЛИТа, а также открытых интернет-источников.

На обложке:

Дмитрий Попов. Ростов Великий. Холст, акрил. 2015

Руководитель проекта Ольга Грушевская
 Главный редактор Светлана Сударикова
 Редактор-корректор Ирина Чижова
 Художественный редактор Ольга Грушевская

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова
 «Поэзия» – Алексей Казарновский, Ольга Уваркина, Юлия Сорокина
 «Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова
 «Частная территория» – Светлана Сударикова
 «Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко
 «BAZART» – Ольга Грушевская
 «Записки на манжете» – Ольга Рыбакова
 «Детское чтение» – Ольга Уваркина
 «Собираем чемоданы» – Анастасия Милютина

Московский BAZAR № 4 (47) 2023

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА ГОДА-КНИГИ

Новогоднее поздравление

Новый год на мягких лапах подкрадывается к нашим дверям, прячась в синих тенях распухших от снега елей. Он затаился в последнем ожидании и хочет устроить сюрприз: залететь в комнату пушистым метеором, вспрыгнуть на елку и, скорее всего, не удержавшись на тонкой макушке, с грохотом и звоном рухнуть на пол вместе с наряженной лесной гостьей. Не будем его ругать – сюрприз удался! Поднимем елку, поправим мишуру, уберем осколки пары разбившихся игрушек (остальные уцелели) и будем искренне радоваться празднику.

Пришло время, и мы закрываем последнюю страницу года-книги и ставим его на полку. Новый том-год уже лежит на столике рядом с любимым креслом и манит свежестью 365 страниц и тонким ароматом хорошего переплета. Сердце надеется на милость автора, но читательский опыт подсказывает, что не все рассказы нового сборника побалуют безмятежным, радостным сюжетом. Давайте верить в то, что большинство новелл все-таки порадуют нас счастливыми сюжетными поворотами, подарят новые впечатления, поделятся мудрыми мыслями и верными оценками.

Пусть чтение нового тома-года принесет радость и удовольствие. Наслаждайтесь каждой страницей текста, смакуйте удачные метафоры, удивляйтесь стилистической оригинальностью – получайте удовольствие от новогоднего чтения.

С Новым годом и Рождеством!

Максим Крюков. Кот. Холст, темпера. 2022

ПУБЛИЦИСТИКА

Петр Дубенко

(МОССАЛИТ, Москва)

ВСЕ НЕ ТО, ЧЕМ КАЖЕТСЯ, И ДАЖЕ НАОБОРОТ

Я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо.
Фауст. Гёте

Новогодние подарки – одна из самых замечательных традиций наших дней, которую обожают буквально все. Считается, что пришла она еще из Древнего Рима; по общепринятой версии люди дарили друг другу веточки оливы или вербы. Однако реальность, как всегда, с одной стороны, намного прозаичней и вместе с тем фантастична настолько, что иногда в нее просто трудно поверить.

Начать эту историю стоит с того, что первыми праздновать новый год именно в ночь с 31 декабря на 1 января начали действительно жители Древнего Рима. Впервые это случилось в 153 году до н. э. Первопричиной послужил перенос вступления в должность новоизбранных консулов – высших должностных лиц Римской республики. Прежде это происходило на мартовские иды, но в указанном году (по своим причинам, разобраться в которых здесь ни к чему) инаугурацию приурочили к январским календам, то есть к 1 января. И тогда же, для упрощения документооборота, приняли решение официально считать этот день началом нового календарного года. По простой и понятной логике: новые консулы – новый год.

А поскольку выборы и смена консулов для римского общества той эпохи имели действительно большое значение, то по этому поводу, естественно, устраивались праздничные мероприятия. И потому со временем в сознании римлян укоренилась мысль, что празднуют они не только инаугурацию консулов, но еще и начало нового календарного года. Так и появилась традиция шумно и красочно встречать ночь с 31 декабря на 1 января.

А вот обычай дарить друг другу в этот день подарки появился гораздо позднее – больше, чем через 100 лет. В 46 году до н. э. прославленный Гай Юлий Цезарь поставил точку в затяжной и кровопролитной гражданской войне и стал диктатором, объединив в своих руках всю власть: политическую, военную, судебную, финансовую и т. д. Он даже провозгласил себя «перфектом нравов», или цензором, который определял репертуары театров, поэтов и т. п. Естественно, изменилась и система власти в целом. Это выразилось и в том, что появилось много свободных должностей – кто-то подвергся проскрипциям, кто-то из противников Цезаря и людей, которые их поддерживали, предпочел сбежать из Рима, не дожидаясь внесудебных расправ, на кои новый император был весьма горазд. И конечно, сразу же за самые выгодные вакансии началась ожесточенная борьба.

При этом одним из самых быстрых и верных способов решения подобных вопросов всегда была взятка. В древнем Риме коррупция давно стала обычным делом. Но в новых

условиях появились новые риски – все уже успели узнать крутой нрав нового правителя и потому опасались напрямую обращаться к нему с предложением подкупа. Да и противники соискателей не дремали, внимательно следили за каждым шагом оппонента и при малейшей его оплошности не преминули бы утопить конкурента. Поэтому к старой как мир проблеме требовалось найти новый креативный подход. И его, конечно, нашли. Ведь, как известно, где есть спрос, там обязательно появится и предложение.

В данном случае небольшой сундучок Цезарю преподнесли в качестве подарка по поводу Нового года. Мол, да, обычно все в этот день дарят друг другу просто веточки, а мне захотелось поздравить великого императора вот таким образом. Имею право, что же в этом такого? С точки зрения закона это было совершенно легально, и хотя все понимали смысл произошедшего, все же ни один римский юрист не смог найти повода обвинить дарителя в преступлении.

Итак, план сработал. Креативный взяточник получил все, к чему стремился, и его пример вдохновил всех, кто находился в похожей ситуации. Так что уже на следующий новый год к дому Цезаря подарки потекли рекой. По городу ходили слухи, что в покоях императора даже не осталось свободного места от сундуков с серебром, золотом, драгоценными камнями. И тут возникла другая проблема. При таком множестве подношений было немудрено запутаться, что и случилось с новоиспеченным императором. Как известно, он мог делать два дела одновременно, но тут даже его талантов оказалось недостаточно. В итоге случилось сразу несколько неприятных конфузов, когда проситель либо вообще ничего не получил, либо получил, но совершенно противоположное тому, на что надеялся.

Произошедшую неприятность учли и за год поработали над ошибками. Так что в следующий раз, когда новогодних «подарков со смыслом» стало еще больше, опять-таки самые дальновидные стали прилагать к преподнесенной ценности еще и небольшую записку. В ней среди традиционных пожеланий в красивых туманных намеках дарители высказывали свои надежды и чаяния, чтобы получатель точно знал, кого и как благодарить. Нетрудно догадаться, что такое дополнение к взятке со временем переросло в обычай сопровождать подарок красивой открыткой с пожеланиями.

Вот так аморальные безнравственные люди, преследуя корыстные и низменные цели, в итоге подарили всему человечеству одну из самых замечательных и добрых традиций. И до сих пор две тысячи лет спустя она приносит нам радость и помогает скрашивать непростую жизнь. Так что все не совсем то, чем кажется, а иногда даже наоборот. Понимайте как хотите.

ПУБЛИЦИСТИКА

Ольга Драгунова
(Москва)

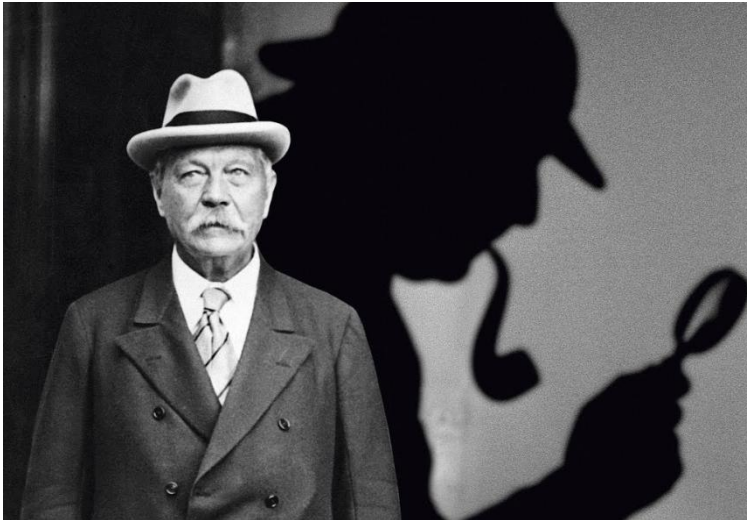
НАДОЕВШИЙ ГЕРОЙ

Вопрос на засыпку: классики мирового детектива любили своих героев-сыщиков? Конечно, скажете вы. И ой как ошибетесь! Несмотря на то что гениальные супергерои сделали богатыми и знаменитыми своих литературных родителей, родители эти мечтали избавиться от своих деток. Кто-то так и делал, а кто-то тянул ляжку до последнего, не скрывая своей усталости от героев, а порой и тихой ненависти к ним.

Паштет из гусиной печени

Артур Конан Дойл (1859–1930) первую повесть о Шерлоке Холмсе «Этюд в багровых тонах» написал в 1887 году, но три издательства не приняли рукопись, а четвертое выпустило ее только через год. За это время автор потерял интерес к сыщику. Он решил заняться написанием исторических романов, считая это дело более статусным и прибыльным, чем сочинение рассказиков низменного детективного жанра. Правда, основным занятием Дойла считалась медицина, он был дипломированным практикующим врачом. Но славы хотелось, славы! И больших гонораров. Но и с тем, и с другим дело не продвигалось. В 1890 году Дойл решил уважить просьбу редактора одного из американских журналов, и на свет появился «Знак четырех» с Шерлоком, также не имевший большого успеха. А еще через год Дойла, как говорится, понесло. Британский журнал The Strang Magazine заказал доктору несколько рассказов о частном сыщике. Доктор был еще беден, гонорар посулили неплохой, и Артур засучил рукава. Уже после первых рассказов тираж журнала взлетел в два с половиной раза, а к Дойлу наконец-то пришла слава. За 2 года он выдал на-гора 24 рассказа о Холмсе и Ватсоне. Деньжат Артур подзаработал, от Шерлока очумел. И написал матери: «Я подумываю о том, чтобы прикончить Холмса, потому что он отвлекает меня от более стоящих дел». Эти более стоящие дела – исторические романы, ведь Дойл мечтал стать классиком именно исторической литературы. Мать коротко ответила: «Не смей!» Но сын маму не послушался. «Мне тошно от одного его имени» – утверждал он.

Была и еще одна причина, по которой писатель решил избавиться от Шерлока. У любимой жены Дойла открылась чахотка. Тут не до сочинений и не до дедукции. Артур повез жену на лечение в Швейцарию – и там увидел красивейший Райхенбахский водопад. «Вот место, достойное стать могилой Шерлоку», – решил писатель. И в 1893 году отправил своего героя в пучину этого водопада во время схватки Холмса со злодеем Мориарти – в рассказе «Последнее дело Холмса». Что тут началось! Поклонники великого сыщика шли к дому Дойла с траурными повязками на рукавах, устраивали митинги с требованием оживить героя, били стекла

Артур Конан Дойл (1859–1930)

**Шерлок Холмс
(Бенедикт Камбербэтч)**

В редакции The Strang Magazine. Редакторы стояли на коленях перед Дойлом, даже королева Виктория, по легенде, написала ему письмо с просьбой вернуть к жизни Шерлока, поклонницей которого являлась. Но Артур был непреклонен: «Я так объелся Холмсом! У меня к нему такое же отношение, как к паштету из гусиной печенки, которого я однажды слишком много съел и на который смотреть не могу без тошноты!»

Он держался целых 8 лет! За это время тошнота немного прошла, и в 1901–1902 гг. журнал и читатели получили «Собаку Баскервильей». Правда, действие здесь происходит до гибели Шерлока. Повесть имела бешеный успех, автор стал самым высокооплачиваемым писателем в мире на то время. И что было делать? Правильно – оживлять Шерлока! Что и произошло в рассказе «Пустой дом», который вышел в 1903 году. Бедный Ватсон чуть рассудка не лишился, увидев живым своего друга – а тот живописал доктору, как чудом спасся в водопаде и долгие годы путешествовал по миру, скрываясь от сообщников Мориарти.

Артур Конан Дойл с тех пор больше не пытался избавиться от своего героя, но все-таки в 1904 году сослал его в графство Суссекс – разводить пчел. Свой дедуктивный метод Холмс демонстрировал читателям уже не очень часто, а с 1914 года, после рассказа «Его последний поклон», о нем упоминает только доктор Ватсон, рассказывая о старых делах Шерлока, не забыв сообщить читателям, что «Холмс жив и здоров». Но, как бы ни рыпался Артур Конан Дойл, в историю он вошел именно как литературный отец гениального сыщика, написав о нем 56 рассказов и 4 повести.

Мерзкий тип и проныривая старушка

Королева детектива Агата Кристи (1890–1976) стала таковой, выведя на сцену сыщика Эркюля Пуаро и любительницу расследований мисс Марпл. Впервые Пуаро появился в романе «Таинственное происшествие в Стайлз» в 1920 году и впоследствии стал героем 33 романов, одной пьесы и 54 рассказов! Однако уже через несколько лет после «премьеры» Агата притомилась от своего героя, и в 1927 году нашла отдушину в любительнице расследований мисс Марпл, которую срисовала со своей бабушки. Новая героиня появилась в одном из рассказов в сборнике «13 загадочных случаев», а в 1930 году уже всю продемонстрировала свой талант

Агата Кристи (1890–1976)

Мисс Марпл (Джоан Хиксон)

Эркюль Пуаро (Дэвид Суше)

талант в романе «Убийство в доме викария». С тех пор Кристи работала на два фронта, чередуя романы о Пуаро с произведениями о мисс Марпл. Хитрый ход!

Эркюль достал писательницу раньше. Уже в 30-е годы она называла его «невыносимым». Но вывести его из игры не решалась – слишком любили сыщика читатели. В 60-е годы Кристи уже изнемогала от своего героя. «Мерзкий, напыщенный, утомительный, эгоцентричный, малоподвижный, маленький лицемер» – так характеризовала она Эркюля. Ну уж, матушка, что родила – то родила! Но писательница чувствовала свою ответственность перед читателями, которые не простили бы ей убийства любимого героя. В общем, «мышы плакали, кололись, но продолжали есть кактус...» Да простят нам поклонники королевы детектива такое сравнение! И все-таки Эркюлю пришлось скончаться – в романе «Занавес. Последнее дело Пуаро». Но произошло это в 1975 году, всего за год до смерти самой Агаты. Сыщик стал единственным литературным персонажем, удостоившимся некролога в «Нью-Йорк Таймс». Интересно, что уже в первом романе Пуаро – пожилой человек. А умер он, по подсчетам литературоведов, в возрасте 110 лет! Да, надо очень любить своего читателя (ну и гонорары, конечно, тоже), чтобы дотянуть ненавистного тебе героя до такого возраста!

А что же мисс Марпл? Она тоже довольно быстро надоела Агате. Уже в 40-е годы Кристи написала роман о последнем деле своей героини «Забывтое убийство». Но не решилась его опубликовать. Опять-таки, чтобы не расстраивать читателей. Роман вышел только после смерти писательницы в 1976 году. «Я долго терпела эту пронырливую старушку, – признавалась Кристи. – Я не предполагала, что она будет существовать со мной так долго. Она всегда от всех ожидала только плохого, как и моя бабушка. И это было невыносимо!» Тем не менее она написала о мисс Марпл 12 романов.

Толстый черный валик

Гилберт Кит Честертон (1874–1936) – английский писатель, поэт, драматург, философ, журналист, искусствовед, оратор... На его счету около 80 книг, несколько сотен стихотворений, около двухсот рассказов, четырех тысяч эссе, несколько пьес. Но при упоминании его имени первым делом тут же возникает другое: отец Браун! Хотя этому католическому священнику из маленькой английской деревни, который в потрясающе короткие сроки раскрывал самые

Гилберт Кит Честертон (1874–1936)

Отец Браун (Марк Уильямс)

запутанные преступления, автор посвятил только около 60 рассказов. Но читатели из всех трудов Честертон вспоминают лишь эти рассказы (и сериалы, по ним снятые). Благодаря этому герою Честертон в 1930 году стал первым почетным председателем детективного клуба и оставался на этом посту до своей смерти в 1936 году. До последнего оставался с писателем и отец Браун.

Любил ли автор своего героя, которого «родил» в 1911 году? Полистаем Честертон – как он описывал своего патера Брауна? Вот лишь несколько цитат: «Глаза его были бесцветны, как Северное море, а при взгляде на его лицо вспоминалось то, что жители Норфолка зовут клецками», «он напоминал валик, завернутый в черную материю не первой свежести», «Браун смотрел в пространство бессмысленным идиотским взором. Он всегда казался идиотом, когда его ум работал особенно напряженно». Почему писатель сделал Брауна толстым смешным коротышкой в длинной черной сутане, в помятой шляпе, с вечным зонтиком, который он часто теряет? Не только зонтик, патер постоянно что-то теряет, ищет, ползая по полу... Можно ли так издеваться над героем, любя его? Вопрос открытый, хотя многие литературоведы уверяют, что Честертон, будучи христианским философом, специально сделал Брауна смешным недотепой, чтобы противопоставить внешность героя его острому уму, высочайшей нравственности. Высокая, высокая идея! Важна не внешность, важна главная задача Брауна – найдя виновного, понять, почему тот пошел на преступление и наставить его на путь истинный. Ну, попробуем поверить исследователям...

Честертон не мог допустить, чтобы Браун занимал много его времени – слишком много у Гилберта было других направлений его бурной деятельности. Да и напрягала его легкая придурковатость героя, в чем автор-христианин осторожно признавался сам. Поэтому Честертон выдавал истории о Брауне очень дозированно и нечасто. Почти все они выходили в виде сборников рассказов – Честертон писал дюжину рассказов практически в один присест, а потом отдыхал от бурного общения со своим героем. После первой книги 1911 года последовал перерыв в 3 года. А третий сборник «Недоверчивость отца Брауна» вышел аж в 1926 году, 12 лет писатель держал на голодном пайке читателей, сослав патера в качестве миссионера и приходского священника в Южную Америку. И в первом же рассказе этой книги, который назывался «Воскрешение отца Брауна», Честертон... убивает своего героя. На Брауна во время ночной прогулки нападают злоумышленники, его тело находят под мостом. Но то ли в недоубийстве и состоял замысел писателя, то ли Честертон прямо во время написания этого

Жорж Сименон (1903–1989)

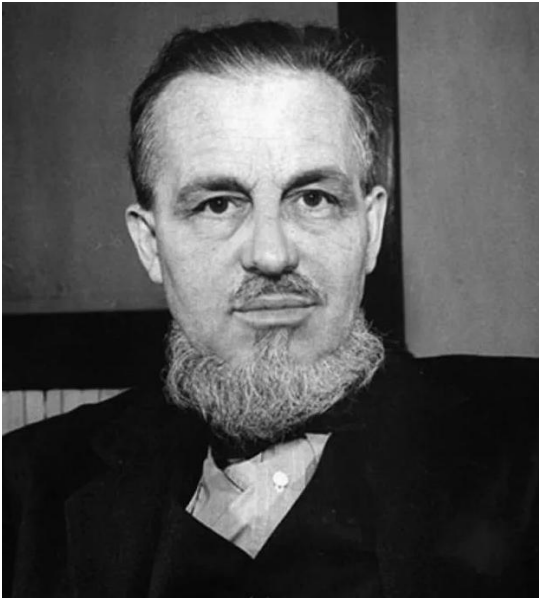
Комиссар Мегрэ (Жан Габен)

рассказа понял, что негоже истинному христианину убивать священника, но так или иначе Браун выжил. И в качестве компенсации за причиненный моральный и физический вред, раскаявшись в содеянном, Честертон написал не только остальные 11 рассказов, вошедшие в этот сборник, но и через год, в 1927-м, поднапрягся и выпустил следующий. Правда, потом последовал перерыв в 8 лет. И пятый сборник рассказов «Скандалное происшествие с отцом Брауном», вышедший в 1935 году, стал последним. Но в год своей смерти Честертон написал последний рассказ о Брауне – «Сельский вампир». Он был опубликован отдельно – прощальный поклон автора герою, от которого он так и не смог избавиться....

Неблагодарный ребенок

Мы говорим – Жорж Сименон, подразумеваем – комиссар Мегрэ. Так было и при жизни Сименона (1903–1989), что выводило его из себя. Ведь писатель много работал в других жанрах, писал «трудные» романы (как он сам их называл) в стиле Достоевского. Но в истории литературы и в умах благодарных читателей Сименон остался прежде всего благодаря своему комиссару. Мегрэ, так же как и отец Браун, всегда защищал слабых и обиженных. Сам Сименон, издавший первый роман о Мегрэ – «Петер Латыш» – в 1929 году, называл его «наладчиком судеб». Но уже в 1934 году писатель включил обратку, и в течение пяти следующих лет среди героев его романов Мегрэ не было. Но эти труды Сименона не имели успеха у читателей, поэтому и доходы писателя усыхали, как шагреновая кожа. Писателю пришлось вернуться к историям о комиссаре и провести с ним еще более 30 лет! Поначалу Сименон, отдохнувший от комиссаровых дел, крепился, но в конце 40-х уже весьма едко высказывался о Мегрэ: «Он – наладчик судеб? Если бы только это могло быть всерьез!»

Почему же писатель, который вначале восхищался своим героем и считал, что у них с Мегрэ много общего в характере, изменил к нему отношение и начал тяготиться им? Один из французских литературных критиков озвучил главную, на его взгляд, причину: «Мегрэ – тот, кем хотел быть сам Сименон: профессионал, обожающий свою работу, честный уважаемый буржуа, у которого такой счастливый брак, – все это было пределом мечтаний Сименона». Сам Жорж

Рекс Стаут (1886–1975)

Сыщик Ниро Вульф (Мори Чайкин)

был из небогатой семьи, с юных лет он работал судебным хроникером в газете, зарабатывая на хлеб трудом, который не приносил ему радости. Он был циничен и не умел любить, в отличие от Мегрэ. Мать Жоржа была равнодушна к сыну, и он мстил всем женщинам, меняя их как перчатки. В своих мемуарах он писал, что у него было 10 тысяч любовниц! Он мечтал о счастливом браке, но просто не умел строить отношения. И своему герою писатель просто-напросто завидовал!

Еще одна причина – ревность. Критики сошлись во мнении, что «его ребенок Мегрэ оказался неблагодарным и затмил его собственное имя». Но убить комиссара Сименон так и не решился – кто же добровольно лишит себя золотой жилы? И тогда писатель решил убить... себя! Не пугайтесь – всего лишь как литератора. Последний роман о комиссаре «Мегрэ и господин Шарль» – 75-й по счету! – вышел в 1972 году. И Сименон покончил с писательством. «Я ликую! Я свободен!» – делился он с друзьями. Но Мегрэ так и не отпустил несчастного своего «родителя». Он даже снился Сименону в конце его жизни. Писатель так вспоминал этот сон: «Мегрэ в своем садике в Мен-Сюр-Луар. Он не скучает. Во всякое время дня у него есть занятие. А бывает, они с женой, взявшись под руку, совершают долгие прогулки. Картины эти сохранились у меня в мозгу, и это стало для меня окончательной отставкой Мегрэ»...

Туша с пивными крышечками

Американский писатель Рекс Стаут (1886–1975) тоже терпел своего героя – частного сыщика Ниро Вульфа – до самой своей смерти, написав о нем 33 романа и 39 повестей. Впервые появившись в романе Стаута «Острие копья» в 1934 году, Ниро обосновался в литературе на 40 с лишним лет. Америка за это время менялась, а Вульф – нет. Ему все так же было 56 лет, как и в первом произведении, он все так же расследовал дела, сидя сиднем в своем доме, предаваясь обжорству и возлияниям – чаще всего небезалкогольным. А вне дома действовал его помощник Арчи Гудвин. Пять первых лет Стаут вполне мирно сосуществовал со своим героем. Но уже в 1939 году писатель решил подвинуть своего неуклюжего толстяка и написал роман «Красные нити» – без Вульфа! Публика возмутилась. Правда, демонстраций, как после убийства Шерлока Холмса,

Ю Несбё (род. 1960)

Харри Холе (Майкл Фассбендер)

не наблюдалось. Но наблюдались письма автору с криком души «Куда дели Ниро?», критические статьи, а главное – мизерный доход от книги. А деньги Рекс Стаут любил, хотя человеком был небедным и предприимчивым, еще в юности заработал 400 тысяч долларов за внедрение придуманной им программы накопления банковских сбережений для школьников. Быстренько смекнув, что Ниро неплохо прокормит его до конца дней, Стаут уже не пытался расстаться с Вульфом. Хотя писатель признавался, что сыщик ему безумно надоел: «Я чувствую себя придавленным этой тушей в 1/7 тонны, я устал описывать кулинарные изыски на столе Вульфа и пересчитывать с Арчи крышечки от пива». Поясним: Арчи Гудвин заботился о здоровье шефа и не позволял ему злоупотреблять пивом. А потому каждое утро пересчитывал крышечки от пивных бутылок, оставленные Вульфом на столе. Но, как ни страдал Стаут, он извлекал выгоду даже от ненавистных ему вещей. И издал кулинарную книгу с рецептами со стола Ниро Вульфа – с помощью друзей, сведущих в кулинарии. Книга имела бешеный успех!

Писатель Роберт Голдсборо, друг Стаута, вспоминал в своей книге «Смерть в редакции»: «Я спросил Рекса, не думал ли он о том, чтобы позволить Вульфу погибнуть в последней схватке со злодеем, подобно тому, как погиб Шерлок Холмс? Рекс посмотрел на меня удивленно: “И что в таком случае мне делать через год? Раскапывать могилу и выволакивать его оттуда?”».

Алкоголик и психопат

Писателя Ю Несбё из Норвегии (род. 1960) классиком называть пока рано, но его герой Харри Холе, полюбившийся читателям, стоит в одном ряду со знаменитыми сыщиками, о которых мы уже рассказали. Холе – сотрудник криминальной полиции Осло, затем – Национальной службы уголовных расследований. Он – алкоголик с неустойчивой психикой, конфликтует с начальством, но без него самые сложные дела просто буксуют. Подозреваем, что в характере героя, которого автор называет другом, немало от самого Ю Несбё – журналиста, экономиста, и... музыканта, главного вокалиста и автора песен норвежской группы Di Derre. Первый роман о Харри – «Нетопырь» – вышел в 1997 году, и 10 лет слава и героя, и писателя росла как на дрожжах.

А «Снеговик», увидевший свет в 2007 году, произвел настоящий фурор! Но... повторить успех «Снеговика» Несбё не удалось. И хотя читатели с восторгом встречали каждый новый

роман о Харри, но и они, и критика заподозревали, что Несбё устал от своего непредсказуемого героя. Но расстаться с ним Ю в то время не мог: «Да, он алкаш и психопат, но он мой друг. Он все время существует в моей голове и моем воображении». Но, наверное, слишком большое место занимал этот алкоголик со сложной личной жизнью в голове писателя. И Несбё в 2018 году уничтожает Харри Холе в романе «Нож». Уничтожает морально – убить героя рука автора не поднялась. Несбё лишает своего героя любимой женщины Ракель Фёуке, друзей и команды единомышленников. И практически лишает разума – Харри даже начинает подозревать, что он сам убил Ракель в состоянии беспамятного алкогольного опьянения. Он разгоняет машину и роняет ее с собой вместе в реку. Машина уходит под лед, но Харри удается выбраться – ведь именно перед падением его осенила догадка, кто настоящий убийца! Но от этого Харри не делается легче... Это один из самых слабых романов Несбё: и поведение Харри вызывает недоумение и раздражение, и мотивация убийцы не выдерживает никакой критики...

В конце романа Харри Холе улетает из страны. Четыре года Несбё отражал требования читателей о продолжении. В это время он издал три книги совсем с другими героями. Критики писали: «Несбё отрекся от Харри Холе. И он надеется выжить?!» Отдохнув от надоевшего друга, Ю в 2022 году осчастливил публику романом «Кровавая Луна». Харри живет в Лос-Анджелесе, пьет как лошадь, тоскует по любимой как лебедь. Но втягивается в очередное расследование, которое возвращает его на родину. Но автор так говорит о своем герое: «В “Кровавой Луне” Харри – сломленный человек, который пытается собрать воедино осколки своей жизни. Но мир Харри рухнул. Мы приближаемся к концу». Действительно, надоел Харри своему создателю. Несбё жесток со своим другом. Но дружба дружбой, а руководить собою Ю не хочет позволять: «Я и так написал 13 романов о Харри – гораздо больше, чем предполагал». Ну, посмотрим. Еще не вечер...

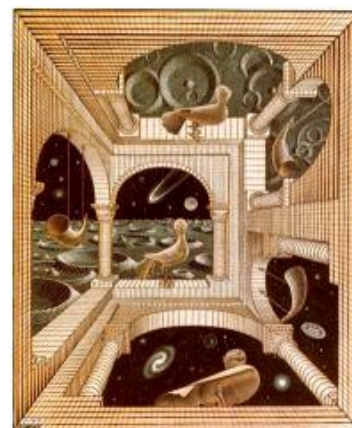
Дмитрий Попов. Русская провинция. Холст, акрил. 2016

ПОЭЗИЯ

Светлана

Эльтерман-Маляшева

(Москва)

А завтра будет лучше, чем вчера.
И небо будет снова улыбаться.
И вирусно-осенняя пора
забудется – трезвонят папарацци.

Мы радостно рванемся по делам.
Их, к сожаленью, накопилось много.
Зато душевный кончится бедлам,
вдохнем всей грудью воздух за порогом.

Как тяжело в этом мире стать незрячим,
глазами близких жить, питаясь с их руки.
Я понимаю. Я давно не плачу,
сильнее став, невзгодам вопреки.

Прижав к себе, как малого ребенка,
и глядя волосы, не раз могу сказать,
как дорог взгляд мне твой и профиль
тонкий,
что никогда тебя мне не предать.

Блуждающую на лице улыбку
приняв за радость, отвергаю хворь.
Хватаясь для себя за довод хлипкий,
ведь пережили боль. Но спорь, не спорь...

Не обмануть глаза, хоть слезы прячу.
Молюсь тихонько, став наискосок:
Жизнь, подсажи, как все переиначить,
пока захлеб пульсирует висок?..

О эта свежесть чудная лесов!
О переклики птиц, летящих в стае.
Повизгиванье радостное псов,
Несущихся без шлейки на гулянье.

Грибная прелость... Изморозь рябин...
Сеть паутиная – гамак природный...
О, не накладывайте карантин
хотя б на этот праздник новогодний.

Кто северным ветрам холодным рад?
Припав к груди твоей, позволь согреться
и досыта глазами наглядеться.
Не отводи, не прячь поспешно взгляд:

в нем отражается и даль, и небо.
А что прекрасней здесь и что светлей,
не разберу... Но ты ответ не требуй –
в объятиях твоих мне все милей.

Так чувствуется в них земная сила,
и нежность, и печаль, и свет, и грусть.
Постой, не уходи чтоб мне хватило
щемящего тепла от спелых уст.

Пусть нити счастья никогда не рвутся
и только в унисон стучат сердца.
От сладких нег не страшно задохнуться...
Не утирай слезу любви с лица.

Московский BAZAR № 4 (47) 2023

Ветры косы расплетают
у березовых ветвей.
Листья дружно птичьей стаей
приземлились у плетней.

Потемнела кромка неба.
Быстрой поступью зима
снегом первым на потребу
приукрыла вновь дома.

На скамеечке в беседке
птиц нечеткие следы.
Клена рыжего соседку
треплет ветер у воды.

Здоровенные вороны
как политики галдят:
снега мало... споры... звоны...
Повернулась жизнь назад.

Осень пегая – уныла.
Снова море у крыльца.
Бьется в окна ветер сирий...
С неба слезы без конца...

Гляжу в окно. Что это? Мнится?..
Вся улочка белым-бела.
В небесной мгле высоко птица
в полете чудно замерла.

Мы тащимся вверх по дороге
и топчем снежистый покров.
От роц кленовых склон пологий
весь в рыжем полыхе костров.

Что нам оставит память? краски,
величье гор или деталь?
Метелей затяжные пляски
иль отуманенную даль?

Как увлажняет землю ситник...
Как льнет последняя трава...
Цепочки гор, обрывки нитей
дорог печальных... Иль слова?

Пусть – слово. Ведь лететь без страха
в любую даль ему дано:
навстречу ветру, скалам – птахой
и прорасти в стихах зерном.

Приходит время вечеров,
не тех горячих, летних, длинных,
а темных будничных – в Покров,
когда ложится снег предзимний.

Когда под ветром ветхий кров
стучит по крыше старой дранкой.
Когда поленница из дров
сосной пахнула спозаранку.

Густой, наваристый туман
застрял в низине за рекою.
И однорукий старый кран
по грудь укрылся пеленою.

Зарей калины спелой кровь
окрасила покров осенний.
И мать пошла доить коров...
И скрипнули ступеньки в сенях.

И воздух чистый и благой...
А я – раз в год, на выходные...
О Господи, душой нагой
вдыхаю запахи родные!

Сопя, прижался старый пес
в ладонях мокрых морду пряча...
И, кажется, немой вопрос
застыл в глазах его незрячих.

...По телу побежал озноб,
и струи воздуха сквозные...
Бесчувственный... Ну как я мог
не слышать сердца позывные!..

ПОЭЗИЯ

Вероника Сенькина
(Москва)

Осень и осень, и скоро начнет вечереть...
Носом клюет воробей на ободранной ветке,
хочется плакать, но нет подходящей жилетки,
нет проходящего поезда, повода греть

руки над пламенем перегоревшей свечи –
лампочки? чувства? – нет повода остепениться,
рвать отношения с шумообильной столицей
и отправляться на поиски первопричин

разных, несвязных друг с другом «на кой» и «доколь»,
кольца Сатурна для вескости к ним приплетая.
Хочется быть, а не слыть – вот такая простая,
вроде бы мысль, а поди-ка ее соизволь

в жизнь воплотить, в обесмысленность будней вживить...
Раз – и она извернется змеей подкольной,
брякнется в лужу, налижется капель холодных
и ни за что не позволит себя изловить

раньше, чем следует, – следующей проливной,
рыжехарактерной, ветреной в хлам душегубки –
осени. Осень. И нету ни толики шулки
в правде,
ни доли...
ни зонтика – над головой.

Там стоят фонари,
украшая бетон,
там вагоны цветут
фиолетово-синим.
Звездный мальчик проводит
по крышам пером,
и следит за пером
битый час Томасина.

Там не скучно совсем,
там семнадцатый май
знает больше, чем все
тридевятое царство,
там ползет к Белорусской
последний трамвай,
впереди целый мир:
и любовь, и коварство.

Там в наушниках – рок
чередой децибел
не дает задремать,
не дает отключиться.
Там присутствует счастье
само по себе,
и ни деготь его не берет,
ни горчица.

Там довольно найти
телефон-автомат,
чтобы голос родной
стал существенно ближе.

Связь доступней теперь,
но молчат номера
тех,
которых
уже
никогда
не увижу...

Я не остыла – просто
устала драться.
Я не люблю ни шахматы,
ни корриду.
Раньше? Так раньше, рыцарь,
мне было двадцать.
Все было как-то проще:
и вдох, и выдох...

К музыке я, конечно,
неравнодушна,
просто нечасто слушаю
хеви-метал.
Мне бы такое что-нибудь
повоздушней,
что-нибудь повальсовей...
ага, вот это...

Милое «раз, два, три»
ностальгией бравой,
острым клинком пронзит
временную бездну...
Штраус, вы как всегда
оказались правы:
жить – это очень больно,
но интересно.

Первое января
приведет второе,
третье, потом четвертое,
как по нотам.
Каждой эпохе памяти –
по герою.
Каждой жене Артура –
по Ланцелоту...

Дочери

Я приду к тебе в девять, брошу пальто на стул,
и перчатки, и шарф, и шляпу свою, и сумку.
Не вникая в суть дела, сразу тебя спасу
мятным чаем, лукавым взглядом, дурацкой шуткой.

Буду врать тебе, как синоптики, что к утру
солнце вылезет из-за туч приумыто-свежим,
что я буду всегда с тобой и что не умру
никогда-никогда, какой бы февраль ни снежил.

Буду гладить тебя по спутанным волосам,
целовать тебя в бестолковые две макушки,
убеждать, что, по сути, алые паруса –
это просто литературные безделушки.

А в реальности – полотняней всё и грубей,
но устойчивей и прочнее, чем в детских сказках.
Ты поверь мне, я – очень стреляный воробей,
Несмеяна моя влюбленная, Златовласка...

Перебирая томное «не то»,
аукаясь с нечаянным «а то ли?»,
держась за кромку солнца, что утонет
под бирюзовой тяжести плитой...

Нет-нет, не льстить себе на всякий счет,
не покоряться нынешнему лиху –
ступать по дну морскому тихо-тихо,
чтоб не нарушить целое еще...

Вот в этом самом, собственно, вся суть
любого расставания и встречи:
обнять друг друга истово за плечи
и у щеки про главное шепнуть...

Второй сезон отказываясь цвести,
корнями роза вгрызлась насмерть в землю.
Но замысел ее мне неприемлем,
ни фракционно, ни глобально – весь:

она жива, но мне-то что с того,
когда на ней ни листика, ни почки,
когда меня не радуют цветочки,
глядит уныло в небо голый ствол...

Такая жизнь мне, нет, не по нутру,
и я свое ей виденье диктую:
«Не зацветешь, сменю тебя на тую!
или еще чего изобрету...»

Да, я – мастак, конечно, угрожать...
Но ни одна божественная туя
меня не сможет эдак, в ус не дую,
надежно...
в напряжении держать.

Дженни давно забросила акварель,
вышла за Педро, обзавелась котом.
Кот завести подумывает гарем,
Педро – до этой темы дойдет потом...

Если свекровь внедряется в их союз,
Дженни хохочет в голос и плохо спит,
сложно быть начеку и не быть в строю,
двигаясь между «бошем» и индезит-

ом». Оттесняя ловко проводника
левым бедром, мотает в тугой клубок
голые нервы Дженни. Течет река
времени. Скоро в школу пойдет сынок...

Дженни влилась в родительский комитет,
вклинились в жизнь общественные дела...
Педро все чаще к ужину дома нет,
Дженни – второго мальчика родила.

Педро принес в роддом двадцать девять роз,
поцеловал супругу куда-то... в лоб.
Тучей навис над славной семьей вопрос:
что бы такое сделать для счастья, чтоб

каждому – вдоволь, в яблочко, в центр ядра...
Мир погрузился в очередной апрель.
Педро ушел искать от добра – добра,
а Дженни...
наконец-то выросла, и
теперь ее зовут
Евгенией Павловной.

Нет ни друга мне, ни товарища,
не сочувствуй да не суди!
Я сама себе есть – пожарнице –
океаном не остудить...

Не унять меня легкой песенкой,
рассержусь, лишь возьмешь аккорд.
Мне самой от себя невесело,
и бежать бы во весь опор...

Мне самой от себя так суетно,
так студено, что не согреть
ни прощальными поцелуями,
ни бесснежностью в декабре,

ни предмартовским предвкушением
прочим проченного тепла.
Все победы и поражения
я до тождества довела,

намешала: кореньев, цветиков,
настояла на сорокá...
Знать бы: всем ли добром ответила
замирающая строка?

Из светелочки всех ли вверенных
посчастливилось увести?
Там ли я посадила дерево,
где случится ему цвести?

Солнечных зайчиков и перелетных фей,
свежей мяты под окнами, чудных чаек
хочется! Музык навязчивых в голове
полон транзистор, могуч и невыключаем.

Хочется верить и чувствовать, что не зря
все, что прошло и случилось и в память
въелось.
Брызг нестареющих волн, что в лицо искрят,
хочется! Встреча случится ли, Юджин Велос?

Мы соберемся ли прежними нами, мы
сможем ли вычислить рельсы, дороги, рейсы?
Те, что единой идее подчинены:
тысячи слов привезти под прожектор
действий.

Чаю с мятой, и чаек, и брызг морских
хочется очень! И чтобы еще... и чтобы...
строчками, словно стежками, наш каждый
стих
все промежутки молчаний сумел заштопать.

ПОЭЗИЯ

Игорь Чурдалёв

(1952, Севастополь–2020, Нижний Новгород)

Школьник сидящий,
 все я боюсь ощутить себя взрослым.
 Мертвой свободой ума захлебнуться,
 утопая в омуте лет.
 Только представьте –
 ужас! –
 проснусь я однажды утром,
 умный,
 точно чугунный каток
 среди детских песочниц,
 в точности зная,
 как поступить я обязан...
 Если солгу – то с расчетом.
 Если напьюсь – то от скуки.
 – Любишь ли? – женщина спросит.
 – Да, – я отвечу, –
 за что ж мне тебя не любить?..

Пройди, моя любовь.
 Бессмертной быть жестоко.
 Умолкни, жизнь моя.
 Угомонись в груди –
 не ранее судьбой назначенного срока –
 как можно дольше длись.
 Но все-таки
 пройди.

Тогда и подобью
 итоги сладкой мести,
 чтобы сказать в конце,
 уже не сгоряча:
 «Ты мучила меня –
 за это сгинем вместе.
 Я отслужил тебе,
 как пламени свеча».

Кольцо

Еще не сутулый в плечах,
 еще не научен печалью,
 швыряющий сходу:
 «Прощай!»,
 не помнящий слова «прощаю»,
 по новой созвавший на пир
 ватагу, как только проспался,
 он в скупку отнес и пропил
 кольцо с безымянного пальца.
 Бывалый подсказывал друг
 и вторили пьяные рожи,
 что надо загнать было с рук
 и это бы вышло дороже.
 А он бормотал до зари,
 куда орали и пили,
 что с рук бы кольца не купили,
 ведь там ее имя внутри...

Пляж

Матрон раблезианские тела,
вьюны-подростки, тощие от страсти,
охотницы, сгоревшие дотла,
фартовые валеты жгучей масти,
отцов семейств пивные животы,
прыжки атлетов, млеющих в полете...

Короче – пляж, собрат сковороды,
весь в пузырях живой, кипящей плоти.
Он пьет прибрежный пенный отвар,
он впитывает зной – ничком и навзничь.
Он копошится. Он живет, как тварь,
способная рассасываться на ночь.

Но в час жары пляж неразъемен весь.
Лишь изредка, тоской или задором
подвигнут, обезумевший пловец
рискованно заигрывает с морем.
Сперва шутя – купанье, пустяки! –
но вдруг, как будто позван кем-то властным,
решительно уходит за буйки,
сменяя кроль экономичным брассом.
С высокой вестью высланный гонец,
потом он вовсе забывает стили,
и, видимо, решив – один конец! –
в один конец рассчитывает силы.

Но пляж не спит.
С ленцой, не торопясь,
вразвалочку, помалу-полегоньку
морской бинокль нацеливает пляж
и катер с мегафоном шлет вдогонку.
И – все дела.
Опять в песке, в тепле,
в прогал меж тел беглец впрессован туго.
Несложно опознать его в толпе
по дрожи запоздалого испуга.

Язычник

Ах этот бог...
Ну помню, как же, как же.
Был суховей и адская жара.
Кишела чернью плоская гора.
А я к тому же, как начальник стражи,
еще одет в доспех из серебра
и перебрал в триклинии вчера,
а нынче снова мучился от жажды.
Считать с утра – не меньше меха выпил.
А сам наместник, бестия, не прибыл.

У нас чуть что – центурия моя.
Случится казнь какого-то ворья,
моих орлов тотчас же – в оцепенье.
Уйду в отставку. Кончится терпенье.
Куплю именье....
Так о чем бишь я?

Ах да, жара – аж до оцепененья
мозгов под шлемом... Там была одна
в толпе красотка, это помню точно,
еще подумал: надо бы...
Но тошно,
и как-то лень от зноя, от вина.
В тот год вообще не лето было – пекло!
Все выгорало, трескалось и блекло,
и пропадала влага в родниках.
Что родники – моря и реки сохли...

К обеду двое на крестах издохли,
а третий – сумасшедший – все никак.
И бред его мне доносило ветром:
что он, мол, бог и вся такая муть...
И думал я: помри, будь человеком,
над нами сжался и себя не мучь.
А он все ныл про веру и добро...

Тогда я не спеша допил из фляги,
подъехал к богу вашему, к бедняге,
и сунул ему пику под ребро.

Туда никому заглянуть не дано.
Впустую волхвы словоблудят.
Не спрашивай, что нам с тобой суждено.
Откуда я знаю, что будет.

Художник – вне позы жреца и судьи,
провидящих, бездны пронзая.
Почти наугад он бредет меж людьми
по минному полю познания.

Последней воронкой отмечен рубеж,
а дальше ведет лишь отвага,
И места подошвам хватает в обрез
для каждого смертного шага.

Там дремлет земля – неоткрытая сплошь,
слабеющих подстерегая.
Неверное слово, малейшая ложь –
и всё. И прощай, дорогая!

Сверкнет, закружится – не видно ни зги.
Но дым разойдется едва лишь –
И, переступив через кости в грязи,
пробьется вперед мой товарищ.

А следом проложат асфальт среди травы –
катись хоть на кресле-каталке...
И только тогда приплетутся волхвы
и карты раскинут гадалки.

Охотники на снегу

Как умирала молодость во мне!
На дыбе выла, корчилась в огне,
под временем, как роца под пилой,
вопила... Смертью медленной и злой,
нелегкой смертью умирала. Ей
еще хотелось наверстать, допить,
переиграть, себя перекроить,
переиграть –
но ярче и острее –
всю музыку бессмысленных, прекрасных,
зеленых лет в дождинках майских дней,
весь гул и гомон сил преступно-праздных.

Она металась, бедная, в жару,
вдруг затевала жалкую игру
и бредила, бодрясь, в смешной надежде,
что страсть и свежесть в ней кипят как
прежде...
Но, обессилев, никла вновь к одру.

И оголились ветви на ветру,
пожаром кратким вспыхнув напоследок.
И пульс пропал...
А ветер нес пургу,
как на подушке, расправляя слепок

агонии на скомканном снегу.

Аукнулось и стихло эхо боли.
Горячечная спала пелена –
и стала жизнь других людей видна
душе, собою занятой дотоле.
Живящий холод в легкие проник.
И я, очнувшись, поднял воротник,
поежился и оглядел окрестность.

Деревья цепенели. Наст блестел
и утопал в дали, терявшей резкость.
Но там, где оттеняла синева
метелью нежной выбеленный берег,
щемящие, как их увидел Брейгель,
людей фигурки двигались едва...

Я побежал – постоитте, я сейчас! –
за ними, к ним – я не один на свете! –
сквозь лес и холод, напрямик решаюсь,
барахтаясь в снегу, ломая ветви,
глотаю слезы...

Но уже не смерти,
а только одиночества страшась.

Египетская баллада

Образуют круг времен
дней мелькающие спицы.
Мчится юный фараон
в золоченой колеснице.

Он справляет торжество,
что ни схватка, что ни битва.
И на ложе у него
то хеттянка, то нубийка.

Вдоволь кипрского вина –
угощает победитель.
Пьет с друзьями дотемна
двух Египтов повелитель.

И выходит в час ночной
любоваться звездной далью.
И покорный лев ручной
лижет царскую сандалю.

Но военный брошен клич –
снова гнев слепит зеницы.
Колесницы мчатся. Лишь
дней поблескивают спицы.

Неизбывен ход планет.
И хоть он столь молод с виду,
фараону тридцать лет.
Время строить пирамиду!

Время строить пирамиду –
краткой памяти назло.
И геометра стило
проторяет путь Евклиду.

В номы выслали гонцов.
И опять мелькают спицы:

смуты, ропоты жрецов.
слезы матери-царицы:

– Устыдись моих седин!
Чем я гневаю Исиду?
Позабудь забавы, сын!
Время строить пирамиду!

Не сдаётся фараон.
Отсылает к Сету свиту,
прочь уходит.
А вдогон:
– Время строить пирамиду!

Он твердит, забыв о сне:
– Я диктую полумиру,
кто ж отмеривает мне
время – строить пирамиду?
Кто желает мне конца?
Кто прикажет жить, старея,
словно сыну кузнеца
или внуку брадобрея,
мне, властителю Урея,
мне, носителю венца?..

Нет ответа. Тьма в глазах –
то ли тени, то ли птицы,
то ли спицы колеса
беспощадной колесницы.
Нет ответа. Жалкий крик
повторится – нет ответа.

И уже почти старик
входит в гулкий зал совета.
Как велось из рода в род,
говорит, сглотнув обиду:
– Время строить пирамиду.
И построи. И умрет.

Ночлег Жуана

По дороге в Севилью,
в края серенад и рапир,
Дон Жуан,
непогодой в случайных стенах остановлен,
отобедав обильно, вино андалузское пил
и пытался уснуть
под шараханье ветра над кровлей.

«...Завтра надо спешить,
доскакать, обгоняя молву.
Что минуло – забыто,
а что впереди – неизвестно.
Поединок решит.
Или ласковый взор на балу...
Только будут моими
две ямочки этих прелестных!..»

О блестящий повеса, скиталец,
подлец из легенд –
как вериги, влачатся вослед
за тобой прегрешенья.
Столько было ненужных,
не греющих сердца побед.
Может быть, наконец,
ты заслужишь свое поражение?

До обидного просто – интрига почти удалась.
И легко отдавать забытью забубенное тело...
Но очнешься под утро, тоскою своею давясь,
заорешь в темноту – и воды принесет

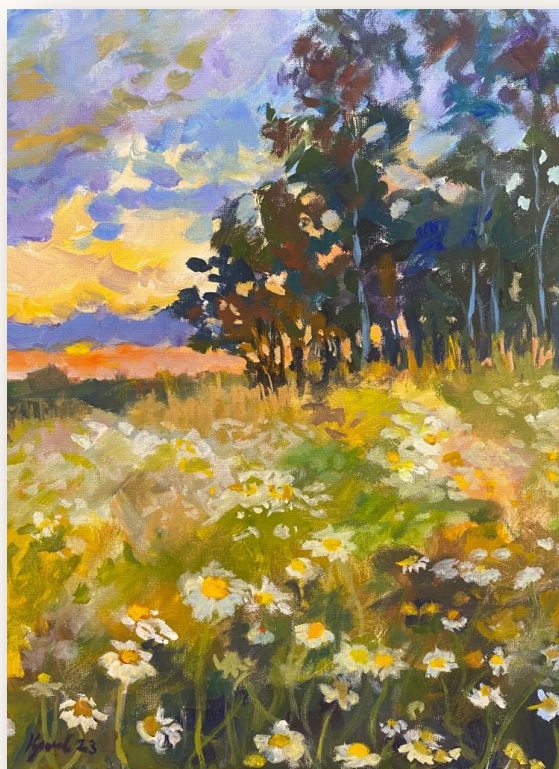
Лепорелло.

Предки бельма с портретов
вонзают в пустой коридор.
Что ж ты, каменный враг –
околел на своем пьедестале?
Где уж было тягаться тебе,
истукан-командор,
с одиночеством этим,
прикрытым полоскою стали.

Мир не хочет любви.
Лишь фальшивая слава блеснит.
И пока Дон Жуана не кончат разгульные ночи –
не предвидится битв,
где покой суждено обрести,
и прекрасная Анна
случайна – как тысячи прочих.

Горек путь на заре.
Видно, с вечера все же простыл.
Кружит голову дрема – и песня копыт монотонна.
Выбивают они:
«В монастырь.
В монастырь.
В монастырь...»

Но – пришпорить коня!
Не простит опоздания Донна.

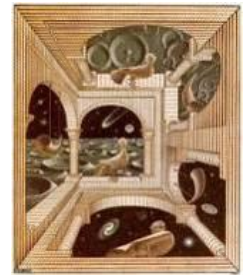

Максим Крюков. Ромашки.
Холст, темпера. 2023

ПОЭЗИЯ

Михаил Михлин

(г. Холон, Израиль)

Доча

Вот и выросли наши девчушки,
наши солнышки, наши котята –
завитые двойные макушки,
вкусно пахнувшие когда-то.
И теперь уже с ними не просто,
и порой отдается болью
это взрослое не по росту,
«существо-вещество» и более –
человек тонкорукий – «доча!»,
что не ведает... Что порою
в середине жизни и ночи
обо всем говорит с тобою.
А наутро, забыв улыбку,
с третьей скорости прямо с места,
повторяя мои ошибки,
улетает она из детства.
И нельзя удержать! Надежды,
что услышит мое: «Осторожно!» –
нет! Но можно любить как прежде
или больше, если возможно...

Гирлянды белых облаков

Гирлянды белых облаков,
порозовевших от заката,
за горизонт плывут куда-то
стадами мраморных слонов...
Они, покорные судьбе,
от тучных пастбищ к водопою
идут небесною тропою
все вместе, каждый по себе...

Сверкает золотом стерня
лучей из солнечного рая,

они идут, не замечая
дыханье близкого огня...
Вполне довольные судьбой,
трубя в восторженные горны,
они идут, любуясь гордо,
все вместе... Каждый сам собой...

Но разгорается закат
недобрым пламенем багровым
и метит ужасом лиловым
глаза непуганых слонят...
Они, покорные судьбе,
качая грустно головами,
идут, куда не зная сами,
все вместе... каждый по себе...

Я не могу их удержать –
застыли крики комом в горле...
Чужая боль... И чье-то горе
моим становится опять...
И мы, покорные судьбе,
лишь провожаем их глазами
туда, где вспыхивает пламя,
где каждый сам... и по себе.

Подбрюшья белых облаков
порозовели от заката.
За горизонт плывут куда-то
стада из мраморных слонов...
Они, довольные судьбой,
трубят восторженно и гордо,
а скрипки плачут, и валторны
уже рыдают за спиной...

У них рыдают за спиной...

Та женщина ушла...

Опять дождит с утра...
 Погода, как хандра...
 Во всем она, конечно, виновата...
 А женщина была...
 «Та женщина ушла...» –
 «Куда она ушла?» – «Ушла... куда-то...»

Звонок!.. Входная дверь...
 «Будь другом, друг, проверь...» –
 «Нет никого.... Почудилось... Погода...»
 Висит в прихожей плащ,
 и горбятся, хоть плачь,
 ее ключи на тумбочке у входа...

Ты только не молчи,
 Пей водку, вой, кричи,
 Сегодня есть не повод, а причина.
 Ведь женщина ушла...
 Та женщина была...
 Та женщина была тобой любима...

Молчит входная дверь...
 «Ушла, и что теперь?..»
 «Она ушла... И больше не вернется...»
 Висит в прихожей плащ,
 и зеркало, хоть плачь,
 ей больше никогда не улыбнется...

Нева

Ветер... Осень... Холода...
 Фонари, как господа,
 в черных длинных сюртуках
 держат головы в руках
 и роняют с эполет
 позолоты тусклый свет...

Вечер... Стылая волна
 белой пеною видна,

трется мордой о гранит...
 Ветер дворников бранит
 и гоняет вместо них
 листья с мокрых мостовых.

Город мерзнет... Будто дрожь,
 по реке гуляет дождь.
 Вся Нева в гусиной коже.
 Видно, холодно ей тоже,
 и она дрожит во мгле.
 Зябко ей и зябко мне...

Словно пес бездомный, ветер
 меж оград чугунных... вечер.
 И душа моя, похоже,
 как река в гусиной коже.
 Страшно ей и страшно мне –
 даже думать о зиме...

Вернуть ее... но как?..

В осеннем парке музыка жила.
 Не знаю, как и кто ее оставил,
 но в нарушение горсоветских правил,
 жиличка скромная осталась до тепла.
 В осеннем парке видно все насквозь,
 Укрывшись пестрым желтым одеялом,
 совсем тихонько музыка звучала,
 знакомая и грустная до слез.
 К ней приходил почти что летний дождь,
 и прилетал почти что теплый ветер.
 Он так ласкал березовые ветви,
 что их от нежности охватывала дрожь.
 И лишь над сценой, где от летних гроз
 мы прятались, сплетая наши руки,
 она взлетала, расправляя звуки,
 прозрачные, как крылья у стрекоз.
 Навстречу ей из кружева стропил,
 где диких голубей апартаменты,
 срывались вниз дождем аплодисменты,
 и падал пух от сизариных крыл...

Потом был снег... Осеннего тепла
 хватило лишь на то, чтоб он подтаял,
 И музыка моя, прибившись к птичьей стае,
 испуганно по небу поплыла.
 Кричали птицы за нее: «Прости!..» –
 и обещали в марте возвратиться.
 И я поверил перелетным птицам,
 словам и обещаньям их пустым.
 В осеннем парке нынче воронье
 судачит об одном: «Что не было?.. Что
 было?..»
 Еще о том: «Любила?.. Не любила?..»
 А может быть, я не любил ее?..
 И врал себе и ей... Нам было невдомек,
 как много в этом мире «добрых» клеток
 из стали, из стекла, из чьих-то меток,
 из слов и музыки... В том парке с тонких
 веток
 стекал туман... Дымился костерок...
 Дымил напрасно – не было в нем проку.
 Он только злил скандальную сороку,
 которой все на свете «поперек»...
 Да ну ее.... На ябедных теперь
 не обращают прошлого вниманья.
 Она всего лишь часть воспоминанья –
 лишь ключ, что открывает дверь
 на авансцену. Сбоку от кулис,
 где некогда сидели оркестранты,
 есть пяточок, здесь грешные таланты,
 из местных, собираются и вниз
 глядят с подмостков в будущий аншлаг,
 не брезгуя дешевеньким портвейном,
 а души их играют на Литейном
 безумных Гамлетов, Лаэртсов – бедолаг
 и умных Йориков – циничных и безбожных...
 Они читают странные стихи,
 бесстрашно зная, что они плохи.
 Но это хорошо! И это можно!
 Портвейнов слаще в жизни я не пил
 и не любил честнее и свободней...
 За те грехи мне место в Преисподней!

Но там я жил. Вот там! Тогда! Я жил...
 Все остальное было привыканье
 к тому, что есть... Сознание... бытие...
 иной «прикид», изысканней питье,
 а цель одна – лишить себя желанья –
 вернуться к ней, в тот парк...
 И плыть, «без весел, без ветрил»,
 Пока я помню все... Пока я не забыл...
 Вернуться к ней... Но как?..

Весна

Так хочется порою в захоlustье –
 в лесную глушь, где мост снесла река,
 где в небе сером пролетают гуси,
 к родным местам спеша издалика.
 Вода бурлит, шумит, как пьяный ухарь,
 рубашку разорвавший до креста,
 ревет и щерится, довольная разрухой,
 кривыми сваями снесенного моста.
 Нагих полей и перелесков остров.
 Остатки снега прячутся в кустах.
 Весна случается безудержно и просто
 из года в год в моих родных местах.
 Махнем туда за день до ледохода,
 когда растопит солнце снег со льда,
 ведь там весна совсем не время года,
 а радость, что приходит иногда...
 Там нет в ночи тревожных телефонов
 и нет нужды в потоках новостей.
 Там светятся на лицах незнакомых
 улыбки самых преданных друзей.
 Дымятся трубы – вкусно пахнет хлебом.
 Там на восходе пение скворцов...
 И надо в дом нарезать веток вербы,
 и надо выправить подгнившее крыльцо.
 И это там главнейшее из действий,
 что напрямую связано с весной.
 Там мы с тобою снова будем вместе,
 не просто вместе – вместе мы с тобой!

Плед

Мой старый друг – мой теплый плед,
 служивший мне так долго...
 По истеченьи многих лет
 утратил чувство долга.
 А должен он всего лишь быть
 послушным и ленивым,
 меня, уставшего, любить
 и быть со мной счастливым.
 Когда за окнами темно
 и миром правит вьюга,
 мы с ним должны быть заодно
 и понимать друг друга.
 Когда в камине нет огня
 и бьет озноб по коже,
 он должен – должен! – греть меня
 и согреваться тоже...
 Теперь зима и сквозняки
 в квартире нашей сонной,
 и мерзнет тень моей руки,
 упав на пол холодный.
 Не знаю как, уже давно
 сменили цвет обои.
 Мы постарели заодно,
 нам нелегко обоим.
 Конечно, старость не позор,
 Но, вылиняв местами,
 мой плед не радует мой взор
 поблекшими цветами.
 И стал он холоден со мной,
 так холоден со мною,
 как будто я всему виной,
 Всему, всему виною.
 Но он мой друг, и я терплю
 обиды монологи.
 Он вещь, которую люблю,
 Как, в общем-то, немногих.
 И пусть за окнами январь
 и миром правит вьюга,
 мы с ним обнимемся, как встарь,
 и будем греть друг друга.
 Устав от сумрачного дня,
 Вдвоем мы встретим вечер,
 в котором кто-то ждет меня,

чтобы обнять за плечи.
 И все пройдет, уже прошло...
 «Прости...» – и я прощаю.
 Мне хорошо... Так хорошо,
 тепло... Я засыпаю...
 На день, на час, на год, на два,
 а может, до погоста...
 Все в жизни просто, как всегда.
 О Господи, как просто...

Первый Северный

Улица Пушкина, дом двадцать восемь –
 здесь я родился в промозглую осень
 в послевоенном нелегком году.
 Здесь я родился, но здесь не умру.
 Есть у него и другое название –
 «Северный-первый» из белого камня.
 Северный-первый – три гордых крыла...
 Дом – он не птица, но гордость была!
 Северный-первый – ну кто тебя тронет?!
 Северный-первый – он в полном законе!
 Не в воровском, а в законе дворов –
 трусов здесь били и гнали воров.
 Северный-первый – другие понятия!
 Здесь верховодили старшие братья,
 те, что зачаты в сорок шестом
 теми, кто смог возвратиться в свой дом.
 За поликлиникой сквер «поликлишки»,
 там партизанили наши мальчишки,
 там получали «фашисты» сполна,
 там еще долго гремела война.
 А вечерами после работы
 наши папани, оставив заботы,
 став королями «японских» подач,
 били восторженно кожаный мяч.
 Смачно, с оттяжкой били и били...
 Господи, как же отцов мы любили!
 Самых красивых и самых родных,
 самых оставшихся чудом в живых.
 Детям другим, из других поколений,
 не испытать этих сладких мгновений
 послевоенной счастливой поры...
 Наши двory – это наши двory!

ПРОЗА

Антон Павлович Чехов

ЁЛКА

Высокая, вечно зеленая елка судьбы увешана благами жизни... От низу до верху висят карьеры, счастливые случаи, подходящие партии, выигрыши, кукиши с маслом, щелчки по носу и проч. Вокруг елки толпятся взрослые дети. Судьба раздает им подарки...

— Дети, кто из вас желает богатую купчиху? — спрашивает она, снимая с ветки краснощекую купчиху, от головы до пяток усыпанную жемчугом и бриллиантами... — Два дома на Плющихе, три железные лавки, одна портерная и двести тысяч деньгами! Кто хочет?

— Мне! Мне! — протягиваются за купчихой сотни рук. — Мне купчиху!

— Не толпитесь, дети, и не волнуйтесь... Все будете удовлетворены... Купчиху пусть возьмет себе молодой эскулап. Человек, посвятивший себя науке и записавшийся в благодетели человечества, не может обойтись без пары лошадей, хорошей мебели и проч. Бери, милый доктор! Не за что... Ну-с, теперь следующий сюрприз! Место на Чухломо-Пошехонской железной дороге! Десять тысяч жалованья, столько же наградных, работы три часа в месяц, квартира в тринадцать комнат и проч.... Кто хочет? Ты, Коля? Бери, милый! Далее... Место экономки у одинокого барона Шмаус! Ах, не рвите так, mesdames! Имейте терпение!.. Следующий! Молодая, хорошенькая девушка, дочь бедных, но благородных родителей! Приданого ни гроша, но зато натура честная, чувствующая, поэтическая! Кто хочет? (Пауза.) Никто?

— Я бы взял, да кормить нечем! — слышится из угла голос поэта.

— Так никто не хочет?

— Пожалуй, давайте я возьму... Так и быть уж... — говорит маленький, подагрический старикашка, служащий в духовной консистории. — Пожалуй...

— Носовой платок Зориной! Кто хочет?

— Ах!.. Мне! Мне!.. Ах! Ногу отдавили! Мне!

— Следующий сюрприз! Роскошная библиотека, содержащая в себе все сочинения Канта, Шопенгауэра, Гёте, всех русских и иностранных авторов, массу старинных фолиантов и проч.... Кто хочет?

— Я-с! — говорит букинист Свинопасов. — Па-жалте-с!

Свинопасов берет библиотеку, отбирает себе «Оракул», «Сонник», «Письмовник», «Настольную книгу для холостяков»..., остальное же бросает на пол...

— Следующий! Портрет Окрейца!

Слышен громкий смех...

— Давайте мне... — говорит содержатель музея Винклер. — Пригодится...

— Далее! Роскошная рамка от премии «Нови» (пауза). Никто не хочет? В таком случае далее... Порванные сапоги!

Сапоги достаются художнику... В конце концов елка обирается и публика расходится... Около елки остается один только сотрудник юмористических журналов...

— Мне же что? — спрашивает он судьбу. — Все получили по подарку, а мне хоть бы что. Это свинство с твоей стороны!

— Всё разобрали, ничего не осталось... Остался, впрочем, один кукиш с маслом... Хочешь?

— Не нужно... Мне и так уж надоели эти кукиши с маслом... Кассы некоторых московских редакций полнехоньки этого добра. Нет ли чего посущественнее?

— Возьми эти рамки...

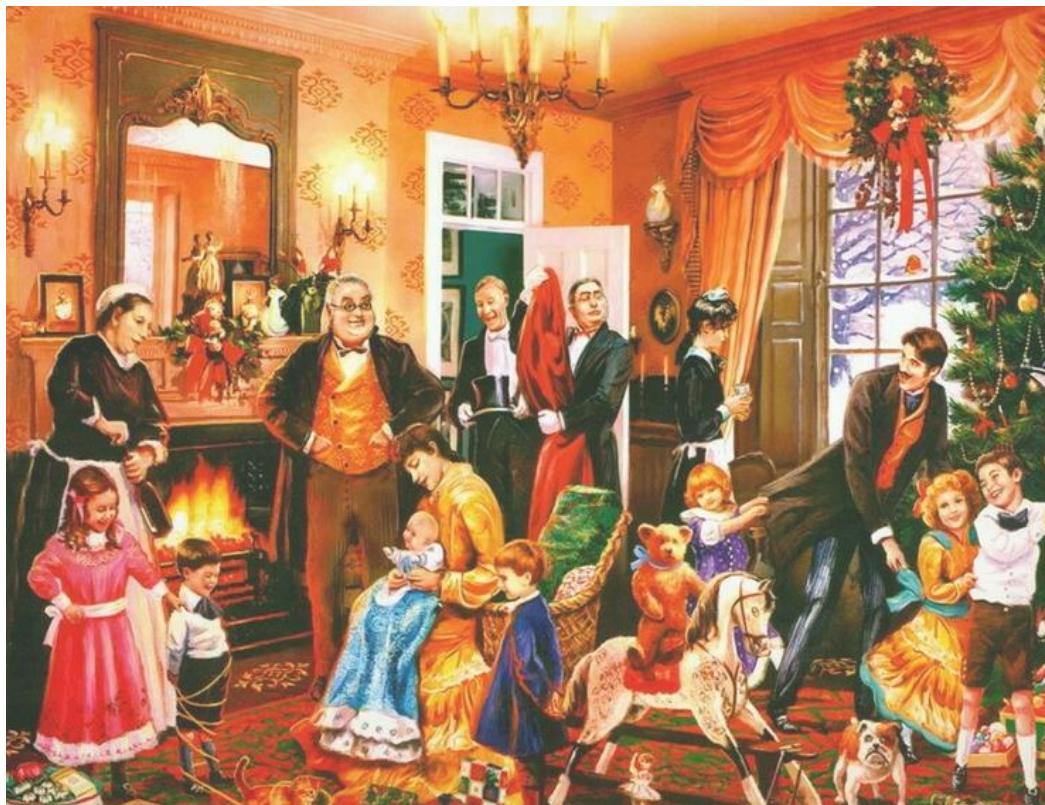
— У меня они уже есть...

— Вот уздечка, вожжи... Вот красный крест, если хочешь... Зубная боль... Ежовые рукавицы... Месяц тюрьмы за диффамации...

— Всё это у меня уже есть...

— Оловянный солдатик, ежили хочешь... Карта Севера...

Юморист машет рукой и уходит восвояси с надеждой на елку будущего года...

ПРОЗА

Юлия Сорокина

(МОССАЛИТ, Москва)

ЧУЖАЯ СОБАКА

Москву завалило снегом. Дорожные службы, как всегда, не справились с внезапно нагрянувшей непогодой. Пал Палыч застрял в пробке на Ленинском проспекте, и это начинало его злить. Настроение у него было совсем не новогоднее. Из-за аврала на работе праздничных выходных не будет: третьего января приедут партнеры из Финляндии. Его ждут незабываемые дни в обществе бородатых здоровяков, желающих познакомиться с достопримечательностями столицы и заключить долгосрочный контракт именно в это время.

До Нового года оставалось десять дней, а тут полная неразбериха: проект контракта не готов, подарки друзьям и родственникам не придуманы, к тому же он так и не смог вспомнить, куда подевал список продуктов, которые нужно купить к праздничному столу. Зато письмо сына Деду Морозу помнил наизусть.

Сашка был единственным ребенком в семье и часто грустил, что ему не с кем играть. Поэтому он, уже не в первый раз, просил у Деда Мороза брата, причем уже взрослого, чтобы сразу можно было и в футбол с ним играть, и в кино ходить, и на велосипеде гонять. В очередном письме он, видимо потеряв надежду на обретение брата, просил у волшебного Деда щенка, или котенка, или, если родители совсем-совсем не разрешат, хотя бы хомячка.

Телефон беспомощно извещал о пропущенных звонках и сообщениях, но ни с кем не хотелось говорить. Автомобильный поток двигался в час по чайной ложке. Радио он выключил – раздражало, сосредоточиться и послушать аудиокнигу тоже не получалось. Оставалось только держать ногу на педали газа и смотреть на огни ползущей впереди машины. Летящий снег создавал иллюзию движения. В голову полезли какие-то странные мысли: а что происходило с ним в эти дни десять, двадцать или даже тридцать лет назад? он помнит? Кажется, да. Воспоминания кадрами цветного кино стали всплывать из прошлого.

Тридцать лет назад. Тогда он был не Пал Палычем – руководителем юридического отдела, а просто Пашкой – восьмилетним лопухим сорванцом. Он не помнил точно, с какого Нового года Пашка начал просить у Деда Мороза собаку, но в тот год точно просил. Как же он мечтал о собаке! Не о какой-нибудь маленькой болонке, а о настоящей овчарке, как в кино. Спал и видел, как он со своим Мухтаром охраняет город и задерживает преступников. То, что потом, окончив школу, Пашка поступил в юридический институт, видимо, было отголоском его давней детской мечты. Но, увы, собаку ему не покупали. Родители были категорически против этого и придумали, что у Пашки на собачью шерсть аллергия, что ему нельзя даже

приближаться к этим блохастым чудовищам. И Пашка не приближался, пока в доме не появился новый сосед.

Соседа звали дядя Леша. Он был старше Пашкиных родителей. Каждый день, утром и вечером, в одно и то же время, дядя Леша выходил из дома, ведя на поводке огромного пса, который слушался его беспрекословно. Немецкие овчарки не вырастают такими большими, но дядя Леша рассказал, что они приехали из Сибири и что отцом Джека был самый настоящий волк!

Дядя Леша ходил с Пашкой в дедушки, но им было интересно вместе. Сначала Пашка только гулял с соседом и Джеком, а потом они так подружились, что все свободное время Пашка пропадал у них. Дядя Леша учил Пашку не только дрессировке, но и передавал свою житейскую мудрость – учил жизни. При этом сосед ни разу ни прикрикнул на него, не наказал, не обидел. Дядя Леша общался с Пашкой на равных. И не было у Пашки никакой аллергии на собак! Он гладил Джека миллион раз, целовал его в черный кожаный нос, а когда на душе было тяжело, обнимал Джека за шею и утыкался в его густой шерстяной воротник, изо всех сил стараясь не заплакать. Он очень любил эту чужую собаку. И любил дядю Лешу. Дядя Леша, всегда спокойный, говорящий вполголоса, интеллигентный пожилой мужчина, и Джек, взрослый, умный, добрый пес, – именно они стали самыми главными в его жизни.

Что только не делали Пашкины родители, чтобы отохотить сына от этой дружбы. Мама даже ходила к соседу, требуя, чтобы тот сам запретил Пашке приходить к нему, но дядя Леша тоже любил Пашку. И родители сдались. А Пашка больше не просил купить собаку. Даже когда вырос, у него не возникало такого желания. Всю жизнь он любил Джека.

Едва успев нажать на педаль газа, Пал Палыч резко затормозил. Откуда взялась эта собака прямо посреди дороги? Он вышел из машины. В метре от колес сидел рыжий перепуганный щенок. Сзади начали сигналить. Пал Палыч долго не раздумывал, взял щенка на руки и вернулся в машину. Прижав к себе трясущегося то ли от страха, то ли от холода малыша и убедившись, что тот цел, Пал Палыч завернул его в шарф и положил на коврик переднего пассажирского сидения, поближе к печке. Рыжий комочек не сопротивлялся, лежал себе спокойно и внимательно смотрел на спасителя черными бусинами глаз. Будущее щенка было решено.

– Ты обязательно понравишься Сашке! Только вот что скажет наша мама? А, Джек? Будешь Джеком?

Щенок подал голос. Пал Палыч включил аварийные огни и стал выруливать к тротуару. Его машина остановилась как раз напротив ювелирного магазина. На рекламном плакате красовалась золотая подвеска в виде сердца, усыпанного драгоценными камнями, а под ней надпись: «В каждом сердце живет мечта!».

– Вот, это именно то, что нам нужно. Что скажешь, малыш?

Но Джек не отвечал. Попав в уютное тепло, щенок дрых без задних лап и, кажется, улыбался во сне.

– А еще нужно не забыть добавить в список неотложных дел покупку миски, коврика и визит к ветеринару. – Пал Палыч разговаривал сам с собой и тоже улыбался. – И самое главное, позвонить дяде Леше, рассказать о новом Джеке! Надо же, вот он, мой новогодний подарок. Тридцать лет ждал – и дождался!

На дисплее телефона высветилось уведомление, что заряда батареи осталось на пять минут.

– Алло, дорогая! Не волнуйся, я скоро буду. И знаешь, Дед Мороз существует!

ОСТРЫЙ БЕРЕГ

Она давно хотела поехать отдохнуть. И вот случай свел с подругой детства, а у той свой домик у моря. Долго не собиралась и ни у кого не спрашивала совета, просто решила – и сразу же купила билет. Неподъемного чемодана не было – ехала всего на две недели, но он решил обязательно проводить до вагона. То ли хотел избавиться от неожиданно нахлынувшего чувства вины, что не он везет ее отдыхать, то ли хотел убедиться, что она действительно это сделает: вот так просто возьмет – и уедет, без претензий и объяснений. Разговор не получался. Молчание тяготило, и оба чувствовали себя неловко. В конце концов нужный вагон был найден и даже прощальный поцелуй запечатлен на небритой щеке. Она смотрела, как он нервно топчется на перроне, не решаясь уйти. Махнула рукой: «Пока. Не скучай. Скоро вернусь». А сама подумала: «Вернусь?»

Поезд мчался, мимо пролетали маленькие станции и безымянные платформы, на которых толпились дачники. Она смотрела в окно, но не видела ничего, кроме резных листочков акации, застрявших между стеклами. Когда поезд проезжал через мост, ее взгляд ухватился за след на воде, оставленный проходящей баржей. Она ощутила какой-то необъяснимый толчок, и в груди защемило. Она помнила это место – «острый берег».

Здесь река делает крутой поворот. И вот уже не слышен ни шум моторов баржи, ни плеск воды, разбивающейся о низкие борта тяжелого судна; уже растревоженные птицы перелетели на другой берег и успокоились, и только широкие полосы на воде продолжали двигаться, поднимаясь ровными бороздками. Плавно извиваясь на изгибе реки, они напоминали грампластинку. И ей вдруг показалось, что если сейчас остановить поезд и выйти из вагона, то можно услышать волшебную музыку воды. Как тогда, далеким и необыкновенно жарким летом, когда им, четверым городским ребятишкам, приехавшим на каникулы к бабушкам в деревню, всем вместе лет было меньше, чем ей сейчас.

Каждый день они придумывали новые игры, реже продолжали начатую – ночь уносила с собой все переживания прошедшего дня. Просыпаясь, они забывали вчерашние обиды, а разбитые локти и коленки почти не болели, и утреннее солнце уже так сильно пекло, что очень хотелось купаться. Но без взрослых заходить в реку было запрещено, и они ехали на велосипедах по узкой тропинке, обгоняя друг друга, и, миновав рожицу и луг, выкатывались на высокий клинообразный берег. Слева чернел железнодорожный мост. Здесь росли сосны. Это они своими корнями удерживали песок и камни и не давали осыпаться берегу. Со стороны реки он был почти отвесным, и его давно облюбовали ласточки и воробьи. В небе часто появлялись большие парящие птицы. Их перья переливались на солнце, и нельзя было понять, какого они цвета. Может быть, это были ястребы? Птенцы ласточек выпрыгивали из гнезд и делали по несколько кругов над соснами.

Санька был старше всех на два года и уже третье лето проводил в деревне. Он знал все тропинки и окольные пути и даже все дырки в заборах. А еще иногда дед брал его с собой пасти стадо. Ни она, ни Катя, ни Антон не могли похвастаться тем же. Никто из них не уходил так далеко от дома. В городе гуляли в пределах балконного обзора, под присмотром соседских глаз. Со двора детвору отпускали только в магазин за мороженым или хлебом, а чуть начнет

темнеть, сразу же загоняли по домам. Для них этот «острый берег» был *краем света*. Воздух здесь был наполнен ароматом цветов и жужжанием шмелей. Казалось, он даже на вкус был сладким. В высокой сухой траве темнели крупные листья земляники. Ягоды же еще две недели назад были сначала нанизаны на длинные травинки, а потом съедены. Велосипеды валялись под деревьями, а дети, совершенно счастливые, сидели на самом *краю света*, болтали ногами и рассказывали друг другу только что придуманные истории.

Однажды, пытаясь избавиться от попавшего в сандалию острого камушка, она наклонилась и увидела, что почти под их пятками в песке появился новый круглый вход в гнездо. Совсем рядом – можно дотянуться, и там, кажется, кто-то есть. Всего несколько шагов вниз. И спускаться так удобно: сосны раскинули свои толстые корни, как ступеньки, а за тонкие можно держаться, как за перила. Должны выдержать – она ведь такая легкая. Но удержаться за извивающийся корень оказалось не так просто. В ладонь что-то больно впилось, и она, вскрикнув от неожиданности, отдернула руку и покатила вниз. До реки не долетела – зацепилась за торчащий куст.

Все произошло очень быстро: только что она сидела и болтала ногами и вдруг – уже внизу. Сверху сыпались камни, песок и сухие сосновые шишки. Первым опомнился Санька. Он начал быстро спускаться вниз, но не успел. Что-то хрустнуло сбоку, она оглянулась и в следующую секунду уже падала. До воды было метра три, совсем не высоко. Она падала спиной вниз и, оглушенная, смотрела на почти застывший и беззвучный мир, как в замедленной съемке. Катя и Антон махали руками и кричали, но она их не слышала. Она на всю жизнь запомнила Санькину руку, похожую на огромную лапу, хватающую ее за плечи и тянущую за платье. Хорошо, что она свалилась возле самого берега, там было неглубоко. Погружение в воду вернуло ей слух и ощущение реальности. Санька, обхватив ее голову, заглядывал в глаза и спрашивал: «Живая? Тебе не больно? Ты чего смеешься, ненормальная?» Она фыркала и выплевывала песок, а с косичек текла струйками вода. Почему-то страшно не было, а было весело и смешно.

А потом умывались в реке, сушили одежду и, перебивая друг друга, обсуждали падение. И каждый рассказывал свою версию. И снова все смеялись. И громко прощались, разъезжаясь по дворам, где их ждали на ужин жаренная с салом картошка и молоко. Так же весело друзья рассказывали о происшествии на реке своим домашним. Конечно весело, ведь не с ними же это случилось, а главное – кончилось все хорошо. И она, снимая не до конца просохшее платье, с сияющими глазами рассказывала про осыпающийся берег и ласточкино гнездо. И даже когда у бабули подкосились ноги и старушка плюхнулась на разобранную, уже приготовленную ко сну кровать, страха не было.

Страх появился позже. Он не пришел, а навалился так, что казалось: это не бабушка, ругая и причитая, обнимает – это страх сжимает грудь. И вздохнуть больно, и слезы льются сами. А бабушка все прощупывает: все ли косточки целы? А потом грозит отправить к родителям: там, в городе, делай ты что хочешь, но, если шею себе свернешь, чтоб к ней больше ни-ни. И есть совсем не хочется, и почему-то тошнит, и одеяло такое теплое... Последнее, что она увидела, закрывая глаза, это как бабушка стирает ее платье и говорит сама с собой. Или это соседка пришла?

С этой соседкой ее через неделю и отправили к матери в город. Бабушка вытирала фартуком слезы, а она, прощаясь, отчаянно махала рукой из окна автобуса. Она еще не знала, что уезжает навсегда, и не понимала, что ни Саньки, ни Антона, ни Кати никогда уже не будет в ее жизни. Бабушка попросила родителей больше не привозить ее в деревню. Это было последнее счастливое лето ее детства.

И мост, и река, и «острый берег» остались далеко позади. За окном мелькали темные деревья, а светлая полоска неба стала совсем тонкой. Она всматривалась в проплывающие мимо пейзажи – ничего знакомого. Может, это и хорошо – не знать, что там, впереди. А еще ей хотелось больше не вспоминать молчаливое прощание на вокзале. Вот бы завтра проснуться и, как в детстве, забыть обо всем неприятном. Ее ждут две недели на море. Она едет далеко-далеко, чтобы, сидя на *краю света*, болтать ногами и слушать музыку воды. Интересно, там летают ласточки?

ОСОБЕННЫЙ ДЕНЬ

1

Она стояла у распахнутого окна и смотрела, как тающая луна упирается крутыми рогами в крышу соседней высотки. Из-за вечно неспящего, освещенного миллионами огнями города небо было светлым – звезд не разглядеть, но она точно знала, что они есть. Несмотря на позднее время, спать совсем не хотелось. Она думала о том, что завтра особенный день – день рождения мамы. Нет, не той, которая записана в свидетельстве о рождении, и страх перед которой дамокловым мечом нависал над ней в таком недолгом детстве. Да и было ли детство? Детство – это что? Она хорошо помнила себя в раннем возрасте. Причем не только события, но и то, о чем думала тогда, что чувствовала. Если пятилетний ребенок надевает отцовскую куртку, рукава которой волочатся по полу, и уходит в ночь – это детство?..

Куртку надела прямо на ночную рубашку и потихоньку выбралась из дома. Ушла, чтобы не слышать, как посреди ночи разгорается очередной скандал, не видеть, как лица ее родителей искажаются и превращаются в злые, страшные маски. Спустившись с высокого крыльца, она оглянулась на светившиеся окна, увидела тени за занавесками, услышала, как что-то разбилось. Так и есть – дерутся. Даже собака не лаяла: затихла в будке и оттуда взглядом провожала удаляющуюся фигурку своей маленькой хозяйки.

А она была совершенно спокойна и даже не плакала. Шла уверенными шагами все дальше от дома, твердя три запретных слова: *подлюка, курва, рвань*. О них нельзя было никому говорить. И нельзя рассказывать, где их слышала. Она не понимала, что они означают, но всякий раз, когда оказывалась в беде, они ее спасали. И она повторяла их снова и снова как секретный пароль, как волшебное заклинание. И страх отступал, и темнота не пугала, и сверчки звенели все громче, не позволяя жуткой тишине поймать ее в свою ловушку.

Пройдя через соседский огород, она нырнула в дырку в заборе и оказалась на территории детского сада. И тапки, и подол ночнушки стали мокрыми от росы. Темнота окружала со всех сторон. Единственным светлым пятном был желтый фонарь перед входом в двухэтажное здание детского сада, которое уставилось на нее черными окнами. Где-то внутри него спала сторожиха.

Она зашла на ближайшую веранду, легла на лавочку и, поджав к животу холодные колени, закуталась в куртку. Так и уснула, глядя на свет раскачивающегося фонаря и, под пень свечков, думая о том, что никогда не будет такой, как ее родители, и как хорошо, что сейчас лето, и что почему-то очень холодно, и темно, и плакать нельзя. *Подлюка, курва, рвань*.

Проснулась от того, что ее трясло и ноги совсем онемели. Почти рассвело. Она решила вернуться домой. Пес, зевая, выбрался из конуры и, вильнув хвостом, пару раз твякнул. Дома

все спали. Оставив сырую куртку на терраске и задвинув подальше под маленький диванчик мокрые тапки, она забралась в постель. Влажную ночнушку решила не снимать. Укрылась с головой и прижала к себе игрушку – лохматую собачку, которую папа привез из последней командировки. Привез прямо в больницу, где она – уже третий раз за год – лежала с воспалением легких.

Долго не могла согреться. Ее продолжало трясти, теперь еще и от страха. Сейчас проснутся родители – что будет? И ремень, и скакалку, и шнур от утюга она спрятала, но мать все равно найдет. И бабушка с ночной смены еще не вернулась – заступиться некому. Ей повезло: ночного исчезновения никто не заметил. Но именно после этой ночи у нее появилась самая главная мечта: поскорее вырасти и навсегда уйти из этого дома, уехать из этого города, сбежать от этих людей.

2

Она никак не могла надышаться прохладным весенним воздухом. Все хорошо, все в порядке. Откуда же тогда все эти грустные воспоминания? Зачем она воскрешает мрачные тени прошлого? И сердце стучит так гулко, и сна ни в одном глазу.

Она никогда не была трусихой. Однажды, вернувшись из школы домой, она увидела, что крыльцо перепачкано кровью. Кошачье блюдце было перевернуто, а кошка сидела рядом с коробкой, в которой спали котята, и умывала окровавленную морду. Посреди крыльца валялась толстая длинная перекрученная веревка какого-то непонятного грязно-красного цвета. И лишь наклонившись, она поняла, что это змея. Гадюка? Нет, это был огромный уж! Таких больших она еще не видела. Маленьких ужат ловила, когда была в пионерском лагере. Играла с ними и отпускала. Они так смешно обвивали пальцы и щекотали ладони, пытаясь выскользнуть из детских рук.

Наверное, это была царица ужей. Мертвая царица. На ее крыльце. И взрослых никого. Долго не раздумывала – почему-то в девять лет решение находится легче и быстрее. Длинной палкой она аккуратно поддела ужа, положила его в таз, до половины наполненный водой, и накрыла крышкой. Таз и ведра стояли на лавочке у крыльца, в них грелась вода, которой вечером они с бабушкой будут поливать огород. Сняв туфельки и гольфы, чтобы не испачкать, она намочила в ведре тряпку и стала мыть крыльцо. Ступеньку за ступенькой, дощечку за дощечкой – отмыла всё. Налила в блюдце молока и решила проверить, что с ужом. Приподняла крышку и сразу прихлопнула, отскочив в сторону. Увиденное и правда могло напугать: уж был жив здоров. Он держал голову высоко над водой и так страшно смотрел! Крепко обхватив таз и стараясь не потерять равновесие, она медленно, короткими шажками потащила царицу ужей в сад. Там, за домом, под яблонями, с помощью все той же палки она сдвинула крышку и замерла. Царица поднималась из воды все выше и выше, а потом резко выпрыгнула и, извиваясь, скрылась в зарослях старой сливы. Настоящая ядовитая змея! И желтых пятен у головы почти не видно...

Она принесла с колонки воды и наполнила ведро и таз, как было. На всякий случай еще раз пересчитала котят – все на месте. Значит, змея приползала к блюдцу с молоком. От этой мысли стало как-то спокойнее. А когда через пару часов она рассказывала о царице ужей друзьям, игравшим в соседнем дворе, ей не поверили. Родители, конечно, об этом ничего не узнали. А зачем? Их не было рядом, а теперь ни советы, ни помощь ей не нужны.

Она вообще о помощи никогда не просила и не жаловалась. Даже когда во втором классе обварила кипятком ногу, и когда заблудилась в лесу, гуляя с собакой. И даже когда

тонула по-настоящему – спасли случайные люди, вытащили на берег. Никому ни слова – она так решила сама. Так получалось. Так привыкла.

3

Ветер стал холодным и колючим. Она поежилась и закрыла окно. Завтра день рождения мамы. А в голове мысли о давнем и, кажется, уже чужом прошлом.

Став сама мамой дочери-школьницы, больше всех она жалела свою старенькую бабушку. А та перед смертью просила только об одном: «Папу не бросай». Конечно не бросила: он ведь папа. Мать давно жила в другой семье. И никого ближе и роднее, кроме нее и внучки, у отца не было. И у них никого не было, кроме него. Несмотря на многочисленную родню со стороны матери, она ни с кем не общалась, и их отношение к ней тоже было прохладным. Все жили своими заботами и не интересовались жизнью «бедной родственницы». Только в голосе московской тети ей доводилось слышать теплые нотки, которых ей так не хватало. А еще смущало, когда та смотрела на нее неотрывным грустным взглядом. Однажды отец за ужином как бы между прочим сказал: «А знаешь, почему тетка тебя жалеет? Она, как и ты, приютская». Сказал и продолжил жевать свою котлету. «Приютская» – загудело в голове, и она вдруг словно оглохла. А в груди что-то оборвалось. Оборвалось – и сразу стало легко. Приютская! Так вот почему к ней так относились! Не потому, что она плохая, просто они – чужие. А бабушка, наверное, все знала и боялась рассказать правду. За отца боялась. Потому и просила: «Не бросай». Она знала.

Спустя неделю отец утонул на рыбалке. А мать заявила, что эти его слова – глупости. Но все же призналась: «Да, отец неродной, но тебя любил». А она-то и не помнит... Любил? В детстве, кроме той лохматой собачки, игрушек не дарил. Шоколадки покупал, мороженое, а главное, ни разу и пальцем не тронул. Всегда наказывала мать. Да, наверное, любил. Только зачем тогда сказал, что приютская?

Кто был настоящим отцом, узнать у матери она не успела. Через три месяца не стало и ее.

4

В доме напротив погасли почти все окна. Горело только одно. Может быть, у кого-то тоже бессонница или к расплававшемуся малышу встали? А может, веселье, гости и затянувшееся чаепитие?

Она редко ходила в гости. Еще реже приглашала к себе. В свои тогдашние тридцать шесть работала на двух работах и училась заочно в институте. Решение получить высшее образование пришло вполне осознанно. С какого-то момента стало неловко, а порой даже стыдно в графе об образовании писать: «ПТУ». Именно тогда, учась в институте, она и познакомилась с мамой.

Из всей группы только с одной однокурсницей у нее сложились хорошие отношения. Катюша была моложе лет на пятнадцать. Но что-то притягивало к этой, по сути, еще девочке. Спокойная, улыбающаяся, изучающая сразу несколько иностранных языков, интересующаяся жизнью и другими людьми, Катюша была так непохожа на других ее знакомых. Катя жила и работала в другом городе, и они встречались только во время сессий. Но однажды, после очередного сданного зачета, Катюша предложила познакомиться с мамой.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

Мама ни о чем не спрашивала, смотрела на нее долгим теплым взглядом и улыбалась. Смотрела так, как будто знала о ней все: и про острый берег, и про Нитку, и про царицу ужей, и даже про сверчков на веранде и три запретных слова. И не было в этом взгляде ни любопытства, ни жалости, ни осуждения – только любовь. Любовь. Оказалось, что маму зовут Любовь. Мама обняла ее и произнесла самые главные слова, которых никто никогда не говорил: «Ты – наша девочка». И от этих слов ей стало радостно и легко и почему-то захотелось плакать. А потом она познакомилась со старшим братом и папой. Большая дружная семья, и она – не чужая. Но самое главное, в ее жизни появилась близкая душа, которую она может называть мамой.

Она давно не видела родителей. Мама и Катюша живут в другой стране, и с папой она встречается редко. Конечно, она очень скучает, но вовсе не чувствует себя брошенной или оторванной от семьи. За советом, за благословением, с радостью, со слезами – только к маме, только к ним – самым родным.

Завтра особенный день. Конечно, она дождется, когда в далеком южном часовом поясе наступит время завтрака или обеда. Она напишет, а если повезет, дозвонится и услышит родной голос. И через тысячи километров, которые их разделяют, почувствует всю теплоту, всю нежность, всю любовь, которые могут быть только в голосе матери.

Завтра особенный, замечательный день! С днем рождения, мама!

Мария Лисиченко. Солнце. Холст, масло. 2023

ПРОЗА

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

Две новеллы из повести «ЧАЕПИТИЕ СО СЛУЧАЙНОСТЯМИ»

Все описанные в историях события произошли в действительности в жизни самого автора, его родственников и близких друзей.

Павел Иванович вздохнул и принялся лениво разглядывать бледную лимонницу, суетливо кружащую над скромной розочкой шиповника. Подлетел круглый воспитанный шмель и деловито завис над желтой сердцевинной цветка. Блеснула тонкая паутинка, растянутая шоколадным паучком между высоких стеблей садовых колокольчиков. Стрекот неугомонных кузнечиков навевал истому, и полупрозрачные детские воспоминания рваными облачками выплыли из задворков памяти, выстраиваясь в родные, но мучительно разрозненные картинки.

В летнем саду за большим столом, накрытым к послеобеденному чаю, расположилась разновозрастная компания из шести человек. На белой застиранной скатерти, как фигуры на шахматной доске, выстроились стаканы в потускневших мельхиоровых подстаканниках, чашки с рисунком из голубых незабудок, вазочки с малиновым джемом, блюдо с пирогом с капустой и пузатый чайник.

Что-то пряталось в этой пасторали минувшее и староманерное, а потому трогательно зыбкое, словно гости, и заставленный стол, и даже июльский сад, в котором все так беззаботно расположились, были ничем иным, как чьей-то мимолетной выдумкой, лоскутным одеялом, любовно сотканным из галереи некогда реальных образов. Участники чаепития не догадывались о своей эфемерности, а потому легкомысленно болтали о пустяках, как это часто случается в ленивый воскресный день.

Однако именно призрачность наших героев и позволила по чистой случайности свести их вместе и втянуть в беседу о неожиданных совпадениях, которые случаются в жизни каждого человека, без всякого тому разумного объяснения, и природа которых так же хрупка, как и любая попытка наших участников окунуться в прошлое и найти в нем ответы и закономерности.

– Разумеется, случайности неслучайны, – с уверенностью басил вальяжный писатель Василий Пубышкин, время от времени поводя большими руками, как если бы исполнял со сцены куплеты Мефистофеля. Жил Василий по соседству и слыл успешным литератором: печатался в «Новом мире» и значился в авторах «Журнального зала»¹ и «Молодой гвардии»².–

¹ Журнальный зал (ЖЗ) – электронный портал русских литературных толстых журналов. «Молодая гвардия» – старейшее из ныне существующих российских издательств, известное в частности серией «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ). Основано в 1922 г.

А между прочим, и наш уважаемый пролетарский писатель Максим Горький считал, что случайностей нет и все явления жизни обоснованны. М-да...

– Неудивительно. Горький никогда не был материалистом, – заметил с насмешкой упитанный Павел Иванович, профессор истории и известный спорщик, а ныне – пчеловод-любитель, старинный приятель хозяйки дома, проживающий с ней на одной улице.

– Знаете, не всем дано видеть в своей жизни странные совпадения. Мне кажется, это особенность человеческого восприятия. Одни могут, другие не могут – им это неинтересно, – вмешалась русоволосая Тася, художница неопределенного возраста. – Вот, например, живописцы обладают таким мышлением.

– Бесспорно! – радостно воскликнул писатель Пубышкин. – И не только живописцы, милая. Даже Бейтман³, писавший о совпадениях, считал, что они возникают из-за скрытых причин или даже цепочки предшествующих событий. Но нам не удастся их обнаружить.

– Друзья мои, бросьте! – развел руками Павел Иванович с видом человека, изрекающего прописные истины. – Все совпадения в нашей жизни не более чем случайность, а случайности, по сути, не имеют большой важности. Обоснованность совпадений не имеет доказательств, а потому их нельзя считать научными.

– Можете говорить что угодно, уважаемый Павел Иванович, но в природе у всего есть своя причина или целый ряд причин. Из ничего ничего не происходит! Я давно хотел написать о природе случайностей! Хотел, так сказать, разложить по полочкам эту почти философскую единицу, – воодушевленно признался Василий Пубышкин.

– Тьфу ты! – Профессор в сердцах аж крикнул. – Скажите пожалуйста, философская единица!

– И что же? Написали? – встрепенулись другие участники чаепития, проявляя сердечный интерес к тому, что сказал писатель Пубышкин, а вовсе не к ироничному замечанию профессора.

– Написал. М-да... – ответил писатель и озадаченно покрутил внушительных размеров кольцо-печатку на безымянном пальце правой руки. – М-да, изложил... А подлейте-ка мне, хозяйшюка, горяченького чайку, и я представлю на ваш суд презабавнейшую ситуацию. – Василий Пубышкин театрально приподнял бровь и обвел всех загадочным взглядом.

ОЖИВШИЙ МУЖ

История Василия Пубышкина

В промежутках, образовавшихся в работе над большим романом, собравшись с мыслями, я решил написать короткий рассказ, демонстрирующий, так сказать, произошедшее в моей жизни удивительное совпадение. А совпадение было таким.

Если вы помните, в последней моей изданной книге «Неоткрытая дверь» фигурирует героиня по имени Ирина. Имя, конечно, вымышленное, а вот образ ее не вымышленный.

² Д-р Б. Бейтман – профессор Виргинского университета, бывший председатель отделения психиатрии в Миссурийском университете, работал в области психиатрии в Йельском медицинском институте и в Стэнфорде. За свою жизнь ему пришлось столкнуться с некоторыми странными совпадениями, которые разожгли его интерес к науке о случайностях.

Прототипом явилась моя вторая жена, с которой мы расстались лет шесть назад, и расстались, увы, довольно болезненно. Я мучительно переживал развод, не находил себе места, стал выпивать и, признаюсь, чуть даже не впал в белую горячку. Но, слава богу, выжил. По удивительному стечению обстоятельств, я – до мозга костей горожанин, следуя совету друзей, приобрел дачу в здешних местах и, переехав в наше благодатное место, занялся хозяйством и обрел милейших соседей. Думаю, это и явилось спасением.

Но все же воспоминания о бывшей жене меня время от времени преследовали, поэтому, работая над романом, я перенес ее образ на бумагу, припомнив ей упрямый нрав и вздорный характер. И что удивительно, это принесло облегчение! Я перестал на нее злиться и по широте душевной и из человеколюбия даже «подарил» ей в романе прекрасного мужа. Но прекрасным он был недолго. Постепенно муж превратился в высшей степени неприятного типа, приземленного, сердцем черстоного и расчетливого, с характером скользким и неустойчивым – иными словами, я от души наградил его чуждыми и неприятными мне самому качествами. В свое оправдание могу лишь сказать, что само развитие событий требовало антигероя, и муж Ирины, как никто другой, подходил на эту роль. Вот такой троянский конь у меня получился. Не со зла. М-да...

Мужа назвал Геннадием, хотя, поверьте, неприязни к этому имени не испытываю. Используя дар литератора, изобразил я Геннадия в мельчайших подробностях и наделил поступками, говорящими за себя. «Отправил» Геннадия работать завскладом – сами понимаете, это люди с особым нравом, впрочем, повторюсь, того требовал мой сюжет.

Кстати, друзья, готов подарить вам свою книгу с автографом, чтобы вы сами могли убедиться в правдивости моих слов.

Так вот, роман издали, и он успешно обрел жизнь среди моих поклонников – без хвастовства, отзывы были самые восторженные. И однажды я совершенно случайно столкнулся на каком-то шумном творческом вечере в ЦДЛ⁴ с бывшей женой. Она изменилась – годы взяли свое. Располнела, потускнела, м-да... Но все же по-прежнему была миловидна и хороша. Разговорились. Не поверите: щебетали, как добрые приятели, без язвительных слов и ядовитой горечи, переполнявших некогда совместную жизнь. И я на радостях, на мгновение, вдруг подумал: может, плюнуть на душевную ржавчину и попробовать войти в реку дважды – так сказать, извлечь уроки, поработать над ошибками и обрести нерожденное счастье, ибо жизнь так скоротечна!

И тут ее кто-то окликнул по имени. Обернулись. Рядом возник низкорослый, кряжистый сморщенный мужичок с выражением бесконечной брезгливости на лице. Одет он был франтовато, но не свежо. Маленькие беспокойные глазки смотрели недобро и напряженно. Взглянув на него, я испытал дежавю – весь его облик, приправленный сладеньким подобоострастием, как будто был мне знаком, а его ужимки – как будто подсмотрены в совместных прошлых делах, где он проявил себя не самым достойным образом.

– Познакомься, – проговорила бывшая с видом напускной важности.

– Мы не встречались? – поспешил уточнить я, хмурясь от бессилия вспомнить, где же мы с незнакомцем все-таки виделись, и отчего-то даже отступая назад.

– Сомневаюсь, – хихикнул в ответ тот и, шмыгнув рыхловатым носом, протянул квадратную кисть. – Впрочем, я хорошо знаю, кто вы.

Он хорошо знает! Тоже мне, удивил: меня все знают и в ЦДЛ, и за его пределами. Но, естественно, соблюдая приличия, я тоже протянул ему руку, снисходительно улыбаясь. Его

⁴ ЦДЛ – Центральный Дом литераторов в Москве.

рука, оказавшись в моей, дернулась, и на секунду возникло ощущение, что он пытается изо всех сил сжать мою руку, демонстрируя эфемерную власть надо мной.

– Геннадий, – с легким заискивающим поклоном представился невысокий крепыш, а моя бывшая жеманно добавила:

– Мой муж. Он работает в отделе снабжения...

Я вздрогнул. В каком отделе и какого снабжения, меня, сами понимаете, не интересовало, но я ощущал, что происходит нечто необычное, однако что именно, я себе в ту минуту отчета не отдавал. Мне вдруг захотелось испариться, уйти, как уходят с просмотра дурного ремейка хорошей старого фильма или спектакля.

– Увидимся позже, – пробормотал я и поспешно оставил парочку, а вскоре и вовсе вылетел на улицу, покидая душную людскую толпу. Хотел, уединившись, подумать над случившимся.

А что, собственно, произошло? – спросите вы. А произошло то, что книжный муж моей героини Ирины ожил! Этот скользкий Геннадий, родившийся, по сути, из пены моего воображения и живший исключительно в литературном пространстве, явился мне в ЦДЛ в наивнейшем виде, оказавшись в реальности еще хуже, чем я его описал на страницах романа. Но, скажу откровенно, эти мысли пришли мне в голову позже, спустя почти неделю, когда я всерьез задумался над невозможным и необъяснимым совпадением.

А в тот вечер, вернувшись домой, я был подавлен – нет, раздавлен совсем по другому поводу. Всю ночь меня терзал наивный и приземленный вопрос: как женщина, с которой я прожил немало лет и которая виделась мне существом тонким и возвышенным, могла выйти замуж за столь прозаического, столь вызывающего огорчение человека? Неужели я просто не знал ее до конца или наделил несуществующими духовными качествами? Этот вопрос, скажу вам, изводит меня и по сей день. Но тогда я лишь выдохнул и перекрестился, сказав себе: молодец, что не предложил ей повторно броситься вместе в никчемную обмелевшую речку.

М-да... Сюжет для рассказа, не правда ли? Так вот я и решил, что нельзя этот казус оставить без внимания, и записал случившееся, без прикрас и преувеличений, добавив, правда, несколько метафор, в которые сейчас нет смысла вдаваться.

Писатель замолчал и, сложив на груди большие руки в замок, стал сосредоточенно крутить большими пальцами.

– Потрясающе! – завороченно проговорила сидевшая напротив него молоденькая хрупкая Соня, племянница хозяйки дома. – Да ваш Геннадий сошел со страниц романа! «Неоткрытая дверь»? А ведь дверь-то открылась! Настоящая материализация мысли в реале. А где можно прочитать ваш рассказ о случившемся?

– Нигде, – ответил Василий, не отводя взгляда от пальцев.

– Еще не издали?

– Нет, не издали. И не издадут! Файл рассказа исчез. – Василий Пубышкин вздохнул и озадаченно выпятил нижнюю губу.

– Да вы что?! – всполошились присутствующие.

– И это тоже своего рода загадочное совпадение, – пояснил писатель. – Я всегда дублирую свой текст на компьютере, на флешке и даже на отдельном жестком диске, но файл именно с этим рассказом куда-то исчез. Вернее, он не исчез, а оказался покалеченным без возможности восстановления. Остальные файлы на флешке не пострадали, поверьте, ни-о-дин, а этот – вместо букв одни зюки. Вот такая история...

– Но можно обратиться... – начал кто-то из присутствующих, скорее всего, рациональный Павел Иванович.

– Обращался! Развели руками!

– Это, в конце концов, не беда, – подбодрила писателя хозяйка дома, Лидия Аркадьевна, самоуверенная дама за шестьдесят, всю жизнь проработавшая редактором в старейшем журнале «Искусство кино». – На то вы и писатель, Васенька, что можете легко восстановить текст в своей памяти и продублировать. Получится даже лучше, я уверена!

– Ни в коем случае, – запротестовал Пубышкин, – исключено! Да и нет ни малейшего желания. Перегорел! Лишь вам и поведал. Будем считать, что это единственная версия – устная. Впрочем, может, благодаря вам эта версия перерастет в былинку и начнет передаваться из уст в уста... М-да...

Возникла пауза. Кто-то потянулся за чашкой, кто-то звякнул ложечкой, а над столом – как миниатюрный игрушечный вертолетик с радиоуправлением – повисла стрекоза: влетела решительно, застыла на мгновение и, сообразив, что ошиблась компанией, резко поменяла направление и исчезла.

– Знаете, в жизни все относительно, – вновь заговорил Павел Иванович, провожая стрекозу мягким взглядом. – Вот вы, Василий, говорите, что сильно переживали, когда с женой разошлись. А не допускаете ли вы, что ваша жена переживала сильнее вас, да так сильно, что от тоски, а может, и вам назло, вышла замуж за человека, на ваш взгляд, нелепого и неприятного. А ведь вы сами толком его не знаете, и, возможно, характером он вовсе и не похож на вашего литературного мужа и совпадение ваше притянuto ревностью.

Но Соня нахмурилась и возразила:

– А как же имя? Имя тоже случайность?

– Ой, а у моей бабушки, Марии Львовны, тоже случилось красивое совпадение, – прошелестела Тася. Она, словно видение, выплыла из темноты своего угла и пододвинула стул поближе к столу.

Лиса и метель

История Таси

Случилось это, по словам бабушки, в конце 60-х, когда они с дедушкой Марком переехали с Фрунзенской набережной в новую квартиру на Кропоткинской. Дед Марк по профессии был инженером-строителем, занимал высокую должность – возглавлял строительный трест, тот самый, что построил в Москве «Лужники», Крымский мост и Парк Горького. Я видела его медали, награды и папку, набитую почетными грамотами. За заслуги деду выделили большую двухкомнатную квартиру на предпоследнем этаже в новом кирпичном и, по меркам того времени, высоком доме в самом центре Москвы. На фоне старомодных домиков вдоль всей Кропоткинской этот дом казался мне, тогда еще маленькой девочке, самым красивым и нереально важным. Сегодня этот дом постройки 60-х смотрится на этой улице чужеродным, будто насильно втиснутым в галерею старинных особняков.

– Это что же за дом? – поинтересовался Павел Иванович, отмахиваясь от назойливого комара.

– Он находится сразу направо за бывшим доходным домом Исакова и как раз напротив Галереи искусств Церетели, в которой и до Церетели всегда располагалась галерея искусств. Мы ходили туда с бабушкой.

– А, понятно-понятно! Ну конечно, – вспомнил Павел Иванович и ловко прихлопнул комара на щеке. – А галерея искусств – это старый дом Долгоруковых, там кроме Церетели сейчас еще Российская академия художеств!

– Я хорошо знала Марию Львовну... – На красных губах Лидии Аркадьевны мелькнула теплая улыбка. Она уже давно вернулась к гостям с горячим чайником и теперь задумчиво вертела в руках конвертик из конфетного фантика. – Очень эрудированная женщина была, а главное, с прекрасным чувством юмора. Разгадывала кроссворды на время и к житейским невзгодам относилась с такой легкостью!

– Бабушка очень любила свой район, а особенно свою улицу, которая тогда называлась Кропоткинской, а с середины 90-х улице вернули оригинальное название Пречистенка. Мы часто ходили пешком от метро, хотя можно было и проехать три остановки на троллейбусе. Так вот, идем мы по улице, а бабушка мне про каждый дом что-нибудь рассказывает. «Это, Тася, особняк Хрущевых-Селезневых, сейчас здесь музей Пушкина. А вот Дом ученых – в усадьбе Коншиной». Мне тогда эти незнакомые фамилии ничего не говорили, но бабушка произносила их так красиво и возвышенно, что я на всю жизнь запомнила. Так я и выучила историю улицы. И эти усадьбы и особняки стали свидетелями бабушкиного происхождения.

Однажды Мария Львовна, стоя у себя на лоджии, задумчиво смотрела на прозрачный купол Галереи искусств, что напротив, и вдруг подумала: «Пора тебе, Машка, пошить себе что-то достойное, как положено жене высокого начальника. Не век же все самой себе шить да вязать». Подумала и решила заказать себе зимнее драповое пальто, добротное и теплое – достойное. Заручившись поддержкой мужа, она отправилась в ведомственное ателье. Однако порядки там были строгие – на пошив пальто следовало записаться в очередь. Но бабушке повезло: «Меня взяли без очереди – надо уметь с людьми вежливо разговаривать».

Мария Львовна заблаговременно выбрала ткань и купила необходимый отрез, и с сентября начались примерки у портнихи Ниткиной. Глядя на себя в зеркало, бабушка улыбалась, ей все нравилось – и как на пальто посажен рукав и карманы приметаны, и как плечи подложены, и какая богатая подкладка из-под отворотов выглядывает; нравились металлические пуговицы и воротничок... Да, воротничок... А вот воротничок Марии Львовне не нравился – он как будто все портил своей излишней строгостью; не было в нем женского изящества, эдакой роскоши, которой так хотелось Марии Львовне и ради которой, если уж быть совсем честными, она это пальто и придумала.

– Не пойму вас, Мария Львовна, – разводила руками портниха Ниткина. – Пальто на вас организовано самым достойным образом: английский борт, серьезный воротник. А если станет задувать, уголок поднимете и застегнете на пуговку. Хотите, подберем выразительную пуговицу?

Подобрали. Выразительную. Но и пуговица-брошь не спасла ситуацию: пальто – из дорогой ткани, основательное и ладное – по-прежнему оставалось без изюминки.

И вот наступил долгожданный день, когда пальто плотно упаковали в жесткую коричневую бумагу, перевязали шпагатом и выдали с квитанцией заказчице. Мария Львовна шагала домой вдоль Кропоткинской с большим бумажным свертком и думала: «Так – так так! На кой ляд тебе, Машка, изюминка? Ходи так, потом что-нибудь придумаешь».

Дома Марк, смерив жену в обновке инженерно-строительным взглядом, постановил:

– Нечего тут придумывать. Ступай к скорняку – пусть подберет к пальто накладной воротник из черно-бурой лисицы. Но прошу, без головы и лап – без буржуазных излишеств этих.

Мария Львовна ахнула: точно! Как же она не подумала? Вот что украсит ее новое пальто – чернобурка! Но тут же усомнилась:

– А вдруг дорого?

– Нет, не дорого, – ответил дедушка.

Мария Львовна так обрадовалась, что немедленно позвонила сестре Кларочке, а та – троюродной сестре Мусе, у которой муж Фима был скорняком. Тот сказал: «Таки пусть приедет в пятницу».

Приехала. Выбирали долго. Выбрали. На мездре стояло клеймо с первыми цифрами 0101-

...

– Ой, – ахнула бабушка, – это дата моего рождения!

– Маша, – пожал плечами Фима, – ты говоришь обидно. При чем тут твое рождение? Это порядковый номер кипы и состояние меха.

– И какое ж у этой лисы состояние?

– Состояние у лисы отличное. С такой чернобуркой и умереть будет в радость – посреди полного счастья.

Через пару недель скорняк Фима протянул Марии Львовне нарядный накладной воротник.

Короче, когда выпал снег, а деда пригласили в Кремлевский Дворец съездов на торжественный концерт, посвященный какой-то дате, бабушка впервые надела свое пальто и пристегнула шикарный воротник из черно-бурой лисы. Марк остался доволен и сказал:

– Хорошо выглядишь, Маша.

Совершенно счастливая, Мария Львовна носила свое пальто с пушистым воротником, и ей казалось, что и Суровщиковы, и Ржевские-Орловы, и Хрущевы-Селезневые, и Коншина – все те, кому некогда принадлежали усадьбы и особняки на Кропоткинской, а точнее на Пречистенке, радуются за нее и одобрительно кивают ей вслед. Так она ходила по своей любимой улице на работу и с работы, пребывая в прекрасном настроении весь ноябрь, декабрь, январь и февраль. А в начале марта, когда погода изменчива – то метели, то оттепели, – Мария Львовна обнаружила, что накладной воротник, который при необходимости отстегивался, очень разумное решение.

В один из таких неустойчивых дней утром мела метель и, собираясь на работу, бабушка надела пальто с пристегнутым воротником. К вечеру же потеплело. Бабушка шла от метро нагруженная сумками: в одной руке – портфель, набитый рабочими документами, в другой – авоська с продуктами, а под мышкой – ее дамская сумочка. На минутку она остановилась под фонарем передохнуть, а заодно и отцепить пушистый воротник, в котором стало нестерпимо жарко. Отстегнув пуговицы, она перекинула свое богатство через ручки дамской сумочки и поспешила дальше.

Оказавшись дома, Мария Львовна закрутилась по хозяйству, а после программы «Время» и ужина еще долго сидела с бумагами. А еще позже, уже перед сном, поправляя шторы на большом окне, она посмотрела на спящую Москву и тихо вздохнула:

– Надо же, опять метель. Когда же, наконец, весна?

И муж из-под подушек и одеял сонно ответил:

– Скоро, Маша, очень скоро.

Пропажу чернобурки Мария Львовна обнаружила лишь утром, когда спешила на заседание. Конечно, она надеялась, что воротник завалился за диваны и кресла, но нет, его

нигде не было. Конечно, она надеялась, что произойдет чудо и лиса будет ждать ее в лифте, или у подъезда, или на пути к метро – где-то на тротуаре, у фонаря, магазина или особняка Айседоры Дункан, но нет, чуда не произошло, а Айседоре было не до бабушки и ее чернобурки.

Мужу Мария Львовна ничего не сказала, вернее понимала, что сказать придется, но не решалась. «В жизни, Машка, случается всякое, – успокаивала она себя, – просто надо дожждаться подходящего случая». Но шло время, а случай не наступал, и бабушка была в панике.

Стояла уже середина мая, когда к Марии Васильевне на ужин заглянула приятельница, с которой они ходили в открытый бассейн «Москва» у метро «Кропоткинская», построенный на месте оригинального Храма Христа Спасителя. Жила эта приятельница совсем близко – на Остоженке, но в гости к Марии Львовне раньше не заглядывала.

Поужинали, выпили чаю.

– А скажи-ка, Маша, – говорит тут приятельница, – а нет ли у тебя знакомого скорняка?

– Есть, – ответила бабушка. – Фима. Что летом шить собираешься?

– Готовь сани летом, а телегу зимой! – заметила практичная приятельница. – Хочу на зиму шапку сшить – эффектную. Меха есть, а скорняка хорошего нет.

– Что ж, запиши телефон, скажешь, что от меня.

– Спасибо. Теперь я, как ты, в чернобурке ходить буду. Пусть думают, что и у меня муж начальник.

– Что ж, пусть думают, – согласилась Мария Львовна и без всякого интереса, скорее из вежливости, спросила: – А где ты шкурку купила – на Петровке или на Горького?

– Не на Петровке, и не на Горького. Не покупала я, – загадочно усмехнулась приятельница.

– Получила в подарок!

И поведала, что однажды, возвращаясь домой после театра, она шла по Кропоткинской улице. Мартовский день был переменчивым – то солнце, то вьюга, а к ночи метель поднялась. Идет, значит, торопится – совсем поздно уже, и тут видит, что впереди под фонарем, у аптеки Форбрихера, что поблизости, на завьюженном тротуаре что-то темнеется. Приблизилась, пригляделась – кошка! А может, собака? Лежит заметенная, без движения. Женщина горестно подумала: «Бедняга, наверно, замерзла, бездомная» – и носком ботинка эту беднягу слегка тронула – и ах! А это нечто мягкое и легкое! Приятельница оказалась чрезвычайно любознательной и настойчивой. Она вытащила из сумочки программку Малого и, аккуратно ткнув ею в непонятный объект, сразу сообразила, что никакая это не кошка и тем более не собака, а какой-то пушистый предмет. Бойкая приятельница бесстрашно подняла находку и, стряхнув свежий снег, разглядела лисий накладной воротник! Подхватив находку, она еще быстрее побежала по улице. А дома и так и этак его примерила и решила, что самое правильное – сшить нарядную шапку.

– Чернобурка? – не поверила Мария Львовна. – Нашла на улице? А сказала, получила в подарок!

– Конечно в подарок! Это ж подарок судьбы, Маша, – заключила приятельница и, сбегав в коридор, принесла пакет. – Вот, смотри, принесла похвастаться! Нравится?

Бабушка подскочила на стуле, сразу узнав свою чернобурку:

– В жизни случается всякое – наконец-то я дождалась нужного случая!

Тася замолчала, а Варвара, которой уже давно хотелось вставить слово, наконец выпалила:

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

– Улица, фонарь, аптека. Да, и еще «Метель». Слишком много совпадений в истории с бабушкой, не зря она жила на исторической улице!

– Как же она узнала, что это ее воротник? – захопала глазами Соня. – Мало ли одинаковых шкурок, потерять мог любой.

– А вот и нет! Под подкладкой пряталось клеймо, – весело догадался Василий Пубышкин. – Я сразу понял, что Тася не зря упомянула эту деталь. Наверняка ваша бабушка аккуратно вспорол подкладку и обнаружила на мездре дату своего рождения.

– Все верно, приятельнице пришлось вернуть воротник бабушке, а той презентовать ей, в качестве благодарности, два билета в Большой на «Лебединое озеро».

– Случай с лисой Марии Львовны, уважаемая Тася, – снисходительно продолжил Василий, – относится, по Бейтману, к серендинным совпадениям, то есть к таким явлениям, когда человек находит точно то, что ему было нужно, не зная, как это у него получилось.

– Может быть, – улыбнулась художница.

Где-то ухнула птица, что-то тихо прошуршало в траве и замерло. Стукнула дверь и глухо залаяла соседская собака, ей ответила другая – в конце улицы. Пара задумчивых мотыльков долго кружила вокруг уютно светящихся фонарей на фасаде, а потом дружно уселась на стену двумя светлыми перевернутыми галочками: «Сообщение прочитано».

За столом вновь воцарилось молчание, но на короткое время.

Лидия Аркадьевна тронула волосы и негромко сказала:

– Ваши истории навеяли на меня воспоминания еще об одном занимательном случае из дачной жизни.

Максим Крюков. Задний двор. Холст, темпера. 2023

ПРОЗА*Мари Веглинская**(МОССАЛИТ, Москва)***ВАСИЛЬКОВОЕ ПОЛЕ**

Новый год неумолимо приближался. Сумасшедшие москвичи, страдающие предпраздничной лихорадкой, носились по магазинам в поисках достойных подарков, а одарить надо всех – от детей, родственников и коллег по работе до любимого кота. Скупали в магазине шампанское и елочные украшения, приглядывали натуральные и искусственные ели и, увешанные большими и красивыми пакетами, толкались в метро и стояли в пробках.

Лары все это не касалось. Казалось, праздник остался где-то в стороне, а она просто проезжает мимо в вагоне поезда дальнего следования и смотрит на весь этот новогодний балаган через запотевшее окно. Дела шли хуже некуда. Все планы с поездкой на новогодние праздники к маме в Питер рухнули в один момент, не потому что не получалось, как раз наоборот, свободного времени вырисовывалось бесконечно много, просто не хотелось всем портить праздник своей тухлой рожей. Она знала, что как только приедет, все друзья и одноклассники обязательно нагрянут с визитами, а видеть никого не хотелось.

С Олегом они расстались еще летом, а боль так и не прошла, а тут еще на новой работе не срослось: не сложились отношения ни с коллегами, ни с начальством, и стало понятно, что увольнение неизбежно. Вопрос в том, сделать это до нового года или все-таки отгулять праздники.

Лара затеяла генеральную уборку. Когда работы много, только успеваешь, что прилететь домой, быстро перекусить – и сразу спать, а в выходные хочется сходить в музей или на выставку, пообщаться с друзьями, а еще втиснуть в этот график спортклуб – не до уборки тут. А сейчас не хотелось ни музеев, ни театров, зато уборка стала чем-то вроде психотерапии. За окном летели огромные белые снежинки, липли к стеклу и, соприкоснувшись с теплом городской квартиры, плавно стекали прозрачными ручейками, напоминая следы от слез. Вытирая пыль на полках, Лара размышляла о сложившейся ситуации. Все-таки зря она повелась на хорошую зарплату и перешла в эту компанию. На прошлой работе и коллектив был хороший, и условия достойные. Правильно говорят: лучшее враг хорошего.

На новой работе все началось, когда директор неожиданно предложил Ларе занять должность, освободившуюся после отъезда за рубеж одной сотрудницы. Должность была престижной, претендовали на нее многие, и то, что отдавали ее новенькой, стало для всех неприятным сюрпризом. Еще не наладившиеся с коллегами отношения мгновенно испортились, с ней начали здороваться сквозь зубы. Да и причина столь неожиданной доброты директора вскоре стала Ларе понятна. После отказа вечером сходить на оперу в Большой, а затем выпить где-нибудь по бокалу вина, Ларе дали понять, что сделать карьеру просто так не получится. И вот теперь она думала, как ей лучше поступить. То, что она уволится, сомнений не вызывало. Играть в такие игры Лара не желала, она уже давно не девочка, и специалист

грамотный, а то, что с семьей не сложилось, вовсе не означает, что она готова к свободным отношениям. Но как сделать это так, чтобы получилось, что называется, по-хорошему, без последствий? Это был вопрос вопросов.

Погруженная в раздумья, Лара встала на стул, открыла дверцу шкафа, где хранились альбомы старых фотографий и кляссеры собранных когда-то марок. Только она взялась за верхний альбом, как вдруг вся стопка полетела вниз и с грохотом рухнула на пол, да еще и фотографии разлетелись. Лара балансировала на стуле, пытаясь удержать равновесие, но не преуспела и последовала за альбомами. Сидя на полу и потирая ушибленную руку, она чуть не расплакалась. Повсюду валялись старые черно-белые фотографии, к тому же не все альбомы пережили падение и теперь, развалившиеся с оторванными обложками, обиженно смотрели с пола на Лару.

«Вот только этого не хватало!» – тяжело вздохнув, Лара принялась собирать фотографии. И вдруг среди черно-белых снимков увидела небольшой листок с детским рисунком. Это был тот самый рисунок, который много лет назад она нарисовала в такой же зимний снежный день. Лара с удивлением смотрела на картинку. Рисовать Лара никогда не умела и не любила, это был ее единственный рисунок, но очень важный, и она его бережно хранила, а сейчас поймала себя на мысли, что в какой-то момент совершенно забыла о нем. И вот он напомнил о себе. На рисунке было синее поле, такое же синее небо, а между ними, как разделительная полоса, коричневая кромка гор. И надпись: «Васильковое поле».

И в этот момент, как будто включился обратный отсчет, время стремительно полетело назад, меняя кадр за кадром: новая работа, Олег, институт, школа и вот ей пятнадцать лет, она сидит на ступеньках маленького дачного домика, закрыв глаза и подставив лицо солнцу. Дует жаркий летний ветер, жужжат пчелы, где-то совсем недалеко бабушка разговаривает с соседкой и жалуется, что устала поливать, а Ларка, бездельница, не помогает, и вообще, она с утра до вечера горбатится на этой даче, тоннами варит варенье, а его потом никто не ест... Где-то вдалеке гудит машина: кто-то приехал, Лара уже слышит скрежет колес по гравии, а машина останавливается рядом с соседним домом...

Дмитрий Матвеевич появился в поселке внезапно. Соседи много лет не приезжали на дачу, дом пустовал и постепенно разрушался, и вдруг неожиданно для всех в самом начале июня к дому подъехал автомобиль и остановился перед воротами. Участок давно зарос крапивой и рейнутрией. Утопая в густых зеленых зарослях, дом смотрел на нового хозяина разбитыми окнами и покосившейся дверью, на которой неизвестно для чего висел большой амбарный замок. Из автомобиля вышел невысокий худой человек лет пятидесяти, в синем спортивном костюме и соломенной шляпе, открыл калитку и решительно направился к дому, раздвигая рейнутрию. Увидев, что за ним наблюдают, он приветливо улыбнулся, помахал рукой и крикнул:

– Если бы знал, прихватил бы мачете!

Лара с интересом наблюдала за новым соседом.

– А что такое мачете? – спросила она бабушку.

– Это такой большой нож, который используют для прорубания троп в джунглях, – ответила бабушка, не отрывая взгляда от нового соседа.

Вскоре выяснилось, что новый сосед купил дом у бывших владельцев, с которыми когда-то Ларины бабушка и дедушка получали свои участки, и теперь намерен был превратить его в маленькую шестисоточную фазенду, как он это называл. По телевизору уже всюю шли мексиканские сериалы, и что такое фазенда, Лара знала. Семьи у нового соседа не было – бабушке он сразу не понравился, она всех холостых мужчин считала подозрительными и несерьезными, – так что проводить время на даче он планировал в одиночестве или с

друзьями, о чем сразу и сообщил соседям. Также отрапортовал, кто он, чем занимается, где работает, сказал, что политически безграмотен, атеист, но в Бога верит. При этом глаза его смеялись, хотя говорил вполне серьезно.

В отличие от бабушки новый сосед пришелся Ларе по душе. Он был веселым, все время шутил, между двух яблонь натянул гамак и вечером любил лежать и размышлять о «делах насущных и несущественных». Постепенно дом и участок облагораживались, в окнах появились стекла, стены приобрели свежий светло-зеленый цвет, дверь Дмитрий Матвеевич поставил новую, а старую вместе с косяком разместил посреди участка. Эта старая дверь с облупившейся синей краской всегда была приоткрыта, но Дмитрий Матвеевич никогда через нее не проходил.

– И куда ведет эта дверь? – как-то раз насмешливо спросила Ларина бабушка. Все эти действия казались ей несерьезными и легкомысленными, недостойными доктора физико-математических наук, преподавателя университета, коим и был новый сосед.

Все разговоры всегда велись через забор, благо участки были маленькие, так что даже находясь в самых удаленных их уголках, соседи могли отлично друг друга слышать.

– В другую реальность, Ирина Васильевна, – как всегда совершенно серьезно ответил Дмитрий Матвеевич бабушке.

– А что там? – поинтересовалась Лара.

– Пока не знаю, – так же серьезно ответил сосед. – Но если увидите, что дверь закрыта – значит, я туда ушел.

– А мне можно? – спросила Лара.

Дмитрий Матвеевич отрицательно покачал головой.

– Тебе еще рано.

– А когда будет можно? – Лара смеялась.

Ларе это казалось веселой игрой. Ей только-только исполнилось пятнадцать, она уже успела влюбиться и разочароваться, считала себя совсем взрослой и в то же время тайно играла в любимую куклу Настю. Когда никто не видит. На даче Лара скучала, с дачными девочками и мальчишками отношения не сложились, и разговоры с новым соседом стали особым событием в распорядке дня. Так постепенно они подружились, а когда в начале августа Дмитрий Матвеевич приехал в отпуск, Ларина жизнь и вовсе существенно изменилась. Теперь, встав утром, Лара краем глаза наблюдала из окна за соседским участком, и когда Дмитрий Матвеевич появлялся, она тут же выбегала из дома.

– Ой, здравствуй, дядя Дим! – кричала она.

– Привет, привет! – отвечал сосед.

И между ними завязывалась шутивная беседа. Потом Дмитрий Матвеевич занимался делами, время от времени уезжал в город, «без меня работа стоит», как он говорил, но вечером неизменно возвращался.

Бабушка к соседу по-прежнему относилась без энтузиазма, хотя немного смягчилась, особенно после того, как Ларины мама и папа познакомились с ним и даже подружились.

– Да он отличный мужик, мам, – говорил Ларин папа.

– Не знаю, не знаю, – скрипучим голосом отвечала бабушка. – Подозрительный он какой-то.

Чего в нем подозрительного, бабушка объяснить не могла, и просто отмахивалась, мол, все равно не поймете.

И вот однажды в августе, под конец каникул, когда до школы оставалось каких-то десять дней, Дмитрий Матвеевич пригласил Лару и бабушку к себе на чай. Дело было вечером. Небо затягивали тучи, в воздухе пахло влагой и зацветающими флоксами, где-то далеко гремел гром, тревожно нарушая вечернюю тишину. И откуда-то совсем издалека вдруг сильно потянуло

осенью и грустью. И в этот момент на границе участка появился Дмитрий Матвеевич и, опираясь на забор, крикнул:

– Лара! Ирина Васильевна! Вы где?

Лара дома в спешке читала непрочитанные книги из списка литературы на лето, а Бабушка собирала в теплице огурцы. Услышав соседа, Лара выбежала; бабушка тоже нехотя выползла из теплицы с большой корзиной огурцов.

– Что-то случилось, Дмитрий Матвеевич? – спросила она недовольным голосом.

– Ого! Вот это урожай! Да вы просто волшебница, Ирина Васильевна.

– Да уж какое тут волшебство?! Работа. Бесконечный труд. А без труда не вынешь и рыбку из пруда. Вот, берите.

Бабушка щедро набрала огурцов и передала соседу через забор. Комплимент ей явно понравился.

– Спасибо. Спасибо, уважаемая Ирина Васильевна. А я вот торт привез. Подумал, лето к концу подходит, а вы так и не побывали у меня в гостях. Заходите с Ларочкой на чай!

Тем временем гроза приближалась, небо стало совсем темным, и порывы ветра срывали с яблонь листья, заставляя их кружиться в воздухе в безумной пляске.

– Спасибо, Дмитрий Матвеевич, некогда. Надо еще помидоры успеть до грозы собрать.

– Да подождут ваши помидоры, Ирина Васильевна!

Но бабушка все равно отказалась, а Лара радостно крикнула:

– А я сейчас оденусь и приду!

Ей давно хотелось посмотреть, как устроился сосед, мучило любопытство, но он никак не приглашал, а сама навязываться Лара не хотела. Дядю Диму она считала почти что другом, хотя он был даже старше папы.

– Какое сейчас? – строго сказала бабушка. – Не пойдешь!

– Почему? – Лара удивленно посмотрела на бабушку. – Мне интересно.

«А действительно, почему?» – подумала Ирина Васильевна. Хоть сосед ей особо и не нравился, но человек он явно порядочный, ничего плохого за ним не водится, как говорится, в пьянстве замечен не был, равно как и в хулиганстве. К тому же Лара с ним подружилась. А сын Ирины Васильевны, Ларин папа, и вовсе был о профессоре, как он его называл, превосходного мнения. И Лару отпустили.

В доме у Дмитрия Матвеевича все стало по-другому. Мебель прежних хозяев выбросили, но не всю. Старый дубовый стол по-прежнему стоял у окна, громоздкий буфет с резными дверцами Дмитрий Матвеевич перетащил к другой стене, а на его место поставил небольшой журнальный столик и два кресла, на стенах появились полки с книгами и большое кресло-качалка около печи. На журнальном столике стоял проигрыватель и лежала стопка пластинок, а над столиком на стене висел огромный портрет невероятно красивой девушки. У девушки были длинные прямые черные волосы и большие красивые глаза. «Какая-то артистка», – подумала Лара и спросила:

– А кто это?

Дмитрий Матвеевич подошел к портрету, провел ладонью, словно стирая невидимую пыль, и как-то грустно улыбнулся.

– Это моя жена. Ее звали Лара. Как тебя. – Дмитрий Матвеевич замолчал, глядя на портрет. – Она погибла в горах. Давно уже. Она была альпинистом... Знаешь, мне иногда кажется, что ее и не существовало вовсе. Что я ее придумал. Странная все-таки вещь память, я даже голоса ее уже не помню... Ну ладно, давай за стол, пока самовар горячий.

Лара села за стол, а Дмитрий Матвеевич поставил чашки, торт, банку с вишневым вареньем и красивые тарелочки с нарисованными васильками. Небольшой электрический

самовар вовсю кипел и бурлил, за окном в сумерках уже вовсю шумел дождь и гремел гром, а в комнате горел мягким желтым светом торшер, пахло тортом и вареньем, и все это казалось Ларе каким-то сказочным, будто она попала в дом настоящего волшебника. Даже торт и тот назывался «Сказка».

– А какая у вас музыка? – поинтересовалась Лара, глядя на стопку пластинок.

– А хорошая! – Дмитрий Матвеевич рассмеялся, подошел к проигрывателю и поставил какую-то пластинку.

Музыка была странной, Лара таких песен никогда не слышала. Низким и глубоким голосом какая-то женщина завораживающе пела на английском языке. Лара училась в английской спецшколе, поэтому многое из того, о чем пела женщина, понимала.

Птицы в вышине, вы знаете, что я чувствую!

Солнце в небесах, ты знаешь, что я чувствую!

Тростники, колышущиеся на ветру, вы знаете, что я чувствую!

Это новый рассвет, новый день, новая жизнь для меня,

И я чувствую себя отлично!

And I'm feeling good.

– Это Нина Симон, – сказал Дмитрий Матвеевич. – Потрясающая джазовая и блюзовая певица. Ее очень любила моя Лара. Уверен, тебе понравится.

И Ларе действительно нравилось. В этой непонятной для нее музыке одновременно было что-то веселое и трагическое, и боль, и любовь, и радость. Даже не разбирая временами слов, Лара почему-то понимала, о чем поет эта певица, ставшая впоследствии одной из самых любимых.

А потом Дмитрий Матвеевич рассказывал Ларе о странах, где она никогда не бывала, а он бывал. О Париже и Лувре, о Вене, где когда-то потрясающий композитор Моцарт писал необыкновенные симфонии, а умер в бедности и похоронен в безымянной могиле, о небоскребах Нью-Йорка, где как раз жила и работала эта удивительная джазовая певица Нина Симон. Еще он рассказывал о вселенной, где рождаются и умирают звезды, превращаясь в голубых карликов или черные дыры, поглощающие все, что оказывается рядом с ними, про загадочные кометы и планеты, которых в космосе очень много, и наверняка среди них есть обитаемые, такие как наша Земля.

Лара замороженно слушала, боясь перебить. Все, о чем говорил дядя Дима, было невероятно интересно, она ловила каждое его слово, стараясь все запомнить, чтобы потом записать в дневник. Дмитрий Матвеевич так увлеченно рассказывал, что Ларе стало казаться, будто это она, а не он бродит по величественным залам Лувра, на концерте в Карнеги-холле слушает Нину Симон и мчится на космическом корабле из галактики в галактику. И вдруг Дмитрий Матвеевич замолчал. И наступила невероятная тишина, потому что пластинка давно закончилась. Тишина повисла в комнате, как невидимая паутина, прозрачная, но осязаемая. И тут раздался страшный раскат грома, даже дом вздрогнул.

Дмитрий Матвеевич рассмеялся:

– Это небесный громовержец обиделся на нас за то, что мы про него забыли и совсем не замечали.

– И правда, – рассмеялась Лара. – Совсем не слышали.

Немного помолчав, Лара набралась храбрости и спросила:

– Дядя Дим, а тебе бывает грустно? Ну вот не просто грустно, а так грустно, что... – Лара задумалась, пытаясь найти слова, ей совсем не хотелось говорить «что жить не хочется», – прям не знаешь куда себя деть, что ли...

Дмитрий Матвеевич внимательно посмотрел на Лару.

– Конечно бывает. Особенно ночью. Когда бессонница мучает.

– И что ты делаешь?

– Ухожу на васильковое поле.

Дмитрий Матвеевич взял в руки тарелку с васильками:

– Вот такие васильки растут на этом поле. А за ними идут горы, прекрасные горы с хрустальными белыми вершинами, и там меня ждут... А над горами небо, такое же синее, как поле.

– На васильковое поле? А как ты это делаешь? – удивилась Лара, совершенно не понимая, о чем говорит дядя Дима.

– А сейчас расскажу. – Дмитрий Матвеевич встал, подошел к Ларе, взял девочку за руку и подвел к креслу. – Садись, устраивайся поудобнее.

Затем поставил пластинку, но сделал музыку потише и сел напротив.

– Теперь расслабься, положи руки на подлокотники и представь себе, что ты идешь по лесу, над тобой шумят огромные деревья, это ветер играет кронами, а ты идешь по дороге все дальше и дальше, иногда смотришь на небо, и тогда над тобой проплывают белые пушистые облака, и вдруг ты выходишь из леса и видишь огромное васильковое поле, простирающееся до горизонта....

Закрыв глаза, Лара шла по этой пыльной песчаной дороге и смотрела на кроны, в которых шумел ветер, и на белые облака, и на птиц, перелетающих с ветки на ветку, и вот вышла на васильковое поле. Оно было огромное, только где-то далеко-далеко шла небольшая кромка темных гор с хрустальными белыми вершинами. Лара могла поклясться, что все это она видела: и васильки, и жужжащих над маками пчел, и порхающих бабочек, таких огромных и прекрасных, какие живут только в снах, а еще голосом Нины Симон пели птицы. Легкий ветер прозрачными ладонями гладил синие головки цветов. И вдруг Лара почувствовала счастье. Да, это было именно счастье, Лара откуда-то это знала. Оно было вполне осязаемое, похожее на прозрачный шар. Это шар висел над васильками, и там, внутри шара тоже были васильки, и небо, и темные склоны гор, и еще один такой же шар, а в нем – еще и еще. А она, Лара, тоже была внутри этих шаров, и в то же время над шарами.

Она никогда не смогла бы объяснить это потрясающее чувство, наверное, потому что оно было предназначено только ей. В этой васильковой жизни не было ни тревог, ни печалей, ни уроков и предстоящих экзаменов, не существовало пока предавших ее подруг, не было мужчины, который однажды бросит в самый трудный момент жизни, и ребенка, которому она не захотела подарить жизнь, тоже еще не было, а было бесконечное васильковое поле, заполненное любовью и светом.

– А теперь сложи руки в замок, – услышала она голос откуда-то из-за пределов этого сказочного мира, – и запомни это состояние.

И вот васильковое поле исчезло, на соседнем кресле сидел Дмитрий Матвеевич и улыбался.

– Понравилось поле?

Лара кивнула головой, потому что способность говорить еще не вернулась.

– Волшебство? – прошептала она.

Дмитрий Матвеевич рассмеялся.

– Нет, не волшебство. Хотя... В общем, когда тебе будет плохо, а это, увы, в жизни случится не раз, ты сложи руки в замок, как сейчас, вспомни это поле и вернись на него. И все будет хорошо.

– Правда?

Дмитрий Матвеевич кивнул.

– Абсолютная!

– А ты? Ты там будешь, на этом поле? – сама не зная почему, спросила Лара.

– Я всегда буду тебя там ждать. Как сейчас там ждут меня...

Потом, уже зимой, Лара нарисовала это поле на маленьком листке бумаги, положила в альбом с фотографиями – и забыла. А вспомнила неожиданно уже весной, в конце апреля. Ей вдруг стало невыносимо тоскливо, тогда она достала альбом, вытащила рисунок и долго смотрела, сложив руки в замок. И что-то щемящее и печальное творилось в душе от воспоминаний об этом поле, и о Дмитрие Матвеевиче, и о том удивительном вечере, когда она пришла к нему на чай.

На следующее лето Дмитрий Матвеевич не появился. В правлении сказали, что их сосед в конце апреля неожиданно умер от сердечного приступа.

Впрочем, Лара и так это знала. Она поняла это сразу, когда, приехав на дачу, вдруг увидела, что дверь с облезшей синей краской, стоящая посреди участка, закрыта.

– Ветром захлопнуло, – задумчиво сказала бабушка, которая тоже заметила дверь.

«Нет, это Дмитрий Матвеевич ушел в другое измерение», – подумала Лара, а бабушке сказала:

– Эта дверь ведет на васильковое поле.

Бабушка внимательно посмотрела на Лару и ничего не ответила.

Потом Лара стала взрослой, окончила школу, поступила в университет и на дачу приезжать стала все реже и реже, а вскоре и вовсе перебралась в Москву. И когда бабушка умерла, дачу продали. Рисунок с васильковым полем она засунула подальше в альбом и больше никогда не разглядывала, поначалу слишком тяжело было вспоминать о Дмитрие Матвеевиче, а потом и вовсе вся эта история с васильковым полем и странным соседом ушла вместе с детством. И тем не менее этот странный человек, ставший в ее жизни лишь мимолетностью, одним маленьким дачным летом, почему-то навсегда остался в памяти, как если бы она знала его всю жизнь.

И вот теперь рисунок с васильками лежал у нее на ладони. Лара положила рисунок на стол, включила любимую Нину Симон, села в кресло и сцепила ладони в замок. И вот она уже шла по лесу, по пыльной песчаной дороге. Над головой шумели кроны старых сосен, плыли белые облака и голосом Нины Симон пели птицы:

Birds flying high, you know how I feel.

Sun in sky you know how I feel.

Reeds drifting on by, you know how I feel.

It's a new dawn, it's new day, it's new life for me,

And I'm feeling good.

И чем дальше она шла, тем светлее и спокойнее становилось на душе, и вот она вышла на васильковое поле. С тех пор как она побывала здесь в последний раз, оно ничуть не изменилось: все так же ветер водил ладонями по синим бутонам, и казалось, будто это волнуется море; все так же порхали чудесные бабочки и шмели гудели и перелетали с цветка на цветок. И вдруг все встало на свои места, Лара больше не тревожилась. Она точно знала, что

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

делать дальше. Завтра она напишет заявление об уходе, возьмет билеты на «Сапсан» и поедет к маме, к школьным друзьям, которые ее ждут, в любимый городе детства. И будет Новый год, и елка в мишуре и гирляндах, и праздничный салют, и салат оливье, невероятно вкусный у мамы, и шампанское, и много-много подарков.

А где-то далеко-далеко, на краю василькового поля, на фоне темных гор с хрустальными вершинами виднелись две фигурки – мужчины и женщины. Они словно держали друг друга за руки, но Лара точно знала, что они смотрят в ее сторону. И тогда мужчина вдруг поднял руку и помахал Ларе.

Екатерина Ключкова. Холст, масло. 2022

СМЕХОТЕКА

Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

ЗА ТРИДЕВЯТЬ ЗЕМЕЛЬ

Эротическая сказка для взрослых

«Женщина она испорченная! Да что там, прямо скажу: гулящая! Клейма на ней ставить негде. Характер – дрянь! Просто стерва она, вот и все!» – так яростно плюется Леший, вспоминая про свою давнюю и безнадежную страсть – Бабу-ягу. Бабой-ягой все ее звали по привычке, имечко-то у нее непростое – Ядвига. Разве выговоришь? Ну, вот и сократили до невозможности. А Алексей, Леший то бишь, ласково по имени к ней обращался, но это ежели надежда какая на взаимность просыпалась. А когда Яга его метлой гоняла, так он все по лесу шлялся, жаловался вроде как да слова оскорбительные бубнил. Давно уж эта канитель тянулась, почитай не один век, да только никак не давала вредная баба Лешему доступа к интиму! Вот и елозил он по ночам в своем шалаше, всю мебель отполировал ненароком.

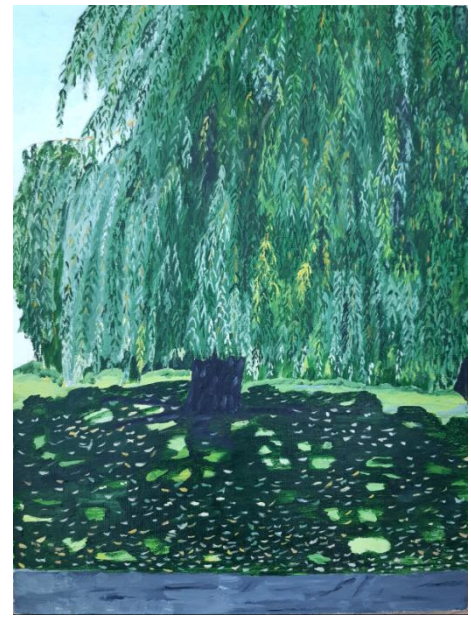
В позапрошлом годе маненько оттаяла Ядвига, позвала ступу чинить – прохудилась, видать. Леша и рад услужить, глядишь, размякнет баба и допустит до тела. А тело у нее... Ух! Хоть и в годах Баба-яга, а все ж таки справная и сочная, соблазнительно больно. И как тут удержаться? Залатал Леша ступу – и айда кадрить Ягу! И так приобнимет, и эдак в уголку прижмет – выскальзывает, окаянная! Только было Леший поцеловать ее приладился, как эта карга клюку в одну руку, метлу в другую – и бедолагу из избы ка-а-ак пиннанула! Так мало того, еще по тропинке метров сто гнала и голосила на весь лес: «Ишь ты, повадился, озабоченный! Совсем что ли из ума выжил? Я тебе не кикимора какая-нибудь! Охолони, и что б духу твоего рядом с моей избой не было!»

Метлой еще напоследок в сердцах махнула, вроде как пригрозила, развернулась и пошла. Да как пошла-то! Пританцовывая и нехило виляя задом, напоминающим небольшой комодик. А Леший, глядя ей вслед, так и застыл чучелком и на этот зад преданно с вожделением уставился. Стоял так, вздыхал, пока не стемнело. Повесил Леший голову и поперся к медведю в берлогу. Медведь собеседник хороший, не перебивает, только ворчит иногда. Вроде как сочувствует. Идти пришлось, как говорится, огородами, в обход то есть. Ежели напрямки податься, так через озеро лесное идти придется, а там Русалка! С ней тоже все не слава богу. Приставучая – жуть! Как ни придешь, она из воды вынырнет, хвостом неприлично подрагивает, глаза закатит и зазывно так поет: «Ле-е-ешик, Ле-е-ешик!»

«И на что она рассчитывает? – думал Леший, шагая по темной тропке, – так-то она девка не дурная, может, хорошая даже. Одинокая, опять же. Но ведь намаешься с ней! Вечно мокрая, и хвост этот мешается. С какой стороны подступиться, непонятно. Какая уж тут любовь? Одни нервы! – вздохнул Леша. – И знает ведь про мои страдания безответные, а все туда же. Говорил ей не раз: “Бабу-ягу люблю!” Нет, не понимает, все лезет со своими перепонками, щекочет! Да

*Кадрия Галеева. Соседский дом (из цикла «СНТ»).
Холст на картоне, масло. 2019*

*Кадрия Галеева. Дерево во дворе
Дома-музея Саввы Шумановича в г.
Шид (Сербия). Холст, масло. 2018*

и рыбой от нее за версту несет! Так воняет, что даже поганки вокруг стоять не могут – как подкошенные падают, не то что... Тьфу, пропасть!» – плюнул Леший.

Вскоре вблизи показалась заваленная ветками берлога. Леший, шумно протискиваясь и искусно матерясь, полез внутрь. Медведь поднял голову, тихо буркнул и, обреченно вздохнув, подвинулся. Леший наконец уселся и, притулившись к теплой и немного взопревшей шкуре зверя, похлопал его по спине.

– Извини косолапый, спать тебе не даю. Но ты уж пойми, друг, опять Ядвига на меня осерчала. Как собака злая, а ведь сама звала-то! Я так кумекаю: она роковая женщина! Небось приворожила меня и глумится теперь. Ведьма! Что думаешь, Потапыч?

Медведь тихо всхрапнул.

– Ну вот и я так думаю! – согласился Леший. – Хотя Ядвигушка моя баба хозяйственная, невеста завидная. Запасов всяких у нее видимо-невидимо! И травы, и ягоды разные, грибы и корешки, рыба да живность мелкая. Хошь колдуй, хошь бульон вари. С ней не пропадешь! Только и я не нахлебник! Гостинцы исправно ношу, да! То шкуру лисью, то шапку кроличью, а то и фуфайку медвежьей шерсти.

Медведь резко вздрогнул.

– Да не бойсь ты! Я ж не убиваю никого, ты что!? Вона, охотники да туристы как меня увидят, дык со всех ног драпают! Столько всего оставляют! Эт-та я зазнобе и таскаю. Пусть потешится, глядишь, подбреет. Только я так смекаю, что вряд ли. Не желает она шуры-муры со мной крутить. Она, вишь ли, сохнет, по Кашею. А что по нему страдать-то? Он хоть и заморский принц, да старый больно, не смотри что богатый. Неизвестно еще, годный он к ентому делу-то или нет? Все ж знают, что у него игла в яйце. Дак мало того, яйцо вообще в утке! И какой от него толк? Где ему силы на амурь взять? Ходит, костями гремит! Того и гляди рассыплется. А вот поди ж ты, сохнет, по этому супостату, ага. Сам видел, эсэемэски друг другу с совами шлют! Не патриотка Баба-яга, не патриотка! Простого русского мужичка ни в грош не ставит! Так унижает!

Леший утер грязным рукавом глаза.

Кадрия Галеева. Май (из цикла «Липовка»). Холст на картоне, темпера. 2008

Кадрия Галеева. Умирают деревья, дома... (из цикла «Липовка»). Холст, масло. 2018

– Давеча как рявкнет: «Не люб ты мне»! Ага, прям так и сказала, что в лоб поленом звезданула! Ох, обидно! И чевой-то я ей не люб?! Всем мужик справный да ладный. Опять же, шалаш у меня просторный и участок большой, почитай пол-леса. Надежный я, верный. Ну да, могу выпить, а кто ж не пьет?

Леший ткнул медведя локтем в бок. Медведь рыкнул и облизнулся.

– Ну, вот и я о том! – кивнул Леша. – Нонче ругалась, клюкой трясла, а сама фигуру мою тайком оглядывает. И пошто заигрывает? А то заглянул я как-то в ейное окошко, а Яга там мои подарки примеряет. Гляди-тка, бережет, не выкинула... Мобыть, нравлюсь я ей как мужчина, а с Кашеем она из-за денег? А, Потапыч? Ты спишь, что ли, косолапый? Ну ладно, пойду я.

Брел Леший по ночному лесу и думу думал: «И как дальше жить? Силой ее взять, что ли? В шалаш затащить – и ага! А коли распробует силушку мужскую, так и полюбит! Как знать? Нешто я хуже Кашея?»

Много вечеров горевал Леший, закусывая водку мухомором (верное средство для мужской силы). Все решался обнаглеть и приступом Ягу взять, да так и не решился. Добрый же мужик, не насильник поди!

Минуло две зимы. Медведь, обалдевший от недосыпа, перебрался в соседний лес и вырыл новую берлогу. Баба-яга каждый уик-энд летает в ступе за тридевять земель, к Кашею. Гостевой брак у них, видите ли! Леша больше к Яге не ходит, что зря лапти топтать. Смирился. Только иногда редкой ночью сидит он на пригорке под большой луной и, ругаясь последними словами, вспоминает бывшую возлюбленную. А потом, утирая рукавом глаза, Леший высматривает в небе силуэт ступы с Бабой-ягой, размахивающей метлой на фоне ярких звезд. Ближе к утру, под дружное кваканье лягушек в соседнем пруду, плетется Леший к своему шалашу. Из шалаша назойливо тянет рыбой, кто-то негромко напевает и слышится редкий, противный всплеск. Леша тяжело вздыхает: «Да, как говорится, на безрыбье и сам с рыбой ляжешь!»

СМЕХОТЕКА

Алексей Казарновский
(МОССАЛИТ, Москва)

ПОЧЕМУ НАМ СМЕШНО

С примерами из собственного творчества
Выступление на Круглом столе № 11 «Юмор и ирония»⁵

Юмор, ирония, сатира, сарказм – мы различаем их как формы комического, хотя не всегда можно отделить одно от другого. Для начал давайте посмотрим на определения из словарей.

Юмор – интеллектуальная способность подмечать в явлениях их комичные, смешные стороны, зубоскальство. В широком смысле – все, что может вызвать смех, улыбку и радость.

Ирония – сатирический прием, в котором истинный смысл скрыт или противоречит явному смыслу; выражающее насмешку лукавое иносказание, когда в контексте речи слова употребляются в смысле, противоположном их буквальному значению.

Сатира – резкое проявление комического в искусстве, представляющее собой поэтическое уничижительное обличение явлений при помощи различных комических средств: сарказма, иронии, гиперболы, гротеска, аллегии, пародии и других.

Сарказм – один из видов сатирического изобличения, язвительная насмешка, высшая степень иронии, основанная не только на усиленном контрасте подразумеваемого и выражаемого, но и на немедленном намеренном обнажении подразумеваемого.

Проще говоря, юмор в литературе – это нечто вызывающее смех. Все остальное (ирония, сатира, сарказм) можно считать разновидностью юмора в широком смысле. Откуда берется смех? Что нам смешно? Из приведенных определений следует, что дело в скрытых противоречиях, которые становятся вдруг явными. Если взглянуть глубже, то ключевым словом тут окажется «вдруг». Владимир Леви в популярной в свое время книге «Охота за мыслью» писал, что смех сродни испугу, поскольку в основе того и другого – неожиданность. Реакция нашей психики на неожиданность двоякая. Если неожиданность несет угрозу – испуг, если неожиданность нейтральна или позитивна по отношению к нам – смех. Сочетание двух реакций тоже оказывается вполне гармоничным. Всем известно, что можно напугать ради смеха.

Итак, в основе любого юмористического (в широком смысле) произведения лежит неожиданный для читателя поворот.

Это может быть

- сюжетный поворот, когда автор провоцирует читателя на некий прогноз развития событий, а потом, оказывается, что все происходит совершенно по-другому, но абсолютно логично.

⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=CkJRoBBYU8k>

Это может быть

- поворот семантический, основанный на игре смыслов, когда читателя провоцируют на одну смысловую интерпретацию слова или словосочетания, а потом выявляется совершенно другая.

Это может быть

- стилистический диссонанс. Когда логично, но неожиданно сменяются стили или элементы стиля.

Это может быть

- диссонанс прямого смысла и контекста, что характерно для иронии и сарказма. В этом случае фактор неожиданности сводится к тому, что прямой смысл текста вдруг оказывается в остром противоречии с контекстом.

Если говорить о сюжетном повороте, то этот прием больше подходит для относительно крупных и сюжетных произведений, и поэтому он более распространен в прозе.

Поворот семантический больше подходит для малых форм и чаще встречается в поэзии.

Стилистический диссонанс обычно используется в сочетании с другими приемами для усиления эффекта.

Вот, например:

Поет душа

Нам песня строить и жить помогает.

Лебедев-Кумач

*Душа, поет. Поет, душа...
Поет. Какой в том вред?
Мурлычет повар, потроша
Цыпленка на обед,*

*Поет дорогою шофер,
Как истый меломан,
Поет, наверное, и вор,
Забравшись к вам в карман.*

*Любому с песней лучше жить,
С ней труд любой хорош!
Она поможет задушить
Прохожего за грош.*

*Он каждый раз поет, душа,
Чтоб после песнопений
У жертвы деньги до гроша
Изъять без затруднений.*

*Что метод груб для наших дней,
Судить вы не спешите!
Ручной работаю своей
Гордится наш душитель.*

*Вблизи дороги, средь полей
Он душит не спеша.
Он знает: с песней веселей,
Вот и поет, душа.*

*Он, ремесло любя свое,
Передушил бы всех,
А что при этом он поет –
Не самый страшный грех.*

Здесь очевиден в качестве основного прием семантический поворот. Стилистический диссонанс тоже используется, во-первых, на уровне эпиграфа (высокий стиль) и основного содержания – грабеж с убийством. Во-вторых, внутри каждого катрена тоже наблюдаем аналогичный прием: тут рядом меломан и вор, герой душит, зная, что «с песней веселей», удушье названо «ручной работой» и т. д.

Это еще и пример так называемого «черного юмора». Когда происходящее по сути трагично, но здесь опять же играет диссонанс текста и контекста. Несмотря на, прямо скажем, мрачный прямой смысл, стихотворение воспринимается как юмористическое, ибо в контексте все это игра, дурачество.

А вот пример произведения, построенного на неожиданном сюжетном повороте:

Басня про кота

*Жил-был бездомный драный кот.
Зимою мерз в подъездах грязных,
Подачки в банку из-под шпрот
Он получал от граждан разных,*

*Но славный день настал и вот,
Приятной дамою обласкан,
Был приглашен в квартиру кот,
И угодил как будто в сказку,*

*Там мясо, рыба, молоко
Гастрономической химерой.
Все слопать было не легко,
Но он все жрал и жрал без меры.*

*Потом, с трудом таща живот,
На мягком кресле водрузился.
Клубком свернулся кот и вот
Уж в сон блаженный погрузился.*

*Так прожил он денек другой,
Хваля судьбу свою и долю.
Но вот почуял наш герой,
Что снова хочется на волю.
Он знал, что должен чести ради
Вернуть хозяйке все, что съест.
В углу от всей души нагадил
И удалился в свой подъезд...*

Здесь читатель ожидает благостного хеппи-энда, в котором благодарный и счастливый кот живет душа в душу с вновь приобретенной хозяйкой, а все оборачивается совсем по-другому. В качестве дополнительного приема используется сниженная лексика и стилистический диссонанс для выражения иронии по отношению к коту («бездомный драный», «подъездах грязных», «жрал и жрал без меры» и т. д.).

Юмору подвластны самые разные формы, но есть некоторые, которые по определению являются юмористическими. Так, в поэзии это лимерик и монорим. Здесь сама форма содержит основу юмора – неожиданность.

В лимериках, по-видимому, дело в неожиданном для читателя изменении размера и рифмовки, подчиненном довольно странным правилам. А может, впрочем, дело еще и просто в традиции.

Мечта об ихтиандре

*Если были бы жабры у Вани,
Он не стал бы лежать на диване,
Позабыл бы жену
И пристрастие к вину
И привольно бы жил в океане.*

*Но не выросли жабры у Вани,
Не судьба ему жить в океане.
Отвернется жена –
Ваня выпьет вина
И спокойно лежит на диване.*

Естественно, особенностью формы комичность стихотворения не ограничивается. Тут легко увидеть неожиданный сюжетный поворот. Романтический Ваня, мечтающий о вольной жизни в океане, на самом деле просто пьяница и лентяй, угнетаемый бдительной женой.

В монориме юмористическая основа очевиднее. Читатель ждет развития в виде смены рифмы, а она упорно повторяется раз за разом. Вот маленький пример:

Ироническая элегия

*Орут коты возле сарая,
Друг друга в клочья раздирая,
А мой под теплым солнцем мая,
На мир безрадостно взирая,
Грустит, как изгнанный из рая.
Его кастрировал вчера я...*

Тут помимо формы мы наблюдаем неожиданный комичный сюжетный поворот и стилистический диссонанс. Слово «элегия» в названии откровенно противоречит контексту, при том что внешне-формально тут действительно присутствует элемент элегии: «На мир безрадостно взирая, // Грустит, как изгнанный из рая». Это стилистика элегическая.

Кстати, по поводу повторения. Если повторяющаяся рифма в монориме имеет комический эффект, то повторяющаяся шутка, как известно, убивает сама себя, вызывая уже не смех, а раздражение. Причина лежит на поверхности: в повторенной шутке уже нет неожиданности для читателя (слушателя). Именно поэтому так раздражает реклама, даже если она сделана остроумно.

Достаточно очевидно, что произведение, претендующее быть юмористическим, не может обойтись одним единожды примененным приемом из числа перечисленных. Оно должно содержать непрерывный каскад комбинаций таких приемов. Вместе с тем в произведениях других жанров очень широко используются юмористические приемы в качестве вкраплений.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

Это значительно оживляет сюжет и повествование. Зачастую авторы даже вводят специальных персонажей для этих целей. Можно указать на незабвенного деда Щукаря у Шолохова, например.

Закончу еще одним стихотворением. Юмористические приемы, которые тут применены, вы, я полагаю, без труда опознаете.

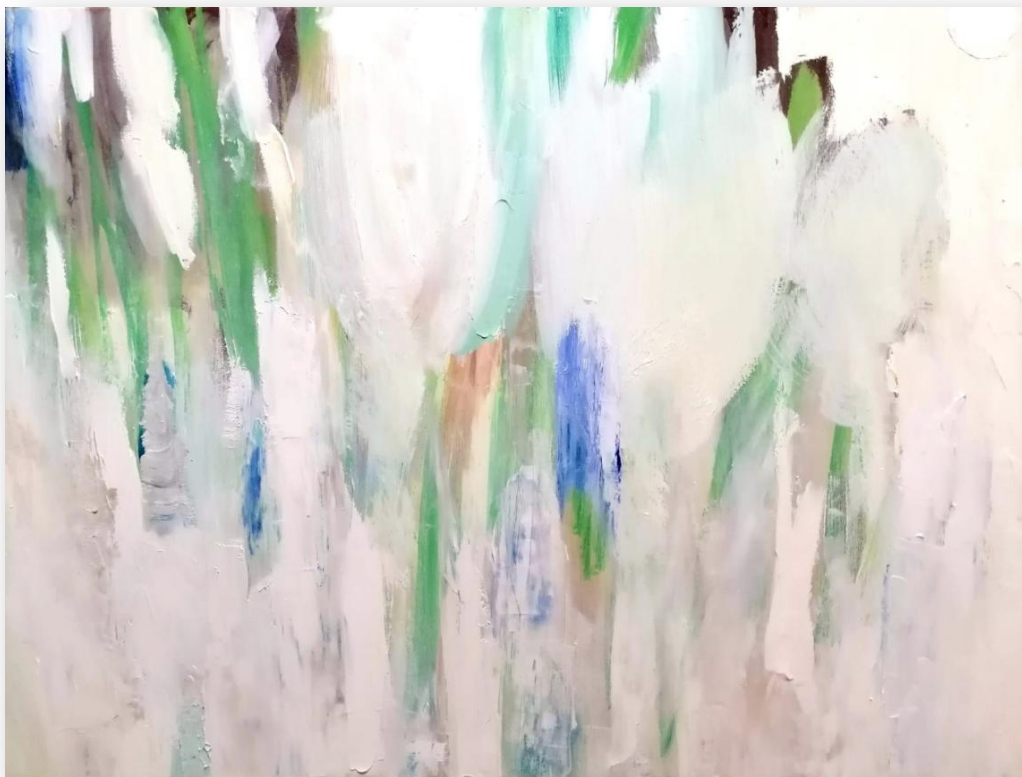
Запах гари
(Из жизни Дикого Запада)

*Сидит ковбой в дешевом баре,
Сигару курит, виски пьет.
Жизнь хороша, лишь запах гари
Ему покоя не дает.*

*Мысль о тушеных ребрах в карри
Ему нисколько не претит,
Вот только стойкий запах гари
Ковбою портит аппетит*

*И, кстати, о барменше Кларе
Подумать он совсем не прочь,
Жаль только этот запах гари
Наверняка испортит ночь.*

*Пора б забыть об этой твари,
Какая, в сущности, фигня,
Что под столом паскудный Гарри
Лежит, застреленный, три дня!*

Мария Лисиченко. Первоцветы. Холст, масло. 2023

ПЕРЕВОДЫ

Гу Юй

(Тяньцзинь, Нанькай, Китай)

БЕРЕГА БЕЗБРЕЖНОГО НЕБА ДРУГ ДРУГУ БЛИЗКИ

У меня есть два хороших друга: далеко, на краю света, близко, совсем рядом.

Сун Дэли – мой однокашник по Нанькайскому университету. Хотя он изучает английский, а я русский, мы оба одержимы художественным переводом и десятилетиями поддерживаем непрерывное общение.

Игорь Бурдонов – мой русский друг. Мы познакомились в январе 2019 года. В сентябре того же года он приехал в Китай в третий раз, и мы встретились в Тяньцзине. За последние несколько лет я перевел более 400 его стихотворений, и мы обменивались письмами более 1500 раз.

Как говорится, друзья друзей – тоже друзья. Я знаю, что и Дэли, и Игорь любят писать стихи и рисовать. Они оба восхищаются древнекитайской классикой. У них общие увлечения. Вот почему они познакомились друг с другом и общались на английском.

Сун Дэли много лет занимается двуязычным переводом с английского на китайский и с китайского на английский. Он известный переводчик, признанный научным сообществом. Можно сказать, что стопка книг его переводов высотой в рост человека. Я назову лишь несколько книг: «Чтение “Книги Стихов” (Ши цзин)», «Чтение “Чуских строф” (Чу цы)», «Чтение “Юэфу” (жанр музыкальной поэзии – китайские народные песни, записанные во времена Музыкальной палаты Юэфу, II в. до н. э. – VI в. н. э. и авторские подражания им)» (издания Нанькайского университета, 2021). Также Сун Дэли отредактировал и перевел «Поэзию династии Тан», «Сунские цы (жанр сунской поэзии)» и «Юаньцю (юаньская драма)», которые широко распространены в Интернете.

Сун Дэли завершил работу над 12-томным английским переводом шедевра Пу Сунлина «Ляо чжай чжи и (Описание удивительного из кабинета Ляо)», он сделал это в одиночку, потратив десять лет. Издательство приняло этот перевод, и ожидается, что он выйдет в ближайшем будущем.

Сун Дэли занимается не только художественным переводом, он также пишет стихи и прозаические эссе.

Его «Ю Си Синь Юнь (букв. “Язык Шелковой Сердечной Рифмы”, в английском варианте “Мелодии сердца”)» – сборник стихотворений в прозе с неповторимой индивидуальностью и литературным талантом. Он облек свои жизненные прозрения и философские размышления в драгоценные изречения, афоризмы и стихотворения в прозе. И красной нитью, соединяющей

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

эти жемчужины воедино, несомненно, являются талант и мудрость, которые он оттачивал десятилетиями.

Читая эту рукопись, вы вспомните «Опыты» Фрэнсиса Бэкона, «Залетные птицы» Рабиндраната Тагора, «Стихотворения в прозе» Ивана Тургенева.

Игорь прочитал эту книгу и не мог сдержать радости. Он перевел все 202 песни на русский язык и вместе с собственным английским переводом Сун Дели создал это произведение, в котором гармонично сочетаются китайский, английский и русский языки. Мне посчастливилось стать первым читателем этой рукописи. По просьбе Игоря я записал свои личные впечатления после прочтения.

Я хотел бы порекомендовать эту рукопись читателям, которые любят поэзию, книги и живопись, и выразить свои чувства в таких стихах:

诗画为媒网络频
知音里天涯邻

Стихи, письма и картины сближают людей,
В сетях интернета бушует река переписки.
Для родственных душ не предел десять тысяч ли,
Берега безбрежного неба друг другу близки.

*Гу Юй, 2023, 11, 27, Тяньцзинь, Нанькай, в парке Лунсин
(пер. И. Бурдонова)*

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Переводить «语丝心韵» было одновременно легко и трудно.

Все началось с названия цикла. Я выбрал один из возможных буквальных переводов: «Язык Шелковой Сердечной Рифмы». Сун Дэли вместе с китайским текстом сделал и его перевод на английский язык, в том числе и перевод названия. В переводе с английского название звучит проще и короче: «Мелодии сердца». В общем – похоже, но уже тут видна разница. «Мелодии сердца» мог написать и русский, и англичанин, и немец, и африканец, и индус, да кто угодно. А вот «Язык Шелковой Сердечной Рифмы» мог написать только китаец.

Так оно оказалось и в дальнейшем. Может быть, я просто плохо знаю английский, но китайский текст показался мне интереснее и богаче смысловыми оттенками. Хотя китайского языка я вообще не знаю, эти оттенки подсказывал словарь.

Часто мне хотелось сохранить необычную образность китайской речи, исчезавшую в английском переводе. Например, 21-й стих начинается с фразы 畏首畏尾, означающей «бояться того и этого, всего бояться; боязливый, трусливый; пугливый», как и сказано в английском переводе «Timid and hesitating» – «Робкий и нерешительный». Но буквально по-

китайски написано: «Бояться головы и хвоста» – и это уже не просто слова, это образ. К тому же образ, освященный древностью: в «Чунь цю Цзо чжуань» – «Комментарии Цзо к «Веснам и осеням» («Весны и осени» – хроника царства Лу, отредактированная Конфуцием), которые охватывают события с 722 по 468 годы до н. э., есть такие слова: «Древние говорили, что они боялись головы и хвоста». А заканчивается 21-й стих фразой 脚下变通途, означающей: «путь под ногами стал большой (свободной, открытой) дорогой», что и сказано по-английски: «путь под моими ногами превратился в магистраль». Я перевел «путь под ногами ровен и широк», потому что мне послышалась здесь переключка с Лао-цзы, который в «Дао дэ цзине» сказал: «Великий Путь так ровен, так широк, но люди любят кривые тропинки». Это уже реминисценция не образа, а философской мысли.

Другой пример: в 118-м стихе «зеленая муха» китайского текста в английском переводе теряет цвет и становится просто «мухой». Но мне показалось, что муха зеленая не случайно: это отсылка к стихотворению «Синяя муха» (так в переводе А. А. Штукина) из «Канона Стихов» – Ши цзин. Хотя иероглифы у Сун Дэли и у неизвестного автора «Синей мухи» разные, но означают одно и то же: синяя и зеленая, т.е. падальная. Да и по смыслу: у Сун Дэли речь идет об осуждении человека (в моем переводе «хула»), а в «Синей мухе» – о клеветниках.

Иногда я искал аналоги не в китайской, а в русской культуре. Например, в 145-м стихе истина характеризуется как 深邃无比 – глубокая, бездонная, несравненная, бесподобная, по-английски «extremely profound» – чрезвычайно глубокая. А я перевел «неисчислима и бездонна», вспомнив строки Ломоносова: «Открылась бездна звезд полна; // Звездам числа нет, бездне дна».

Для некоторых китайских фразеологизмов мне удалось найти точные русские эквиваленты. Например, в 153-м стихе 一无所有 можно перевести как «[у меня] ничего нет». В числе прочего так называлась известная песня рок-музыканта Цуй Цзяня (1986), по-английски «I Have Nothing», как и в английском тексте Сун Дэли «have nothing». А по-русски можно сказать «гол как сокол».

Вот это я перечислил некоторые трудности перевода (конечно, не все).

А почему «легко»?

Да потому что весело и радостно, хотя иногда грустно и печально, что тоже есть, по Аристотелю, «безвредная радость» – катарсис.

Стихотворения в прозе Сун Дэли (хотя иногда не совсем в прозе) обладают двумя, на первый взгляд, взаимоисключающими качествами: они просты, лежат на поверхности, и они сложны, скрываются в глубине. Не знаю, слышал ли Сун Дэли высказывание Альберта Эйнштейна, но делал так, как тот советовал: «Надо делать настолько просто, насколько это возможно, но не проще». Жорж Санд назвала такую простоту «крайним пределом опытности и последним усилием гения». Об этом же сказал и Гу Юй: талант и мудрость, которые Сун Дэли оттачивал десятилетиями.

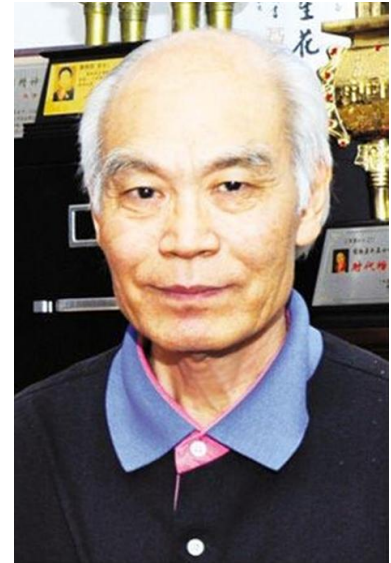
Игорь Бурдонов, 27 ноября 2023, Москва

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

宋德利著

Song Deli

(США)

《语丝心韵》 «Язык Шелковой Сердечной Рифмы»

致伊戈尔·波东诺夫先生 (г-ну Игорю Бурдонову)

Heartmelody Мелодии сердца To Mr. Igor Burdonov

1. 白与黑 - White and Black - Белое и чёрное

白是黑的希望；黑是白的归宿。

White is the hope of black; black is the home of white.

Белое – надежда чёрного; Чёрное– приют белого.

2. 日与夜 - Day and Night - День и ночь

白天在黑夜中诞生，却又在黑夜中消失。黑夜既孕育了光明，黑夜也吞噬了光明。

Day is born in night; day vanishes in night, too. Night is pregnant with brightness; night swallows brightness, too.

День рождается ночью, и исчезает в ночи. Ночь рождает свет, и ночь поглощает свет.

3. 灯 - Lamp - Светильник

只要身边有盏灯，梦乡里就是一片光明。

So long as there's a lamp by my side, it's bright in my dream.

Пока поблизости светит светильник, Светло в стране сновидений.

4. 鸟的座右铭 - Bird's Motto - Девиз птиц

花枝不是久栖处，应向长空展翅飞。

Sprays are not a place to perch on for long. You should spread your wings to fly to the sky.

Цветущая ветка – не вечное место приюта, Расправь свои крылья и в небо взлетай.

5. 花的备忘录 - Flower's Memo - Памятка цветка

你不要得意忘形，因为你生得太美，美有时就是祸根！

You should not be beside yourself because you are too beautiful and beauty is sometimes just a bane.

Не возгордись от того, что рождён прекрасным, Порой красота это корень несчастий!

6. 萤火虫 - Fireflies - Светлячки

方向，否。目标，无。长夜漫漫魂飞苦，只为身后那点辉煌。

Direction, no. Aim, no. Hardly fly in the long night. It's only for the little dots of brightness back at their bodies.

Нет пути и цели нет. В сумерках жизни мечется тяжело душа, чтобы оставить после себя эти светлые точки.

7. 新月 - Crescent - Лунный серп

你是待拉的弓，使人想到力量；你是待圆的镜，使人有所期盼。

You're the bow to be pulled. It makes people to think of strength. You're the mirror to be made round. It makes people expect something.

Ты гнутый лук и ждёшь натяга, внушая мысль о мощи. Ты зеркало и ожидаешь круга, внушая предвкушение.

8. 路 - Way - Путь

有他的路就有你的路，尽管向前走，他的路就是你的路。

So long as he has his way, you have yours. Just stride forward. His way is just yours.

Есть его путь, и есть твой путь, просто иди вперёд, его путь – это твой путь.

9. 机遇 - Opportunity - Возможность

机遇在哪？谁寻找机遇，谁就是你的机遇。

Where is the opportunity? Whoever looking for opportunities is your opportunity.

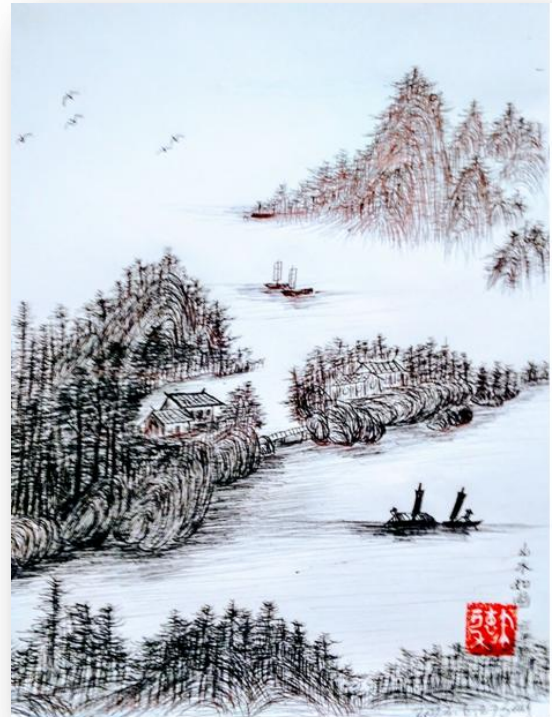
Где та возможность? Кто ищет возможность, тот и есть твоя возможность.

10. 蜡烛 - Candle - Свеча

你把光明带给黑夜，也把欢乐带给人间。你虽在泪水中死亡，却讲述一个道理：欢乐的代价是悲哀，光明的代价是死亡。

You've brought brightness to night. You've also brought happiness to the world. You died in tears, but you told a truth: the cost of happiness is sorrow while the cost of brightness is death.

Ты несёшь свет в ночь и радость в мир. Хотя ты умерла в слезах, ты сказал правду: цена радости – печаль, цена света – смерть.

11. 悲与乐 - Sorrow and Happiness - Горе и веселье

悲哀是悲哀者的护身符，欢乐是欢乐者的坟墓。

Sorrow is the amulet of whoever is sorrow-stricken. Joy at its height is the grave of whoever is overjoyed.

Горе – оберег скорбящих. Веселье – могила веселящихся.

12. 孤独 - Loneliness - Одиночество

没有孤独就没有成功，伟大的孤独造就伟大的奇迹。

No loneliness, no success; great loneliness performs great miracles.

Нет успеха без одиночества. Великое одиночество творит великие чудеса.

13. 苦与乐 - Sorrow and Joy - Страдания и радость (Вар: Печаль и счастье)

痛苦是欢乐的源泉，欢乐是痛苦的伴侣。

Sorrow is the source of joy. Joy is the partner of sorrow.

Страдания источник радости. Радость спутник страданий.

Вар: Печаль начало счастья. Счастье спутник печали.

14. 树梢 - Tree Top - Вершина дерева

树梢站在高处，得到阳光最多；然而总不满意，否则为何总在摇头。

The tree top stands at the highest place. He gets the most sunshine, but he's never satisfied, or why does he always shake head?

Вершина дерева выше всех. У вершины дерева больше света. Но вечно она недовольна. Иначе зачем головою качает?

15. 雨与花 - Rain and Flower - Дождь и цветок

晶莹剔透的雨滴，你是云儿的泪；飘然离开长空，却又未曾落地。是悲是喜，何必深理？既然恋上花魂，就把生命托付给花心。

Crystalline rain drops are the tears of clouds. They've left the sky, but never touch the ground. Sorrow or joy, it's unnecessary to distinguish them. Since you've been infatuated with flower soul, you should leave your lives to the flower hearts.

Кристалльно чистые капли дождя, вы слёзы маленьких облаков. Пронеслись и покинули небо, но никогда не коснутся земли. Что горе, что радость, не всё ли равно. Раз уж влюбился в душу цветка, доверь свою жизнь сердцу цветка.

16. 憧憬 - Longing - Чаяние

站在月亮的前面，憧憬月亮的背面。月亮的前面是阴影，月亮的背面是太阳。

I'm standing before the moon; I'm longing for the scene behind it. What before the moon is the shadow; what behind the moon is the sun.

Стою перед лицом луны, чаю увидеть, что за её спиной. Перед луной – тень, сзади луны – солнце.

17. 雨中花 - Flowers in Rain - Цветы под дождём

敞开美丽的胸襟，袒露赤诚的心怀。把纯朴的心交给雨水，岂不是把热诚交给冰凉？

Keeping your beautiful chest bare and making your honest heart exploded, you gave your simple and honest heart to the rain. Isn't it that you gave your warmth and sincerity to the ice cold?

С открытой грудью, душой нараспашку, вручить своё сердце дождю, разве это не значит пламень и лёд?

18. 雨中叶 - Leaves in Rain - Листья под дождём

无数滴晶莹，惊破无数场朦胧。吸收的化作绿血，滴下的凝成清泪。

Innumerable drops of crystal-clearness shattered uncountable dimness. Whatever absorbed turned into green blood; whatever dripping down condensed into clear tears.

Бесчисленные капли кристалльной чистоты рассеяли бесчисленную тусклость. То, что впиталось, стало зелёной кровью, то, что осталось, слёзами стало.

19. 湖与溪 - Lake and Stream - Озеро и ручей

湖再大也是原地荡漾，因为它封闭；溪再小也是流向远方，因为它开放。只有流动才有希望，只有流动才能注入大海。

However big it is, the lake is only rippling in its original place because it is closed down; however small it is, the stream is flowing away to distant places because it is open wide. Only flowing is hopeful; only flowing is possible to let water pour into the sea.

Сколь озеро ни велико, оно томится в заточенье, и лишь волнуется на месте. Сколь ручеёк ни мал, он на свободе, и мчит в далёкие края. Лишь то, что движется, вселяет в нас надежду, и лишь оно способно влиться в море.

20. 热锅蚂蚁 - Ant in Hot Pan - Муравей на раскалённой сковородке

为逃避艰辛，你离开远征的队伍；为摆脱寒冷，你爬上舒适的热锅。但最终你得到安逸，还是受到煎熬？

In order to escape hardship, you left the expeditionary army; in order to get free off the cold, you crept into the hot pan. But you finally got easy and comfort or roast and suffering?

Ты бежал от невзгод и покинул отряд свой на дальнем пути. Ты от стужи укрылся в комфортном тепле сковородки. Что же ты получил: безмятежность в раю или муки в палящем аду?

21. 行路 - On the Way - В пути

畏首畏尾，谦恭礼让，行路一何艰！随潮逐浪，奋力前行，脚下变通途。

Timid and hesitating, modestly yielding precedence, it was so hard to go ahead! Going with the tide, forging ahead courageously, the way under my feet turned into a thoroughfare.

Бойся головы и хвоста, будь скромным и уступай дорогу – как труден этот путь! Следовать волнам прилива, сил не жалея идти вперёд, – путь под ногами ровен и широк.

22. 石子 - Pebble - Камешек

你把一块石子扔进湖中，不仅沉溺了一条亿万斯年的生命，也打碎了一面监视天宇的镜子。

You threw a pebble into the lake. It's not only that you have drowned a life which has been lasting millions of millions of years, but also that you have broken a mirror which can observe the sky.

Ты бросил камешек в озеро. Ты не только потопил жизнь, длившуюся много миллионов лет, но разбил зеркало, наблюдавшее за Небом.

23. 望月 - Looking at the Moon - Смотрю на Луну

我深情地仰望你，你微微地朝我笑。我们默默无语，但却心心相印。我愿在你的笑脸下，默默地伫立，伫立，伫立……哪怕在伫立中老去。

I'm looking at you affectionately and you're smiling at me. We're keeping silent but sharing the same feelings. I'm willing to stand silently under your smiling face even I'll be getting old during my standing.

Я смотрю снизу вверх на тебя с любовью, ты слегка улыбаешься мне. Мы молчим, но наши сердца говорят друг с другом. Я готов под твоей улыбкой долго-долго стоять без слов, даже если состарюсь стоя.

24. 望霞 - Looking at Morning Glow - Смотрю на зарю

你是阳光与云儿爱情的结晶。没有灿烂的阳光，哪有绚丽多彩？没有缠绵的云彩，哪有温情脉脉？但愿人间真爱，都如彩霞般色彩斑斓，哪怕只是昙花一现。

You're the fruit of the love between the sun and the cloud. Without the brilliant sunshine, where does gorgeousness come from? Without the sentimental cloud, where does great tenderness come from? If only the true love in the world is variegated as the colorful morning glow, even if it likes a flash in the pan.

Ты солнца и облака сгусток любви. Без ослепительности солнца возможна ль красота? Без преданности облака возможна ль нежность? Если бы только любовь настоящая в мире людей была бы подобна играющей краской заре! Пусть даже всего лишь на миг она расцветёт и увянет.

25. 望星 - Looking at Stars - Смотрю на звёзды

Нет никого, кто сравнил бы их с ясным солнцем. Нет никого, кто сравнил бы их с чистой луной. Нет никого, кто сравнил их с игрой облаков. Небо ночное без яркого солнца возможно. Небо ночное без лунного света возможно. Небо ночное без облаков разноцветных возможно. Но невозможно небо ночное без звёзд, небо без звёзд – это пыль и туман и тьма.

没人赞扬他们像太阳那般明亮，没人赞扬他们像月亮那般皎洁，没人赞扬他们像云彩那般多姿。但是夜空可以没有太阳，可以没有月亮，可以没有云彩，而星星却是不可或缺，因为没有星星的夜空，必定是彤云密布，阴霾满天。

No one praises that they're brilliant like the sun; no one praises that they're bright and clear like the moon; no one praises that they're graceful as the clouds. The night sky can exist without the sun, without the moon, without the colorful clouds. Yet stars cannot be wanting, because without stars the night-sky must be filled with thick clouds and haze.

Капля дождя сказала бутону цветка: «Девочка, хочешь ли плакать – плачь. Если нет слёз у тебя, я дам тебе их. Плачь, пока не выплачешь радость. Плачь, пока не станешь цветком».

26. 雨滴蓓蕾 - Rain Drop and Bud - Капля дождя и бутон цветка

雨滴对蓓蕾说：“姑娘，想哭就哭吧，没有眼泪我给你，只要你能哭得开心，只要你能哭出花来。”

A rain drop says to a bud, “Good girl, if you want to cry, just do it. If you don't have tears, I'll give you so long as you can cry joyfully and burst into flower.”

Белый пион говорит, слушает Красный пион: «Сестрица, ты так хороша! Люди хвалят твою красоту». Красный пион говорит, слушает Белый пион: «Сестрица, ты так хороша! Люди хвалят твою чистоту». Зелёный листок говорит: «Завидовать стыдно. Красота, чистота – это так благородно. Что до меня, то цвет мой иной: красной нет красоты, белой нет чистоты, а всё ж я доволен своей судьбой».

27. 白牡丹红牡丹 - White Peony and Red Peony - Белый пион, красный пион.

白牡丹对红牡丹说：“姐姐你多好，人们都称赞你美丽。”红牡丹对白牡丹说：“妹妹你多好，人们都称赞你纯洁。”绿叶说：“你们都不要互相羡慕，美丽和纯洁都很高尚。我呢，既无美丽的红色，也无纯洁的雪白，但我很知足。”

White peony says to red peony, “Sister, you're so lucky that all people praise your beauty.” Red peony says to white peony, “Sister, you're so lucky that all people praise your purity.” Green leaf says, “Don't envy each other. Both beauty and purity are noble. As for me, I've got neither the beautiful red color nor the pure white color. But I'm content with my lot.”

娇艳的蔷薇，芳香四溢，秀气可餐。我情不自禁地俯身嗅探爱抚。别碰我！哟，她真是刺头！我立即面红耳赤，羞愧难当，简直无地自容！她原来也是只可远观，不可近玩。

28. 蔷薇 - Rose - Роза

The delicate and charming rose sends forth wafts of fragrance. I couldn't help bending over to smell her and caress her. "Don't touch me!" Oh, she really is a faultfinder! With shame which I could hardly endure, I got blushing at once. I simply find no place to hide myself! It turned out that she is someone whom I could only look at from afar but could not play with near at hand.

Роза прелестна, роза изящна, вольно ж ей благоухать. Как удержаться и не склониться, чтобы понюхать и приласкать. «Не прикасайся!» «Трогать не смей!» Ах, ты колючка! Я покраснел. Я засмутился. Сгорел от стыда. Вот ведь какая – лишь издалека можно смотреть, а играть нельзя!

29. 夜莺 - Nightingale - Соловей

我坐在花丛中，为月亮哼小调。无耻！娇憨的夜莺怒火中烧，出言不逊，骂我趁她瞌睡偷她的歌。我郁闷！我发晕！

Sitting among flowers, I'm singing a song for the moon. "Shame on you!" The young and ignorant nightingale is very angry. Talking insolently, she scolds me that I've stolen her song by taking advantage of her falling into a doze. On hearing this, I feel dull and depressed! I feel muddled!

Сидел среди цветов, пел песню под луной. «Не стыдно ли тебе?!» – мне крикнул соловей. Он был ужасно злой, ругал меня за то, что песню я украл, пока он крепко спал. Стыдась, сижу в печали, качая головой.

30. 麻雀 - Sparrow - Воробей

我凭栏与明月隔空对话。住口！被我惊醒的麻雀大发雷霆之怒。他可真牛！我横遭棒喝，旋即噤若寒蝉。

Leaning on railing, I'm talking with the moon far away from each other. "Shut up!" Awakened by me, a sparrow flies into a rage. How haughty he is! Rudely scolded, I'm scared mute as a cicada in the cold.

Облокотившись о перила, веду беседу с яркою луной. «Заткнись!» – кричит мне воробей, его я разбудил. Он в ярости, он в самом деле крут и грозен, как будто учитель палкой бьёт по лбу, я тут же прикусил губу, как та цикада на морозе.

31. 旧照 - Old Photos - Старые фотографии

青春得到永驻，但只是灵魂出窍的幻影。合上的眼睛永远紧闭，心灵之窗再也无法开启。口洞大开永远不能关闭，往日的心声仍在耳边萦绕。永不离散的宴席早已乏味，有色无香只可做画饼充饥。

Youth is remained, but that is only a visionary image which spirit has already freed itself from the body. The closed eyes were tightly closed for ever; the window of the soul can no longer be opened. The mouth was widely opened and it can not be closed any longer; the former heartfelt voice is still lingering at ears. The feast which never dismisses has already become tasteless, and whatever on the table have only remained beautiful colors but no delicious tastes at all. These sorts of things can only be used to satisfy one's hunger with picture cake.

Молодость вечна, но это лишь призрачный образ души, покинувшей тело. Глаза навсегда закрыты и дверца сердца уже не откроется никогда. Рот широко открыт, его уже не закрыть, а голос прошлого всё ещё бьётся в уши. Еда на столе всё никак не кончается, но остался лишь

цвет, нет ни вкуса, ни запаха. Только и остаётся – нарисованная лепёшка, разве ею утолишь голод?

32. 眼镜 - Glasses - Очки

帮一时帮不了永久，离开它眼前依然云遮雾罩。

It can be helpful for the time being but not for ever. Without it, you would still feel dim before your eyes just like being covered by clouds and wrapped in mists.

Они помогают, но лишь на короткое время, не навсегда. Без них всё равно по-прежнему перед глазами лишь облака и туман.

33. 穿衣镜 - Dressing Mirror - Зеркало

个中之物足可乱真，只可惜都是反的。

Whatever in it can mix up truth with falsehood. But unfortunately, they are just the reverse.

Всё как в жизни, но обманка – вещи вывернуты наизнанку.

34. 显微镜 - Microscope - Микроскоп

以虚夸的手段，揭示科学的真理。

By means of exaggeration, you have revealed the truth of science.

Из мухи сделали слона. Ура! Открылась истина!

35. 哈哈镜 - Distorting Mirror - Кривое зеркало

追求完美的自我，无聊时也不妨于自我扭曲。

Seeking self-perfection, yet we might as well do something to distort ourselves when getting bored. К самосовершенствованию смело устремляйся. А как станет скучно, просто покривляйся.

36. 后视镜 - Back-glancing Mirror - Зеркало заднего вида

瞻前别忘顾后，背后的危险猛于虎。

Look ahead but don't forget to look back. The dangers back are more ferocious than tigers.

Смотри вперёд, но не забывай оглядываться назад. Там, за спиною, опасность свирепее тигра.

37. 叶儿 - Leaves - Листья

叶儿啊，你默默无闻，慷慨奉献。你的功绩，超越春夏秋冬。你无需叹息，纵使悄然无声碾作尘，依旧功高盖世应无悔。

O leaves, you are unknown to fame; you generously contribute what you have. Your meritorious deeds surmount spring, summer, autumn and winter! It is unnecessary for you to give a sigh. Even you are quietly crushed into dust, your great contributions are still unique throughout the world, for which you should not regret.

О листья! Вы остаётесь в неизвестности, но щедро делитесь со всеми. Ваш подвиг преодолевает весну и лето, осень, зиму. Вам нет нужды роптать. Ведь даже если вас растопчут в пыль, беззвучно и печально, заслуги ваши велики и несравненны, вам ни о чём не нужно сожалеть.

38. 面具 - Mask - Маска

扯下面具只能露出真容，真容有时未必代表真心。面善心狠者有之，面丑心善者亦有之。
Tearing off mask could only uncover true face. But sometimes true face unnecessarily reflects true heart. There exist either those who look kind but vicious in the heart or those who are kind in the heart but look ugly.

Срывая маску, что увидишь? Всего лишь облик истинный и только. Но облик истинный порою только маска для истинного сердца. Есть те, кто с виду добр, но сердцем злобен, есть те, кто обликом уродлив, но сердце доброе в груди.

39. 鲜花 - Fresh Flowers - Свежие цветы

鲜花蘸露尤美丽，笑脸沾泪更动人。

Fresh flowers with dew are more beautiful; smiling faces with tears are more touching.

Цветы особенно прекрасны, когда на них сверкают росы. Улыбка на лице ещё прекрасней, когда она сквозь слёзы.

40. 爱来临 - Love Comes Любовь приходит

爱来临时，不要轻易说不，如果慎重对待，说不定你会爱上他。

Do not say no lightly whenever love comes. Treat it cautiously, maybe you could love him.

Когда приходит любовь, не говори необдуманно «нет». Если примешь её осторожно, кто знает, быть может, и ты полюбишь.

41. 思念 - Missing - Грустящий

含泪的思念是真诚的，真诚的思念是苦涩的，也是甜蜜的。

Missing with tears is to be sincere. Sincerely missing is bitter but also sweet.

Грустные думы – искренни. Искренняя грусть – горька, но и сладка.

42. 忧伤 - Sorrow - Печаль

忧伤不在心中宁静，就在心中发狂。但愿忧伤不要沉渣泛起，如此便可以享受明媚的晨光了。

If sorrow is not hushed into peace in the heart, it will go mad in the heart. If only the dregs of sorrow won't come to the surface. Thus, we could enjoy the morning light in all its brightness and charm.

Печали нет в спокойном сердце, печаль в неистовстве сердечном. Хотелось бы, чтоб не всплывала, тогда и можно наслаждаться очарованием рассвета.

43. 心声 - The Voice of Heart - Голос сердца

心声不定，有爱则为美乐，无爱则为噪音。

The voice of heart is uncertain. With love, it would become beautiful music; without love, it would become noise.

Голос сердца не уверен. С любовью – прекрасная музыка, Без любви – просто белый шум.

44. 倾诉 - Revealing - Голос любви

倾诉爱的声音越轻，往往更加真诚凝重。

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

As for the voice of love revealing, the lighter it is, the more honest and sincere it usually is.

Чем слабее голос любви, тем он искренней и правдивей.

45. 匆匆过客 - Passers-by - Торопливые прохожие

我们在世界之窗前都是匆匆过客。

We are all passers-by in hast before the window of the world.

В окне мира мы все – торопливые прохожие.

46. 幽思 - Little Thoughts - Сокровенные мысли за нитью нить

幽思缕缕，宛如花气，令人陶醉；缕缕幽思，宛如朝露，令人振奋。

Little thoughts are like flower breath making us intoxicated. Little thoughts are like morning dews making us encouraged.

Сокровенные мысли за нитью нить подобно цветов аромату пьянящи. Нитью за нить сокровенные мысли подобно росе поутру освежающи.

47. 镜与影 - Mirror and Image - Зеркало и отражение

镜中之影，清晰可人，但却是虚的；镜中之影，亮丽迷人，但却是反的。

The image in mirror is clear and pleasant but it is visionary; the image in mirror is beautiful and amazing but it is reversed.

Отражение в зеркале ясно и мило, но мнимо. Отражение в зеркале ярко, красиво, но реверсивно.

48. 最差 - The Worst - Наихудшее

我无法摒弃最差，是最差来摒弃我。

I cannot discard the worst. The worst discards me.

Я не могу отвергнуть худшее, это худшее отвергает меня.

49. 肉身与灵魂 - Body and Soul - Тело и душа

肉身无论强弱，一定不能常在，灵魂不分美丑，并非都能永存。只有美到完满，丑到极致，方能在世人心中永存。

Body, whether it is strong or weak, won't be everlasting; soul, whether it is beautiful or ugly, won't be able to exist for ever. Only the beauty coming to the pinnacle and the ugliness reaching the climax can exist in the hearts of the people forever.

Тело слабо ли иль сильно, Не живёт то тело вечно. Дух прекрасен иль дебилен, Нет, не длится бесконечно. Лишь поднявшись выше неба, красота, Опустившись ниже дна, дурнота сохраняются в веках в человеческих сердцах.

50. 叶与花 - Leave and Flower - Листья и цветы

叶，只要有一丝风，就会洋洋得意，但只能发出空洞的响声；花，总是悄然无声，却能散发迷人的芳香。

Leaves, they are always cock-a-hoop so long as there is a breath of air, but they can only give out empty sound; flowers, they are always quiet, but they send forth charming fragrance all the time.

Листья всегда трепещут, стоит лишь ветру подуть, но издают только шум пустой; цветы же всегда безмолвны, но источают чарующий аромат.

51. 眼与睑 - Eyes and Eyelids - Глаза и веки

眼睑之于眼睛，犹如双唇之于牙齿。睑破眼伤，唇亡齿寒，一理也。

The eyelids belong to the eyes as the lips to the teeth. When the eyelids are broken, the eyes will be wounded, like when the lips are gone, the teeth will be exposed to the cold. These two cases are as like as two peas.

Веки для глаз, что губы для зубов. Веки разбиты – глаза повредишь, губы разбиты – зубы замёрзнут. Одно и то же.

52. 美 - Beauty - Красота

美，在大爱中净化；美，在阿谀中失真。

Beauty, it gets to be purified in love; beauty, it gets to be untrue in flattery.

Любовь красоту высветляет, а лесть затемняет.

Var.: Любовь красоту очищает, а лесть загрязняет.

Var.: Любовь красоту высветляет, а лесть искажает.

54. 爱与泪 - Love and Tears - Любовь и слёзы

和着泪的爱是最甜美的。

The love mixed with tears is the sweetest and most beautiful one.

Любовь со слезами – самая сладкая.

55. 窗前 - At the Window - У окна

我站在窗前，仰望明月。我们心照不宣：月亮知道我想飞上天空，我知道月亮想来到地上。

I stand in front of the window and look up at the bright moon. We have a tacit understanding: the moon knows I want to fly up into the sky and I know the moon wants to come down onto the ground.

Я стою у окна и гляжу на луну. Мы понимаем друг друга без слов: знает луна, как хочу я подняться в небо, знаю и я, как хочет луна опуститься к земле.

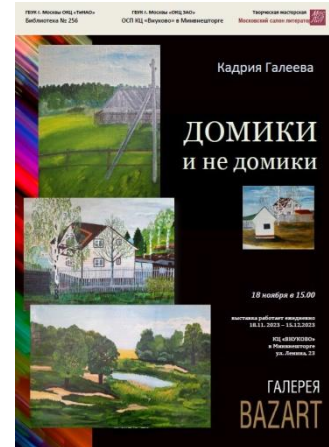

ГАЛЕРЕЯ BazART

Наши выставки. КЦ «Внуково-МВТ», ул. Ленина, 23

Светлана Куликова
(МОССАЛИТ, Москва)

О ТВОРЧЕСТВЕ КАДРИИ ГАЛЕЕВОЙ

18 ноября в «Галерее» BazART состоялось открытие выставки «ДОМИКИ и НЕ ДОМИКИ» художника Кадрии Галеевой.⁶

Есть такие художники, которых невозможно назвать ни профессионалами, ни самоучками. Их работы невозможно отнести к какому-то одному жанру и навсегда там закрепить. Просто все, что они наносят на холст, картон, ватман – чистая правда от тонко чувствующей души. Это – про Кадрию Галееву.

Я знакома с ее работами давно. Работ много (за десятилетия накопилось) и в то же время мало, могло быть больше, если бы... Если бы автору добавить тщеславия и убавить самопридирчивости. Кадрия подолгу, очень-очень подолгу добивается передачи всех тонкостей личного восприятия. Темы у нее – вечные и личные одновременно: «человек и природа», «человек в природе», «природа с человеком и без»... А вот «человека без природы» как-то не заметила. Да и бывает ли такое? Во всяком случае, не у Кадрии.

Туман (деревня Липовка)
2015. Холст, акрил. 500x600 мм
К. Галеева. Туман (деревня Липовка).
Холст, акрил. 2015

Хоть и назвали выставку «Домики и не домики», а в сюжетах нет людей, на самом-то деле все работы Кадрии о людях и природе, об их – не побоюсь этого слова – взаимной любви. Надо ли это доказывать? Не буду. Просто отключите голову, включите сердце – и вы не только домики увидите, но и почувствуете, как в них уютно и гостеприимно; почувствуете душевный восторг путника по дороге к лесу, нежные объятия неба и воды, дружелюбие берез к человеку и человека к... да ко всему существу! Талант и трудолюбие помогают художнику передать эти чувства красками, светотенью, композиционной выстроенностью... В общем, как говорится, «иди и смотри!».

⁶ Познакомиться с картинами художника вы сможете на страницах текущего номера «Московского BAZARA», а также на ютуб-канале «Моссалит BAZART» <http://www.youtube.com/watch?v=92Y7-51aETI>

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Ольга Уваркина

(МОССАЛИТ, Москва)

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Игрушки

Затешила ночь звёздный свет
втихомолку,
И тотчас ожили игрушки на ёлке.
Театр такой кто представить бы смог?
У каждой фигурки был свой голосок.

Вот первым очнулся Солдат в карауле.
За ним – две седые на вате Бабули,
Затем – Трубочист и смешная Сова,
Медведь... (Он пока шевелился едва).

Звезда наверху прозевала лениво:
«Скажите, друзья, я всё так же красива?»
«Угу», – ей Сова пробубнила в ответ,
Направив на Зайца блестящий лорнет.

Проснулись Матрёшки и Клоун-проказник.
Он очень боялся проспать этот праздник.
Тряхнув головою, задев за плечо,
Паяц уронил золотой колпачок...

Он долго порхал и запутался в хвое.
Достать его – дело совсем не простое,
Но Рыбка решила: «Задача легка.
Нам с удочкой надо позвать Рыбака».

Удил тот колпак удивительно долго
Бывалый Рыбак на рождественской ёлке.
Как только за окнами стало светать,
Все куклы на прежние сели места.

Слегка позабывшись, смеялись Хлопушки,
Шепча еле слышно друг другу на ушко:

«Ты видела?
Как же! Хорош он собой!..» –
«Петух разноцветный?» –
«Да. Просто плейбой!»

Но вскоре, утихнув, уснув, засопели
Живые игрушки – болтушки на ели...

Колыбельная

Месяц выгнул свой бочок,
Лёг в кроватку ночи,
Светит тихо и – молчок.
Ты же спать не хочешь...

Спи, усни, крадётся сон
С книжкой подмышкой.
Славный добрый Угомон,
Успокой малышку!

Сто историй расскажи
О чудесных странах,
Где и белки, и ежи
Спать ложатся рано...

Даже крупному зверью:
Львам гиппопотамам –
Колыбельные поют
Их большие мамы...

Паровозик Ту-ту

Гудки вдаль невидимый ветер уносит,
А искры блестят на лету...
По небу бежит золотой паровозик,
Поёт паровозик: «Ту-ту!»...

Жара на земле или зимы морозят,
Он вечно с волнением в пути.
Навстречу мечте озорной паровозик
С надеждой и верой летит.

Пыхтит, отдуваясь, стоянок не просит,
Колесики в такт – стук да стук...
По рельсам незримым спешит паровозик,
По-детски наивный Ту-ту,

Сквозь тучи и дождь, через мгlistые дали,
Однажды поверив в мечту.

Надеюсь, что вы в своей жизни видали
Смешной паровозик Ту-ту?..
И сметанки с молочком».

Про любовь

Ах, какая ж красивая лапочка –
Моя Зайка! Как сердцу мила!
Кто-то бросил бедняжку на лавочке
В непогоду... А я подняла,

Просушила, погладила платьице,
Починила у Зайки бельё.
Если этот наряд не понравится,
Мы ей с бабушкой новый сошьём.

Ты такая же будешь прелестница:
Носик – пуговка, ушки вразлёт.
Глазки чёрные радостью светятся.
Пусть хоть дождиков тыща прольёт,

Никому не отдам тебя, милая,
И отнять не посмеет никто
Никаким уговором, ни силою,
Ни стихами, как тётя Барто!

Малыш и Котик

– «Котя, скоро будет праздник.
Ёлка в доме, Новый год,
Всем подарки будут»...
– «Разве?» –
Удивился Васька кот.

– «В дом гостей мы пригласили -
Негде яблоку упасть.
Ох, напляшешься, Василий,
Намурлыкаешься всласть!

Я танцору – музыканту
(Прямо с ёлки, не хитрю)
Золотую рыбку с бантом
Непреренно подарю».

– «Не сочти меня невежей, –
Пискнул Вася голосом, –
Мне бы лучше рыбки свежей

Слониха-мечтательница

Жила где-то... в Конго чудная Слониха.
Жила одиноко, жила себе тихо,
Мечтала и рифмы ловила с небес.
Ещё называли Слониху портнихой:
(Игрушки она мастерила так лихо!)
Имела к шитью и стихам интерес.

Однажды мечтала Слониха под пальмой.
Ей грезился берег таинственный, дальний...
Но в грёзы ворвался моральный Удод.
Он крикнул ей в ухо: «Жара аномальна!
Есть климат получше», – добавив нахально,
-
И страны, где снег, а ещё – Новый год!

Там редко бывает, как в Африке, жарко,
А в праздник январский, холодный, но
яркий,
Который весь год с нетерпением ждут,
Все дарят друг другу улыбки, подарки.
А ты тут в отстое живёшь, как дикарка.
Слетай-ка туда, но... надень парашют».

«Ах значит, гастроли! В душе я – актриса!» –
Смеётся Слониха... Оформила визу,
Решила лететь не куда-то бог весть –
В Россию, нашив немудрёных сюрпризов:
Баул разных кукол из шёлка и флиса,
И вот прилетела... И вот она здесь!

Под Рождество

Темно и тихо. Разодета,
В парадном зале дремлет ель.
Преддверье Рождества. Все дети
Легли, уставшие, в постель.

Им снятся книжные герои:
Принцесса, смелый Аладдин...
На самом деле, я не скрою,
Сюжет волшебный впереди.

Ведь золотой не найден ключик –
Спит на часах смешной Свечок.
На ветке маленький Щелкунчик
Ждёт лунной полночи ещё.

Уснули на прищепках Гномы,
Бубня под нос свои стишки,
Но сказка поселилась в доме
И чудеса её близки...

Вот-вот луна в окошко глянет
И, чары развевая в прах,
Под светом заиграет глянец
На куклах, бусах и шарах,

И запоют на ели птицы,
И протрубит Щелкунчик сбор,
И чудо чудное случится,
Что не случилось до сих пор!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Анатолий Хребтюгов (Антосыч)
(г. Любим)

ЗАГАДКИ

1.
Печь сначала протопили
И горнило ей закрыли
Железякой этой тонкой,
Называемой...
2.
Не кладём мы в эти ниши
Щепки, хворост или чурки,
Но для варёжек нелишни
Эти тёплые...
3.
На подставке деревянной
Печь стоит ровнее, крепче,
И она – ничуть не странно –
Называется...
4.
Печь протоплена с утра,
А на улице нежарко,
Мы назяблись и пора
Нам погреться на...
5.
Дым густой и даже искры
В эту нишу мчатся быстро.
Это место над шестком
Называется...
6.
Мы дрова сюда кладём,
Для огня горнило – дом,
Потолок в нём – это свод,
А внизу не пол, а...
7.
Загорелись дрова дружно,
Дым пошёл довольно густо.
Из горнила он наружу
Переходит через...
8.
Перед устьем есть шесток,
А с боков есть ниши-детки.
Кто назвать бы нам их смог?
Ну конечно же ...
9.
Задымилось помещенье,
И не капельку, а лишку.
Это наше упущенье,
Надо выдвинуть...
10.
Всякий это может видеть –
Дым печной с такой судьбой:
Из печи он точно выйдет
И завьётся над...
11.
Без хвоста и пяточка,
Но имея тихий норов,
Чуть повыше потолка
Развалился грузный...
12.
Самовар наш пышет жаром,
Скоро мы попьём чайку!
А труба от самовара
Дым отводит к...

13.

Нашей доброй русской печке
Очень-очень повезло –
Лик – как будто человеческий:
Есть и щёки, и...

Ответы вразбивку: задвижку, хайлом, чело, трубой, заслонкой, душнику, под, загнетки, боров, печурки, лежанке, опечьем, устье.

Загадки с анаграммами на зимне-новогоднюю тему:

1.

Очень нравится МОРОЗУ
Обходить леса дозором,
Чтобы каждую берёзу
Наряжать лепным...

2.

Дед Мороз не ВЕЛИКАН,
Но совсем не маленький,
Носит он как, дед Иван,
Пребольшие...

3.

Вот пришла пора ЗИМЕ,
Белой, снежной кутерьме,
Но всю зиму спать умеют
Мишки, ёжики и...

4.

На Снегурке шубка модна,
И легка, и ВСЕПОГОДНА –
От морозов, и от градов,
И от сильных...

5.

Вчера на ёлочку АРИШКА
Повесила фонарики,
Цыплёнка, белку, шишку, мишку
И два красивых...

6.

Пляшут весело у ёлки
Зайцы, мишки, белки, волки,
А у маленького МАКСА
На лице смешная...

7.

Веселились целым днём
Мы в азарте ОЗОРНОМ
И домой вернулись поздно,
А ведь было так...

8.

В наряде Дед Мороз мужском –
Совсем немаленьком, не детском,
В тулупе красном, со СНЕЖКОМ,
А дочь его в наряде...

9.

Зима стоит белым-БЕЛА,
Давно такой мы не видали,
А у детей сейчас дела –
Они заботятся о...

10.

Видел чудо в декабре я –
У Валеры и АНДРЕЯ
И у Леры, и у Нади
Ёлки в праздничном...

Ответы вразбивку: шарика, женском, морозно, наряде, бале, маска, снегопадов, змеи, узором, валенки.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Юлия Пучкова (Юлия Джейкоб)
(МОССАЛИТ, Москва)

СТИХИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Поля и Толя

По полю вприпрыжку, подмышкою книжка,
В соломенной шляпе шла девочка Поля.
За ней наблюдая, траву поедая,
Стоял среди поля рогатый бык Толя.

День выдался яркий, день выдался
жаркий –
Июльское солнце нещадно светило.
Вдруг девочка Поля увидела Толю,
Нахмурила лоб и на месте застыла.

«Ты, видно, упрямый! Ослушался маму! –
Быку прокричала сердитая Поля, –
Да разве же можно так неосторожно
Без шляпы в жару оставаться на поле?!»

Тут девочка Поля направилась к Толе
И шляпу ему на рога насадила.
«Макушку от зноя я книжкой прикрою», –
Быку на прощанье она сообщила.

С макушкой под книжкой, по полю
вприпрыжку
Домой побежала довольная Поля,
А в шляпе с рогами большими кругами
Гулял еще долго по полю бык Толя.

Однако мы все же в пример вам не можем
Поставить поступок заботливой Поли,
Поскольку нечасто вам выпадет счастье
Быка столь спокойного встретить, как Толя.

Борина Мечта

Путешествовал мальчик Боря
По стране, где мечты растут.
Там на ярком цветочном поле
Посадил он свою мечту.

Он лелеял ее и холил,
И росла она с каждым днем,
Но однажды на чудо-поле
Налетел Ураган с дождем.

И мечта потянулась к Боре
И прильнула к его ногам.
Он ее заслонил собою,
И растроган был Ураган.

Потому что, увы, не часто
За его Ураганий век
Он видал, чтобы так сражался
За мечту свою человек.

И унял он ветра, а ливню
Не велел прибывать траву,
И глядел Ураган счастливый,
Как не в сказке, а наяву

Сел на корточки мальчик Боря
Возле мокрой своей мечты
И с заботою и любовью
Стал разглаживать ей листы,

А потом, подавив рыдания,
Взял в ладони ее бутон,
И под жарким его дыханьем,
Отогревшись, раскрылся он.

Три желанья

Темной ночью на падучую звезду
Лизавета загадала три желанья,
А звезда с небес мигнула на прощанье
И упала в Лизаветином саду.

С подоконника нырнув в заснувший сад,
Лизавета побежала через грядки,
Чтоб узнать, что со звездой все в порядке,
Что не кончился бедою звездопад.

И нашла ее среди розовых кустов.
Словно в городе вечерняя подсветка,
Гостя с неба серебрила мягко ветки,
Шелковистость лепестков и гладь листов.

Лизавета растерялась, замерла
От такого чудодейства неземного,
Но как только получилось думать снова,
В голове ее идея родилась:

«Надо звездочку на крышу отнести
И оттуда в небо бросить, что есть силы,
Чтобы ей силенок собственных хватило
Долететь хотя б до Млечного Пути».

Лизавета забралась обратно в дом,
Ухватила сковородку, что побольше,
Пару варежек, не стала мешкать дольше –
И в обратный путь отправилась тайком.

Подняла звезду за жаркие бока,
Положила, будто блин, на сковородку.
Тут заметила на теле гостыи кроткой
Много маленьких и три больших замка.

А на трех больших сверкало: «Лизавета»,
«Я, н-наверно, поняла, что значит это», –
Запинаясь, вслух промолвила она. –
Ты прости меня, падучая звезда.

На замочках разглядела имена,
Все желанья назад я забираю.
Подрасту, сама исполнить постараюсь,
И не будет никому от них вреда».

Лишь промолвила, замков простыл и след;
В тот же миг звезда взлетела, как ракета,
Прочертила в небе имя Ли-за-ве-та,
И шепнули звезды, видевшие это:

«Пусть побольше будет в мире Лизавет».

Боровик

Кружили мы по лесу уже часа четыре,
Да только все без толку – грибов простыл и след.
Решили напоследок мы разбрестись пошире –
Уж так грибного супа хотелось на обед!

За кружевом из веток увидел я поляну,
А в центре небывалых размеров боровик,
И, верите, на шляпке отплясывали рьяно
Всамделишные эльфы из дедушкиных книг.

На листьях по соседству сидели музыканты,
Дудели важно в дудки и били в барабан,
А девочки-эльфийки вдруг встали на пуанты
И плавно закружили по куполу гриба.

Все хлопали в ладоши и тоненько смеялись,
И я совсем забылся и хлопнул невпопад,
Исчезли тут же эльфы и музыку забрали,
Лишь в воздухе остался волшебный аромат.

Я вышел из укрытья и дивный гриб потрогал,
И пальцем пробежался по вмятинкам от ног.
Вдруг слышу: из-за сосен кричит мой друг
Сергея,
Что надо возвращаться, что дома ждут давно.

Мы вышли на дорогу, что вдаль петляла к
дому,
С корзинками пустыми, с досадою в глазах.
И все же про поляну и чудо-гриб огромный
Моим друзьям ни слова я так и не сказал.

Синий лес

Это было не место чудес,
Не земное пристанище сказки,
Просто кончились нужные краски
И остался некрашеный лес.

Он растекся бесцветным пятном,
Его птица и зверь сторонились,
И бесцветные ветви клонились
В глубочайшем поклоне земном.

Небеса в оголтелую стынь
Пожалели бесцветного брата
И, спустившись на лес в час заката,
Окунули в небесную синь.

Синий цвет для пернатых родной –
Вскоре лес от их трелей проснулся,
А за птицами зверь потянулся
Заселять синий остров лесной.

Только люди сюда отродясь
Не ходили, ведь всяк с детства знает –
Синим лес никогда не бывает,
И торопятся мимо, крестясь.

И теперь это место чудес
И земное пристанище сказки –
Здесь живут и растут без опаски
Под защитой синих небес.

Сладкоежка

Говорят, я родилась сладкоежкой большой:
 Если рядом шоколад, я усядусь хорошо,
 Отломлю себе кусок и за щеку положу,
 Позабуду обо всем и довольная сижу.

Кроме сладкого не ем я почти что ничего.
 Говорят, что сахар – вред, что толстеют от него.
 Растолстею я сама, растолстеет и живот,
 И тогда в него конфет больше прежнего войдет!

Говорят, что без зубов я останусь. Вот беда!
 Все равно я чистить их не любила никогда.
 Папа с мамой от меня часто прячут шоколад.
 Я-то знаю, что они по ночам его едят.

Как учителю не удалось разбить вдребезги мою детскую мечту (Из воспоминаний второклассника)

Наш учитель в понедельник
 Попросил нас рассказать,
 Только коротко и дельно,
 Кем бы мы хотели стать.

Друг Егор сказал – банкиром:
 Обожает он считать.
 А Никита – ювелиром,
 Брату старшему под стать.

Оля менеджером станет,
 Ведь на них стоит земля.
 Королевой станет Таня,
 Если встретит короля.

Слово дали Лизавете,
 Дальше Стасу, а потом

Я поднялся и ответил,
 Что мечтаю стать котом.

Буду есть одну сметану,
 Пить из миски молоко.

И валяться на диване
 Я полдня смогу легко.

И легко за ухом пяткой,
 Если надо, почешу,
 Мне помогут в том зарядка
 И занятия ушу.

Тут прищурился учитель
 И на класс взглянул хитро:
 «Что же, раз вы все молчите,
 Я задам ему вопрос.

А поймать сумеешь мышку?
 А от счастья заурчать?
 Ведь без этого мальчишке
 Никогда котом не стать!»

Тут мне стало очень больно,
 И, притопнув каблуком,
 Я сказал ему: «Прикольно,
 Значит, стану хомяком!»

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Мария Сидлер
(МОССАЛИТ, Москва)

КАК ДОМОВОЙ ЯШКА В БУДАПЕШТ ЕЗДИЛ

Ах, как я люблю путешествовать!

Но заботы и дела не позволяют надолго отлучаться из дома. То нужно хозяйке помочь – запутать хозяйкиной дочке волосы, чтобы они потом обе замучились, расчесывая. То нужно с котом хозяйским поиграть, чтобы он пару горшков с цветами в угаре снес с подоконника и огреб от хозяйки по первое число. То молоко слишком свежее, то пол слишком чистый. А то вообще безобразия творятся в доме – гости приходят! Так я пока все шнурки им в прихожей завяжу в узлы, пальто перепутаю, шапки попрячу, весь день и проходит. Кручусь как белка в колесе, ни присесть, ни выдохнуть.

А тут получил я письмо от венгерской моей троюродной тетки Бабаки Пири, в котором приглашает меня к себе встречать Новый год. В Будапешт то есть. И я подумал: «Яша, а почему бы тебе и не поехать?» Тем более что мои-то хозяева тоже решили на праздники в Красную поляну рвануть. Я, конечно, мог бы с ними за компанию. Мы, домовые, вполне можем с хозяевами путешествовать. В чемодане очень удобно! И вещи хозяйские потом отдельно мять и пачкать не нужно.

Но чего я в той Поляне не видел? В прошлом году тоже ездили среди зимы. Я так старательно хозяевам помогал отдыхать, что хозяин в гипсе вернулся. Так что в этом раз пусть уж сами как-нибудь справляются. А я – всё, баста! Сколько можно батрачить? Беру отпуск – и точка!

Аккурат 31 декабря с попутным ветром прислала Бабака Пири мне личный транспорт – дракона Шаркани. Для меня одного целого дракона! Во как племянника любит! Поеду с вип-комфортом. Жаль, в России такого транспорта нет! Это тебе не в чемодане лететь. Скучно, темно. А тут – дракон!

Взгромоздился я, значит, на животину летучую, узелок с гостинцами приладил поудобнее, за шею уцепился – и полетели! Летим над полями, горами, долами, городами, деревнями, реками, озерами... Долго, в общем! Я замерз! Узелок так и норовит упасть – чешуя у дракона скользкая. Я сам еле держусь, руки-ноги затекли. Ветер в ушах свистит. В облаках сыро становится, аж зуб на зуб не попадает. Он, зверь такой, еще и крыльями машет, сквозняк дополнительный создает. Чувствую, что заболею! Нет, все-таки дракон – это не мой вид транспорта! Ну кое-как долетели мы до Будапешта.

Сразу видно, что город с историей – везде дворцы, памятники, фонтаны, хоть и не работают они зимой, но все равно красиво! Облетел Шаркани все это великолепие, полюбовался я на крыши покатые, да и опустился он у дома старинного, с вензелями, с дверью массивной – явно старинный богатый род живет. Бабака Пири меня уже встречала на крыльце, аж пританцовывала от радости в стоптанных остроносых башмаках. И одета модно – в побитое

молью пальто, голову седую в кокетливую шляпку нарядила. Европейская нечисть, одним словом! Не то что я, в лаптях приехал. Ну, ладно, не в лаптях. Хозяйского сына новые кроссовки стащил.

– Ах, Яшка, шельмец, навестил-таки свою троюродную тетку! – радостно приговаривала тем временем Бабака Пири, принимая гостиницы – маринованные мухоморы и засахаренных дождевых червей.

Проскочили мы в дверную щель, и Бабака все мне показала в доме. И ванную с такими старыми ржавыми трубами, что в них гудеть всю ночь – одно удовольствие. И кухню с такой огромной чугунной плитой, что на нее хозяйку дома так и хочется посадить. И комнаты, по которым гуляет постоянный сквозняк, – хлопай дверями, роняй вазы, швыряй с полок книги – все на него спишут! Не жизнь, а сказка для домовых духов. Я ж говорю, в этих европах нечисть уважают. Не то что дома – мои хозяева хоть бы раз ночью затряслись от страха, когда я чашку на кухне роняю. Спят, как сурки. А утром еще и говорят, что она «на счастье» разбилась.

Познакомила меня Пири и с хозяевами своими. Экая скучная семейная пара! Я хозяину подножку поставил и дверь по лбу дал, а он лишь куда-то в пустоту извинился. По-ихнему. Мне Бабака перевела, что он сказал: «Уж я эту нечисть скоро выгоню!»

Хозяйка местная так и вообще душка. Только крестилась на все наше усердие. Она как раз на кухне обосновалась, хотела к празднованию Нового года еду приготовить.

Как ни старались мы с Бабакой Пири помешать хозяйке (устроили ей два ожога пальцев и три раза она уронила чугунную сковороду себе на ногу), но она все-таки приготовила угощение. Главное венгерское блюдо в новогоднюю ночь – ленче фьюзелек. Чечевица с копчеными сосисками, если по-простому. Ну это прямо не очень-то на мой вкус праздничное блюдо. Наш «оливье» повкуснее будет. Вот сладкое – другое дело. Улучил момент и укусил с краю ретеш – рулет с вишней. Вкуснота! Похоже на бабушкины пирожки.

К вечеру начали прибывать гости. Я Бабаку спросил:

– Как развлекаться будем? Одежду испачкаем гостям?

Бабака Пири захихикала:

– Как это мелко, Яшка! Не просто так я тебя в гости позвала. Хочу большую пакость сделать, и мне помощь нужна.

– О! Это здорово!

– Ты заметил, что все гости пришли с дудками, свистульками и рожками?

– Э-э-э, да.

– Так вот. Нужно всем свисткам замазать отверстия, чтобы никто не смог ни звука издать!

– А это весело будет?

– Очень! Потому что мы нарушим традицию!

– А я тебе зачем? Ты разве каждый год так не делаешь?

– Нет, я этих дудок очень боюсь! – призналась Бабака.

Я придумал набить все свистки той самой чечевицей. Вот смеху будет, когда она во все стороны полетит! Бабака Пири одобрила план, и пока она плевала в еду на столе, я тихонько засыпал главное праздничное блюдо во все дудки и рожки.

И вот наступил праздник. Хозяева с гостями сожгли Соломенного Дджека – чучело, которое сначала носили по всей улице, чтобы он собрал в себя все несчастья уходящего года. Мне было немного жаль беднягу. Но Бабака сказала, что он ненастоящий, и я успокоился.

Наконец уселись за стол. Гости удивлялись, что еда имеет странный прогорклый вкус, а хозяйка дома, смущенная и бледная, оправдывалась, что на кухне точно нечистая сила завелась и сегодня готовить было трудно. В доказательство она показала перебинтованные руки и ногу. А потом...

Часы начали бить полночь. И гости, и хозяева схватились за свистульки. Как только пробил двенадцатый удар, все принялись неистово дуть – кто в свисток, кто в рожок, кто в дудку. Музыкальные инструменты хрипели, но звуков не издавали. На пол сыпалась коричневая чечевица. Я и Бабака Пири ликовали. Это же так весело – смотреть, как людишки надувают щеки совершенно напрасно. Но тут за окном послышалось гудение клаксона. Еще одного и еще. Кто-то из гостей подбежал к окну и распахнул его настежь. И в комнату вместе с морозным воздухом ворвался многоголосый шум множества свистков, дудок, клаксонов и даже флейты.

Бабака Пири сжалась в комок от страха, закрыла уши сморщенными ладонями. Даже, кажется, стала уменьшаться в размерах. Я недоумевал:

– Бабака Пири, чего ты боишься? Наша шалость удалась! Смотри, как они тужатся, но не могут выдать ни звука! Праздник испорчен!

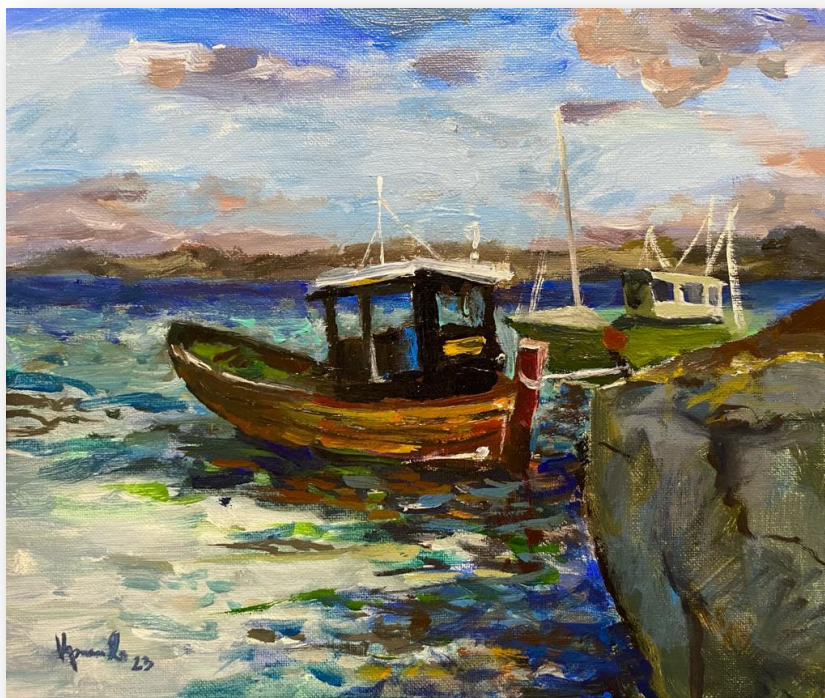
Бабака сдавленно прошептала:

– Но остальные-то дудят по-прежнему! Изгоняют нечисть из дома. И так каждый год! У меня голова раскалывается!

А тут наши хозяева и гости прочистили свои свистки и дудки и присоединились к общей какофонии. У меня заложило уши, и захотелось очутиться где-нибудь подальше.

Бабака Пири ойкнула и исчезла. Только побитое молью пальто осталось лежать грустным воспоминанием о вредной старухе.

Я понял, что пора уносить ноги. По-быстрому собрал свой узелок и рванул по гремящим на все лады улицам в аэропорт – обратно в Москву доберусь обычным транспортом, в чем-нибудь чемодане, ну их, этих драконов! И вообще, впредь буду дома Новый год отмечать, у нас никто так шумно нечисть не изгоняет. Хозяйка моя, наоборот, изредка молока мне в блюдце наливает, задабривает. А в Венгрии этой ну никакого уважения добропорядочным домашним духам!

Максим Крюков. Лодочный причал. Холст, темпера. 2023

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Ольга Драгунова

(Москва)

Журналист, литератор, сценарист. Окончила факультет журналистики МГУ. Работала на Центральном телевидении («Первый канал»), в «Останкино» была редактором Центра изучения общественного мнения.

Работала также в легендарной Редакции молодежных программ. В 1997 году стала ведущим редактором журнала-телегида «Антенна», с 2007 года заведовала отделом телевидения в журнале «ТВ Парк», после закрытия журнала перешла на телеканал «ТВ Центр» в отдел по работе со СМИ. Автор сценариев телешоу и телепрограмм для нескольких каналов. Пишет стихи, которые уже публиковались в журнале «Московский BAZAR».

ГДЕ ЭТА УЛИЦА, ГДЕ ЭТОТ ДОМ?

Зачастую дома и улицы, «снявшиеся» в фильмах, запоминаются зрителям наравне с героями кинокартин. Сегодня, накануне Нового года, мы поговорим о том, какие московские локации облюбовали режиссеры для съемок культовых новогодних комедий.

«Каждый год 31 декабря мы с друзьями...»

«...Ходим в баню!» – без промедления продолжит каждый телезритель эту фразу Жени Лукашина, главного героя фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или С легким паром!».

В баню в этот день ходят, конечно, не все. Но все (ну, или почти все) смотрят этот главный новогодний фильм, который остается таковым с 1 января 1976 года – именно тогда состоялась его премьера на ТВ. Кстати, Сандуновских бань, с которых и началась вся история, в фильме нет. Банные декорации были сооружены на «Мосфильме», а из Сандунов доставлены только пальмы в кадках.

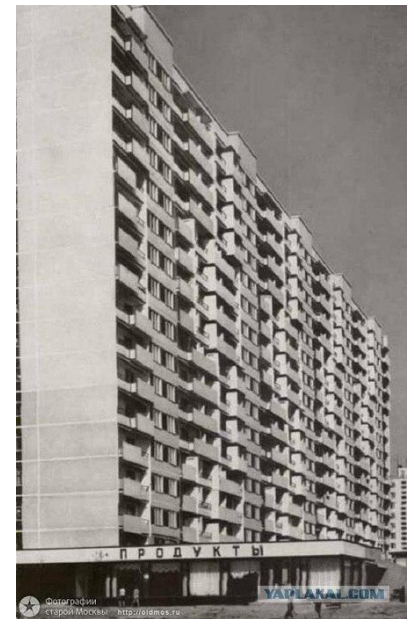

Кадр из кинофильма «Ирония судьбы...». Баня

Три дома на Вернадского.

Те самые дома на проспекте Вернадского. На первом плане – дом Жени Лукашина. Вдали – дом Нади Шевелевой

Дом Нади (с магазином)

3-я улица Строителей, 25 – таков адрес Жени Лукашина и Нади Шевелевой. Только вот он живет в Москве, она – в Ленинграде, который к тому времени еще не вернул себе исторического имени Санкт-Петербург. Так вот, в городе на Неве такой улицы никогда не было. В Москве таковая существовала, но в 1963 году, задолго до съемок «Иронии...», была переименована в улицу Марии Ульяновой. Находится она на Юго-Западе столицы и проходит от Ленинского проспекта до проспекта Вернадского. И именно на этом проспекте снимали дома, где жили Женя и Надя, ему достался дом 125 по проспекту Вернадского, ей – 113-й.

И если в фильме они мотались между Москвой и Ленинградом на самолете и поезде, то на съемках, чтобы обняться, им надо преодолеть каких-то 700 метров!

В начале фильма идет мультипликационный ролик, высмеивающий типовую застройку: и здания как близнецы, и планировка квартир одна и та же, даже ключи от квартир в разных городах одинаковые! Однако с домами на Вернадского создатели комедии попали пальцем в небо. Здания – не типовые, а экспериментальные, построенные в начале 70-х годов. Их всего три в Москве! Это 16-этажные «панельки» на 5 подъездов. В стеклянных пристройках располагались магазины, в которых члены съемочной группы зачастую грелись во время натуральных съемок. Ведь квартиры героев снимались в построенных на «Мосфильме» декорациях.

Если в 70-годы в новых домах на Вернадского в подъездах были застекленные двери, панорамные окна и красивые светильники на улице при входе, то сейчас двери – глухие, панорамные окна заложены кирпичом, красивых ламп след простыл. Почему? Стекла – били хулиганы, светильники – свинчивали предприимчивые граждане.

Памятная доска

А в Ленинграде снимали только аэропорт Пулково, прогулку Нади по городу и метания на машине Ипполита.

Да что там светильники! Кто-то стащил и памятную доску, установленную на подъезде Жени Лукашина, в виде портфеля с венником

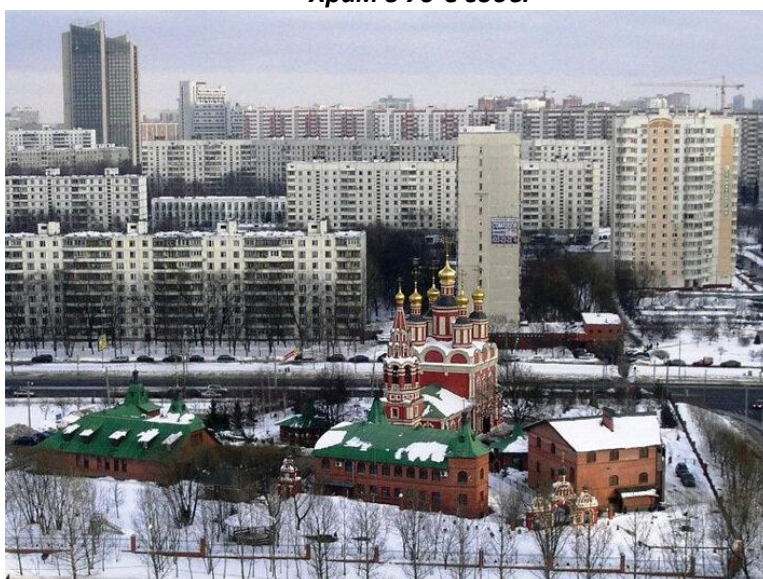
На то она и памятная, чтобы унести ее на память! А вот табличка с надписью «Здесь жила Надя Шевелева» на доме № 113 сохранилась.

Храм в 70-е годы

С крыльца подъезда Жени Лукашина виден храм Архангела Михаила в селе Тропарево, построенный в 1693 году.

Во время съемок село еще существовало, сейчас оно осталось только в названии района Тропарево-Никулино. А храм – обложен со всех сторон современными домами.

Храм сейчас

Он был закрыт в 1939 году, ограда уничтожена, внутреннее убранство разорено. В 60-е годы церковь служила даже складом декораций «Мосфильма». Жители неоднократно просили об открытии церкви, но на самом верху посчитали, что «увеличение числа действующих храмов нецелесообразно». Вернули храм РПЦ только в 1989 году. Правда, в 70-е годы храм реставрировали снаружи, поэтому в фильме он не выглядит совсем уж заброшенным...

Ярмарка на Шверника

Облюбовав Юго-Запад столицы для съемок, съемочная группа и новогодний базар нашла там же, правда, а другом районе – Академическом. На этой ярмарке на улице Шверника Павел (Александр Ширвиндт) покупает у Снегурочки шампанское.

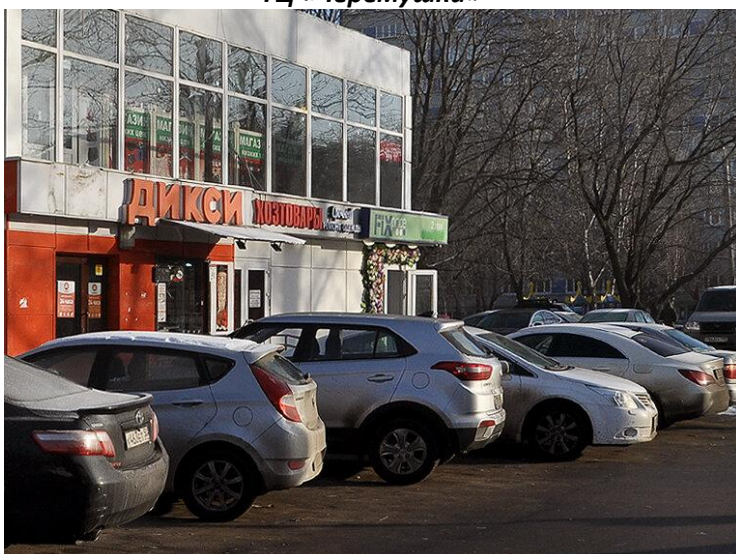
Интересно, что с 1958 года и больше десятка лет эта улица именовалась улицей Телевидения. Именно здесь планировали построить телецентр. Но, возведя его в Останкине, переименовать улицу спохватились не сразу, и в 1971 году присвоили ей имя политического деятеля Николая Шверника, почившего за год до этого.

ТЦ «Черемушки»

Рядом с новогодней ярмаркой находился торговый центр «Черемушки», который пользовался огромной популярностью у жителей. Это был единственный ТЦ в районе – все остальные магазины назывались супермаркетами или просто продмагами.

Сейчас в этом доме совсем другие заведения.

Бывшее здание ТЦ «Черемушки» сейчас

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

На улице Шверника находится и ДАС – Дом аспиранта и стажера, который можно увидеть в сцене покупки Павлом шампанского – вдвали, аккуратно за кокошником Снегурочки. И именно под коллонадой ДАСа, соединяющей два корпуса, брел Женя Лукашин, возвращаясь из Ленинграда домой в грусти и печали от разлуки с Надей.

Что из себя представляет Дом аспиранта и стажера?

Здание строилось 6 лет (с 1965 по 1971) и замышлялось как экспериментальный дом нового быта.

Новый быт предполагал общие кухни, спортзалы, предприятия бытового обслуживания – словом, все, что могло освободить строителей коммунизма от ненужных хозяйственных забот и позволить развиваться и совершенствоваться. Но идея не нашла одобрения у самих молодых строителей коммунизма, архитектор Натан Остерман скончался до завершения своего утопического проекта, и здание было передано МГУ, чтобы разгрузить общежитие в главном здании университета. Среди обитателей ДАСа были и мои однокурсники по факультету журналистики МГУ.

Они и рассказывали, что после того, как фильм вышел на телеэкраны, а недотепа Лукашин стал всеобщим любимцем, одна из студенток прилепила на панорамное окно под этой колоннадой-галереей картонку с надписью: «Здесь гулял Женя Лукашин!» На следующий день на этой табличке появилась приписка: «Надо меньше пить!!!» Кто-то не поверил, не узнав дом родной ДАС в фильме. Но фразу-то Жени вспомнил! Эту мантру твердил Лукашин, прыгая около подъезда Нади в Ленинграде, – то есть на проспекте Вернадского в Москве...

Женя у ДАС

Дом аспиранта и стажера

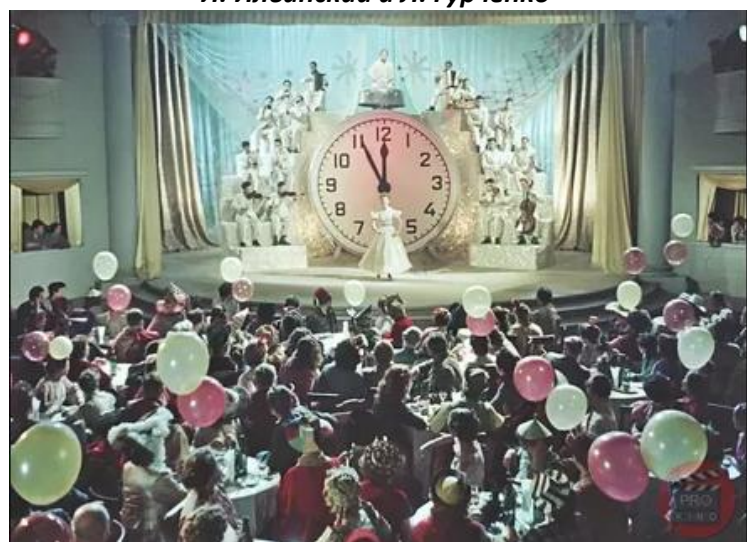

Женя и Надя

«Коллектив большой, народ квалифицированный...»

**Кадр из кинофильма «Карнавальная ночь».
И. Ильинский и Л. Гурченко**

Кадр из малого зала Театра Российской армии

Малый зал театра

«...работа проделана большая, у меня лично сомнений нет, это дело так не пойдет!»

Вспомнили? Если нет, напомним: это один из перлов бюрократа Огурцова в исполнении гениального Игоря Ильинского – из комедии «Карнавальная ночь». Она стала первым новогодним фильмом Эльдара Рязанова. Да что там – вообще его первым самостоятельным фильмом. До этого он работал как сорежиссер. Дело, вопреки мнению Огурцова, пошло, хотя худсовет назвал фильм «жуткой пошлостью». Но картина стала лидером советского кинопроката 1956 года – ее посмотрело около 49 миллионов человек. И до сих пор зрители смотрят и любят этот новогодний концерт-кино, эту историю о том, как молодые работники районного дома культуры борются с новым директором Огурцовым, который пытается испортить и засушить придуманную ими программу праздничного вечера.

Почти все сцены фильма снимали в Театре Советской армии – на площади Коммуны в Мещанском районе столицы. Кому-то незнакома такая площадь? Поздравляю – значит, вы молоды! Ибо площадь стала Суворовской в 1992 году, а театр соответственно – Театром Российской армии.

Для съемок задействовали фойе театра и малый зал, из партера которого вынесли ряды кресел и установили столики. Как это выглядело в кино и на самом деле?

В фойе снимали новогодний бал и некоторые концертные номера. Некоторые изыски театрального интерьера пришлось маскировать, ибо он поражал воображение и никак не мог принадлежать районному заведению культуры: фрески на стенах и потолке, мраморные парадные лестницы, украшенные живописными панно, изготовленные по спецзаказам мебель, плафоны, люстры...

Кадр из фойе театра

Фойе театра

На внутреннее убранство власть не поскупилась, так же как и на само здание театра. Труппа 10 лет мыкалась без своей сцены, и только в 1940 году открылся театр, построенный по проекту Каро Алабяна и Василия Симбирцева – в виде огромной пятиконечной звезды.

Фойе театра

Театр Российской армии

Дворец на Яузе. Кадр из фильма

Дворец на Яузе сейчас

Само помпезное здание театра в кадр не попало – по той же причине, по которой пришлось маскировать роскошные «внутренности» театра: ну не мог районный Дом культуры обосноваться в таком сооружении! Да и очень узнаваема была эта «звезда». Поэтому сбор гостей на новогодний вечер в фильме состоялся у «Дворца на Яузе».

«Дворец на Яузе» находится на площади Журавлева, 1 – вблизи набережной Яузы, в районе Преображенское, недалеко – метро «Электрозаводская».

История здания очень впечатляет. «Дворцом на Яузе» оно стало именоваться только с 2008 года. А построено было в 1903 году по проекту архитектора Иллариона Иванова-Шица и называлось Введенским народным домом по имени Введенского храма, расположенного поблизости и снесенного в 1929 году. И площадь до этого года была Введенской, а затем получила имя Ивана Журавлева – революционера, большевика, участника Гражданской войны.

Народных домов тогда строилось много – для просвещения широких масс. Не удивляйтесь, что здание 1903 года совершенно непохоже на современное. В 1947 году оно было перестроено в стиле сталинского ампира.

Вернемся к началу XX века. Просвещать широкие массы в Введенском народном доме взялся Алексей Бахрушин — знаменитый меценат, основатель театрального музея. Он создал в народном доме театр, пользовавшийся огромной славой. После революции здание переходило из рук в руки, а с 1947 по 1959 годы во Дворце обосновался Театр им. Моссовета. Станцию «Электровзаводская» даже в шутку называли «Электровзаводской» – в честь главного режиссера театра Юрия Завадского. А с 1959 года будущий «Дворец на Яузе» был известен как «Телевизионный театр» – здесь снимали первые выпуски «КВН», «Голубые огоньки». Во многих источниках есть информация, что Телетеатр съехал с площади Журавлева в конце 60-х, после открытия телецентра на ул. Королева.

Но это не так. Я работала в Останкине с 1979 года, и все 80-е Телетеатр на «Журавлевке» был излюбленным местом съемок программ литературно-драматической редакции Центрального телевидения. На эти постановки мы, сотрудники других редакций, непременно хотели попасть – и попадали всеми правдами и неправдами. А члены съемочных групп – операторы, звукорежиссеры, осветители – зачастую завершали вечер в компании трубадуров. Так называли скульптурную группу на фронте здания.

Пароль к продолжению вечера звучал так: «Ну что, трубы зовут?». И далее следовало небольшое возлияние в сквере рядышком....

Сейчас «Дворец на Яузе» – театрально-концертный зал. И знаете, что самое удивительное? Что в конце декабря 2023 года здесь пройдет... «Карнавальная ночь»! Нет, не фильм, а концерт с песнями из самых известных новогодних картин. Но обещают, что декорации будут напоминать те самые, районного Дома культуры. Вот так. Имея огромный культурный бэкграунд, «Дворец на Яузе» гордится тем, что именно он снялся в фильме Эльдара Рязанова!

Введенский народный дом. 1903 год

Трубадуры

*Кадр из кинофильма «Чародеи».
А. Фарада*

*Кадр из кинофильма «Чародеи».
А. Абдулов и А. Яковлева*

«Ну кто так строит, а? Кто так строит?»

А вот этот вопль души узнают наверняка многие. Ну конечно – Семен Фарада, «Чародеи»!

Эта новогодняя комедия режиссера Константина Бромберга по сценарию братьев Стругацких вышла на телеэкраны 31 декабря 1982 года. И стала настоящим хитом! Каждый год в новогодние праздники мы следим за историей любви Вани Пухова и Алены Саниной (Александр Абдулов и Александра Яковлева).

И снова и снова попадаем в НУИНУ – Научный универсальный институт необыкновенных услуг, который к Новому году должен разработать волшебную палочку. В повести Стругацких «Понедельник начинается в субботу» институт называется НИИЧАВО. В сценарии не только институт стал другим, но вообще от повести мало что осталось. Получилась совсем другая история, но от этого не менее замечательная. Написано о ней много, а уж на блужданиях Гостя с юга (так обозначена роль Семена Фарады в фильме) по коридорам НУИНУ оттоптались все авторы публикаций. Но многие из них утверждают, что заблудился герой Фарады в здании телецентра на улице Академика Королева, 12. На самом деле бедолага заплутал в новом здании телецентра, расположенном практически напротив и имеющем адрес: улица Академика Королева, 19.

Оно было построено к московской Олимпиаде 1980 года и поначалу называлось ОТРК (Олимпийский телерадиокомплекс). Впоследствии буквы поменяли и здание стало называться АСК-3 (Аппаратно-студийный комплекс-3). АСК-1 – здание старого телецентра на Королева, АСК-2 – телецентр на Шаболовке. Именно в ОТРК снимались многие интерьерные сцены «Чародеев». Фразы Фарады «Ну кто так строит?» в сценарии не было, но, поплутав по лабиринтам коридоров, актер выдал ее от души и так эмоционально, что режиссер оставил ее в фильме. И понять Гостя с юга можно – пожалуй, нет ни одного сотрудника телевидения, который не заблудился хотя бы пару раз в хитросплетениях коридоров ОТРК. Первым делом туда

Телецентр ОТРК

Лестница в 8 пролетов, украшенная мозаикой.

переехала из телецентра напротив редакция спортивных программ центрального телевидения.

Как-то я стала свидетелем очень гневной (и состоящей в основном из малоцензурных слов) тирады спортивного комментатора Владимира Маслаченко, который не мог найти свой кабинет. Завершая свое эмоциональное выступление, он вывернул из-за очередного коридорного поворота прямо на меня, опешил и извинился. Всегда сдержанный, элегантный Владимир Никитович очень переживал, что его крик души могла услышать девушка... Да и сама эта девушка (то есть я) стала жертвой планировки ОТРК. Незадолго до открытия Олимпиады для комсомольцев Центрального телевидения устроили субботник в ОТРК. Надо было разнести по комнатам цветы, помыть и расставить стаканы и бутылки с водой. Нам с подругой выпало мыть стаканы. Взяв коробку с посудой, я отправилась мыть бокалы в туалет, который с трудом нашла. А вот обратно я добиралась почти час, нарезаая круги и зигзаги по коридорам, пока нашла исходную комнату, ведь мобильников еще не было... Поэтому все телевизионщики в фильме «Чародеи» особенно любят эти сцены мучений Гостя с юга в ОТРК!

Но путаная планировка – это еще не все прелести ОТРК. Строили комплекс в такой спешке, что он оказался повернут к улице Академика Королева, извините, задом. А передний фасад уткнулся в сквер с забором. Правда, от входа с улицы Королева вверх вела тоже неплохая лестница.

Но, когда режиссер Бромберг однажды сам заблудился в ОТРК, он обнаружил в якобы задней части здания мраморную (!) лестницу в восемь пролетов, украшенную мозаикой и смальтой.

На вопрос режиссера: «Это что за дорого-богато?» ему ответили весьма невразумительно, а выход из здания на парадную лестницу закрыли большим мозаичным панно. Чтобы вопросов не возникало.

В этом же здании снимался кабинет директора НУИНУ Шемаханской (Екатерина Васильева) – в зале для переговоров ради съемок переставили мебель.

Эпизоды в фойе НУИНУ снимали во Дворце культуры ЗИЛа, расположенном на улице Восточная, д. 4, недалеко от метро «Автозаводская».

Дворец культуры ЗИЛ

Гостиница «Союз»

Дворец был построен в 30-е годы по проекту братьев Весниных для сотрудников завода имени Сталина – так тогда назывался ЗИЛ. Здание состояло из нескольких объединенных корпусов и занимало 23 тысячи квадратных метров! Оно сильно пострадало во время войны от бомбежек, пережило несколько реконструкций, во время последней, в 70-е годы, дворец украсили мраморные лестницы и полы, огромные люстры – все это великолепие можно увидеть в «Чародеях». Красиво обитали сотрудники НУИНУ!

Сейчас дворец именуется Культурным центром ЗИЛа, в нем проходят спектакли, концерты, лекции.

С интерьерами НУИНУ мы разобрались – за исключением тех, что снимались в Суздале. А что с экстерьером? Фасад института доверили изобразить гостинице «Союз», которая была построена к Олимпиаде для иностранных гостей в районе Ховрино, на улице Левобережной.

Здание подходило для обитания магов и волшебников потому, что выполнено было в архитектурном стиле, небывалом для Москвы того времени, – стиле метаболизма. Такое впечатление, что дом состоит из отдельных модулей различной формы. А уж когда посредством комбинированных съемок на него напялили двускатную крышу от туристического комплекса в Суздале, то получилась и вовсе песня.

Сейчас на месте гостиницы «Союз» также размещается отель – Satelinn Moscow Khovrino. Время Союза прошло...

Ну, пора из душных интерьеров на природу! Тройка белых лошадей под песню «Три белых коня» лихо неслась по Битцевскому лесу.

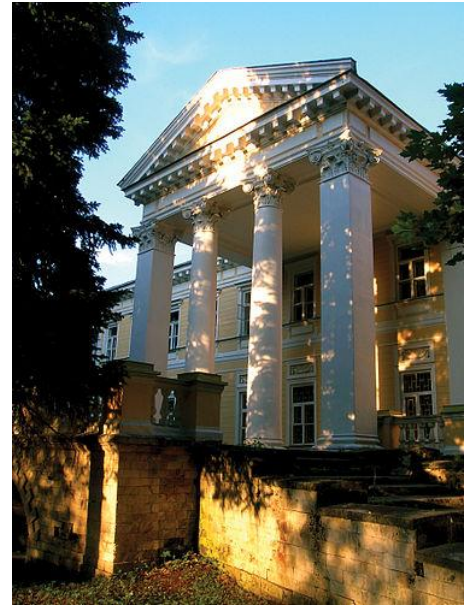
Площадь этого огромного лесопарка больше двух тысяч гектаров! Относится лесопарк к району Ясенево. Это и лес, и музей – здесь с XII века сохранились курганы-захоронения вятичей, древние капища. А с XVII века – три усадьбы с интереснейшей историей.

Усадьба Узкое изначально принадлежала боярам Стрешневым, затем ее владельцами были князья Голицыны, Толстые, князья Трубецкие.

Усадьбой Ясенево владели бояре Лопухины, удостоенные позже княжеского титула, Гагарины, а затем Бутурлины.

Кадр из кинофильма. Бицевский лес

Усадьба Узкое

В усадьбе Знаменское-Садки прошла свадьба родителей Льва Толстого, здесь жил поэт Петр Вяземский, многие деятели российской культуры – историк Михаил Погодин, известный издатель Михаил Катков. Сейчас в здании обосновался ВНИИ охраны природы. Очень логично – ведь Бицевский лес является особо охраняемой природной зоной. Надеемся, он в надежных руках!

К Олимпиаде в Бицевском лесу открыли конноспортивный комплекс «Битца». Оттуда и позаимствовали за небольшое вознаграждение трех белых лошадок для фильма.

Объяснение Алены (Александра Яковлева) и Сатанеева (Валентин Гафт) тоже случилось на природе – в Ботаническом саду.

Самый большой в Европе, сад был основан в 1945 году, и первым его директором стал Николай Цицин – биолог, селекционер, академик АН СССР. Его имя и носит Ботанический сад, граничащий с ВДНХ и Останкинским парком. В «Ботике», как зовут его телевизионщики, огромное количество растений со всего мира! Вот и Аленушка чего-то там явно нанюхалась, превратившись в ведьму... Хорошо, что только на время – ведь не только и не столько магия творит чудеса. Их творит любовь! Так давайте верить в чудеса – хотя бы в Новый год!

*Кадр из кинофильма «Чародеи».
В. Гафт и А. Яковлева*

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

Анна Народицкая

(МОССАЛИТ, Москва)

НЕВОЗМОЖНОЕ – ВОЗМОЖНО⁷

Детективно-мистическая комедия в четырех сценах

Квартира ЭММЫ.

Справа стоит чайный стол, стулья, слева небольшой диван.

В глубине сцены – вешалка и кухонный стол.

На задней стен сцены – изображение окна с видом на город.

Свет выключен.

СЦЕНА 1

Звучит танго.

Свет зажигается.

В квартиру весело входят три подруги – ЭММА, ЛЁЛЯ И СОНЯ.

Эмма зажигает торшер.

Музыка звучит тише.

Девушки смеются, продолжая обсуждать события прошедшего вечера.

ЭММА. Девочки, проходите, устраивайтесь.

ЛЁЛЯ. Спасибо, дорогая, я как раз очень хочу заземлиться. *(Идет к дивану, но Соня подхватывает ее и предлагает еще потанцевать.)*

ЛЁЛЯ. Сонечка, положи меня на место, у меня ножки болят. *(Садится.)* О! Как мне хорошо!

СОНЯ. А я никак не могу натанцеваться! *(Пританцовывает.)* Ах, как удачно, Покровская, что ты рядом с этим клубом живешь, как там... «Эль Танго»! Я так люблю танго! Правда, не умею, но танцую с удовольствием! Ах, какой вечер! *(Садится.)*

Музыка постепенно затихает.

ЛЁЛЯ. Слушайте, даже не верится, что тридцать лет прошло! Какая дата!

СОНЯ. Да-а, звучит впечатляюще! Тридцать лет дружбы, каково, а?!

ЭММА. Кто будет чай? Или кофе?

⁷ Премьера спектакля «Невозможное – возможно» театра-студии «VazART» состоялась в апреле 2023 года на сцене КЦ «Внуково-МВТ», ул. Ленина, 23.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

ЛЁЛЯ. Ты ума сошла, какой кофе на ночь глядя!

СОНЯ. Ой, Рыбкина, какая ты правильная! А я буду чай, зеленый есть?

Эмма кивает и идет вглубь сцены за чаем и чашками.

ЛЁЛЯ. Прости, Эммочка, я ненадолго, только дух переведу и буду вызывать такси.

СОНЯ. Прекрасно, я с тобой поеду, нам по пути. Выскочу у метро.

ЛЁЛЯ. Нет проблем. Просто завтра у меня сеанс с самого утра.

СОНЯ. С психами?

ЛЁЛЯ. Они не психи!

ЭММА *(подходит с чашками к столу. Обращается к ЛЁЛЕ).* Что у тебя за сеанс такой в субботу?! Лёлька, у психологов вообще есть выходные?

Ставит на стол чашки, вазу с конфетами.

Подруги пьют чай.

ЛЁЛЯ. Во-первых, не Лёлька, а Ольга Юрьевна! *(Подруги реагируют иронично.)* Знаете, какие пациенты приходят? *(Изображает важность пациентов.)* Меня уважают, между прочим. Во-вторых, завтра срочный сеанс. Такой случай, я, наверное, скоро сама тронусь умом. Вчера пришла пара, молодые, тридцать с хвостиком. Жена просто спать перестала, супруг совсем сбрендил, у него расстройство личности. То олигархом себя чувствует, то начальником Чукотки, а то бомжем прикидывается, уже месяц такой кошмар! Бедная жена, она его любит, но так измучилась! Ну так вот, а на днях он белочку поймал!

СОНЯ. Он что, алкоголик?

ЛЁЛЯ. Да нет! Они в своем доме живут, за городом. Вот белка в окно и заскочила, голодная, наверное. Так он за ней по дому носился, на шкурки пустить, охотником себя вообразил. Жена, само собой, за ним! Белку спасать.

ЭММА. Несчастное животное! И что?

СОНЯ. Ужас!

ЛЁЛЯ. Ну что, белка убежала, а мужа теперь лечим. Завтра придет на сеанс. Ой, хватит о работе. Софа, ты мне скажи, ты почему такая непоследовательная? Сначала усиленно кокетничала, а потом взяла и отпугнула такого прекрасного мужчину?

СОНЯ *(делает вид, что не понимает).* О чем ты?

ЛЁЛЯ. Ну, тот симпатичный, он же познакомиться хотел. А ты так выступила, прямо не знаю... Сказала бы просто: «Софья Рошаль, приятно познакомиться». И звучит хорошо... красиво.

ЭММА. Я тоже вот этого не понимаю, зачем такой пафос?

СОНЯ *(ЭММЕ).* Ой, кто бы говорил?! Пармская фиалка!

ЭММА. Ну это же псевдоним! Это необходимо! Я ведь не только переводами занимаюсь, я еще стихи пишу, верлибры...

СОНЯ *(иронично).* Мы знаем! И я тоже пишу, картины! А что я такого сказала, Лёль? «Софи Роше – гениальный художник!»

ЭММА *(со смехом).* Нахалка!

СОНЯ. Да, а что, разве не звучит? Звучит! И, по-моему, с юмором. Подумаешь, «отпугнула!» Если он такой пугливый, зачем он нужен? Мямля!

ЛЁЛЯ *(посмотрев на часы).* Так, девоньки мои, надо закругляться. Время, время!

ЭММА. А я хотела вам новые стихи почитать, вчера на кафедре задержалась, и вот сочинила. *(Начинает читать.)*

Листья шуршат в забытом саду,
Словно мысли в моей голове...

СОНЯ (*прерывает*). Эммусечка, я тебя умоляю, не сейчас! Я тебя люблю, но нам ехать пора.

ЭММА. И так всегда! Сонь, вот ты куда спешишь? У тебя же нет сеанса завтра. Или у тебя свидание уже какое-то?

СОНЯ. Сегодня нет... (*Хлопает себя по губам, она проговорилась.*)

Подруги смотрят на нее с подозрением.

ЭММА. Ах вот как! Весь вечер болтали обо всем на свете, а самое главное пропустили! Смотри, Лёль, она покраснела! Ну-ка рассказывай, у тебя новый поклонник?

СОНЯ. Ну... да. Не хотела говорить раньше времени. Девочки, мы же с вами целый месяц не виделись, а по телефону такое не рассказывают. Да и вообще, у нас так все необычно...

ЭММА и **ЛЁЛЯ** (*вместе*). Подробности!

СОНЯ. Ну хорошо, слушайте!

СОНЯ выходит на авансцену.

Монолог СОНИ звучит на фоне тихой музыки.

СОНЯ. Я ехала в галерею. Войдя в вагон метро, заметила очень приятного мужчину, обратившего внимание не только на меня, но и на картину, которую я везла. Он с интересом разглядывал мою работу. Мне это очень понравилось! Мы познакомились, разговорились и обменялись номерами телефонов. Ну а дальше начались свидания, кино и кафе. Его зовут Николай, он тренер, мастер спорта, но поверьте, он тонкий человек и ценит красоту. Мы много беседуем, он такой интересный и с чувством юмора. К тому же от него исходит такая спокойная сила и надежность! Ох, девочки, я покорена!

Звучит танго.

На сцену выходит мужчина. Это НИКОЛАЙ.

Он одет в спортивную куртку и джинсы. На лице темные очки.

По внешнему виду – это сильный и уверенный в себе мужчина.

Они танцуют танго.

НИКОЛАЙ крепко удерживает СОНЮ в танцевальных движениях.

СОНЯ танцует мягко, обволакивая, как бы соблазняя партнера.

Музыка затихает.

НИКОЛАЙ уходит.

СОНЯ возвращается к подругам, останавливается посередине сцены.

ЭММА. Ничего себе! Какие тут у нас оказывается тайны мадридского двора! (*Ехидно.*) А ведь могла так и не сказать подругам, если бы случайно не проговорилась.

СОНЯ. Ну ладно тебе, я же рассказала. Просто у нас еще все так лирично, вздохи, взгляды, волнение...

ЛЁЛЯ (*профессиональным тоном, подруги в это время недоуменно смотрят на нее*). Ну естественно! Первая фаза отношений – *влюбленность*, или конфетно-букетный период, длится в течение года. Вторая фаза – *пресыщение*, начинается, когда отношения переходят в этап...

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

СОНЯ. Лёля, ты не работе! Очнись!

ЭММА. Действительно, Лёль, чего тебя понесло в психоанализ? У нас тут такие события.

*ЛЁЛЯ машет рукой и показывает своим видом
некое замешательство, замолкает, задумывается...
ЭММА встает, подходит к СОНЕ, обнимает ее.*

ЭММА. Ой, я очень рада за тебя, моя дорогая! Теперь у тебя новая жизнь?

СОНЯ. Да, уж это точно! (Пафосно.) Мое сердце разделено на две половинки!

СОНЯ и ЭММА (обнимаются, смеются, вместе). Прощай, прощай, свобода! Правда, Лёль? Лёль!

*ЛЁЛЯ молчит, задумывается и немного улыбается, мечтательно глядя в пространство.
ЭММА и СОНЯ переглядываются.
ЛЁЛЯ спохватывается и смущенно говорит.*

ЛЁЛЯ. Да я вот думаю, а так ли уж нужна эта свобода?

СОНЯ. Это ты о чем?

ЭММА. Да, ты о чем?

ЛЁЛЯ. Да просто... Ну ладно, я тоже признаюсь, и у меня роман!

ЭММА и СОНЯ (вместе). И у тебя?

ЛЁЛЯ (усмехаясь). А что, нельзя?

ЭММА. Можно!

СОНЯ. Нужно!

ЭММА и СОНЯ (вместе). Рассказывай!

*ЛЁЛЯ выходит на авансцену.
Монолог ЛЁЛИ звучит на фоне тихой музыки.*

ЛЁЛЯ. Гуляя в парке, я присела с книгой на скамейку. Там, знаете ли, так хорошо читается. Только я погрузилась в мир Довлатова, слышу: писк неподалеку. Словно плачет кто. Ну конечно, я пошла искать. А там мужчина на корточках, ну, думаю, вот и маньяк! Позвонила в полицию. Приехали. Оказалось, не маньяк, ветеринар. Он там котенка несчастного спасал, того собаки покусали, вот он в кустах и плакал. Так банально мы и познакомились. И уже несколько раз встречались. Егор такой чуткий, добрый, а ухаживает так старомодно. Но мне это нравится. И могу признаться, я счастлива!

Звучит танго.

На сцену выходит мужчина. Это ЕГОР.

На ЕГОРЕ строгий красивый пиджак, элегантные очки.

По виду это воспитанный, умный и скромный мужчина.

ЕГОР и ЛЁЛЯ танцуют танго.

Они танцуют не сближаясь, с уважением друг к другу, немного старомодно.

Музыка затихает.

ЕГОР уходит.

ЛЁЛЯ возвращается к подругам.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

ЭММА.

О женщина, услада из услад
И злейшее из порождений ада,
Мужчине ты и радость, и награда,
Ты боль его и смертоносный яд...

СОНЯ. Эмма, не сейчас! Опять твои стихи!

ЭММА. Мои?! Я сейчас упаду в обморок! Это Лопе де Вега!

СОНЯ. Все равно не сейчас!

ЛЁЛЯ. Девочки, не ссорьтесь.

ЭММА. Все нормально.

СОНЯ. Лёля, какие ссоры в такой день! Мало того, что мы тридцатилетие наше отпраздновали, так еще у нас с тобой почти одновременно появились кавалеры! Совпадение? Не думаю!

ЭММА (*поджав губы, ехидно*). Да уж... Прямо скажем.

СОНЯ. Ну все, Покровская, осталось тебя пристроить.

ЭММА. Не надо меня пристраивать, я вам что, щенок бездомный? (*Нервно стряхивает с колен невидимые крошки.*)

ЛЁЛЯ. Соф, ты посмотри на нее! Видишь, ручонками засучила, она тоже что-то скрывает! Поверь психологу.

СОНЯ. Да-да-да! Покровская, ты что там задумала? Ну-ка, признавайся! У тебя что, тоже кто-то появился? Да ладно!

ЭММА (*притворно вздохнув и улыбнувшись*). Ой, ну какие вы приставучие!

ЭММА выходит на авансцену.

Монолог ЭММЫ звучит на фоне тихой музыки.

ЭММА. Я собиралась на работу. И уже немного опаздывая на лекцию по португальскому диалекту, я обнаружила, что сломался дверной замок. Я оказалась буквально в ловушке! Боже мой! Я думала, что упаду в обморок! Но, совладав с собой, я позвонила в службу «Муж на час». В глазок я увидела очень симпатичного мастера. Вскрывая дверь, он красивым баритоном успокаивал меня. И когда дверь открылась, передо мной предстал рыцарь – не на коне, но с дрелью в руках. Правда, мне показалось, что это был меч. И когда мой спаситель вызволил меня из моей темницы, то я упала – нет, не в обморок, к нему в объятия! В общем, я влюблена!

Звучит танго.

На сцену выходит мужчина. Это ВАСИЛИЙ.

ВАСИЛИЙ одет просто и аккуратно. На нем джинсы и клетчатая рубашка.

Он производит впечатление надежного и сильного защитника.

ВАСИЛИЙ и ЭММА танцуют танго.

*Василий подхватывает ЭММУ и ведет ее в танце,
не давая упасть в сложные моменты.*

Музыка затихает.

ВАСИЛИЙ уходит.

ЭММА возвращается к подругам.

СОНЯ. Девочки, Лёленька, Эммусечка, как же хорошо! Получается, мы все одновременно познакомились с кавалерами. Эмка, а как зовут твоего спасителя?

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

ЭММА. У него такое звучное имя – Василий!

СОНЯ. А есть фото?

ЭММА (*роется в телефоне*). Сейчас... Странно, почему-то нет, были вроде. А у вас есть фотографии ваших кавалеров?

СОНЯ и ЛЁЛЯ тоже уткнулись в гаджеты.

СОНЯ. Ну вот, но тут только его плечо и кусочек уха. Правда странно... Может я плохой фотограф? А у тебя Лёль?

ЛЁЛЯ. И у меня чудеса, я же видела вчера фото... Может, обновление какое было и все удалилось?

ЭММА. Нет, это какой-то сбой программы... а какой он, твой Егор?

ЛЁЛЯ. Ну как вам его описать? Даже не знаю. Могу точно сказать, что Егор, безусловно, не абьюзер, умеет слушать собеседника, обладает развитой эмпатией. Ясный ум и быстрая реакция. Одним словом, общаться с ним – одно удовольствие!

СОНЯ (*смеется*). Ну, Рыбкина, психологический портрет у тебя получился что надо! Могу даже диагноз поставить. Тебе! Потому что ты совсем зарепортовалась со своими психами.

ЛЁЛЯ. Они не психи! Сама попробуй опиши своего!

СОНЯ. Пожалуйста! Я могу! Николай – он такой высокий, волосы немного пепельные с охрой, глаза цвета ультрамарин с белилами, фигура в духе греческой скульптуры, и вообще, у него такой образ... ренессанс!

ЭММА. Нет, это как-то очень абстрактно...

СОНЯ. Я художник, я так вижу!

ЭММА. Вот я вам так расскажу про Василия. Он интересный и мужественный, и он такой мастер! Девочки он все умеет! А еще он такой притягательный, мой Василий, такие голубые глаза...

СОНЯ. И что?

ЛЁЛЯ. У многих голубые глаза.

ЭММА. Ой, (*Смеется*.) у него такая особенность смешная, он всегда приходит с чемоданчиком. Чудной такой чемоданчик. Черный, с наклейками...

ЛЁЛЯ. Чемодан черный?

ЭММА. Черный.

СОНЯ. В наклейках?

ЭММА. В наклейках.

СОНЯ. Да ладно... да нет...

ЭММА. Я спрашивала, Василий, зачем тебе чемодан? А он говорит, в любой момент могут вызвать, а так инструмент при себе и не надо за ним домой заезжать.

ЛЁЛЯ. Не может быть...

ЭММА. Да в чем дело-то?

ЛЁЛЯ. У Егора черный чемоданчик.

СОНЯ. У Николая с наклейками...

Подруги застывают от страшной догадки.

ЛЁЛЯ прикладывает руку к сердцу, СОНЯ закрывает рот руками.

ЭММА (*трагическим голосом, начиная догадываться*). Я сейчас упаду в обморок!

СОНЯ. Не упадешь, ты сидишь.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

ЛЁЛЯ. Эммочка, возьми себя в руки! Девочки, может, мы рано делаем выводы?

СОНЯ. Что рано? Три одинаковых чемодана с голубыми глазами?

ЛЁЛЯ. Нет, три чемодана – это слишком.

СОНЯ (*вскакивает*). Вот негодяй! Нет, ну каков! Это что же, один и тот же мужик?!

ЭММА (*в ужасе*). Нет! Это какая-то ошибка.

СОНЯ (*возмущенно*). Аферист!

ЭММА (*с долей симпатии*). Мерзавец, Казанова...

ЛЁЛЯ (*как врач, по-деловому*). Альфонс.

СОНЯ. Нет, ну почему альфонс? Он платил... но все равно противно!

ЛЁЛЯ. Так... давайте успокоимся, нам надо выяснить, что происходит.

СОНЯ. Надо! А как?

ЭММА. Я не знаю...

ЛЁЛЯ. И я пока не знаю.

Небольшая пауза, все в задумчивости.

СОНЯ (*решительно*). Я знаю! Лёль, у вас с Егором, когда следующее свидание?

ЛЁЛЯ. У нас? Он предложил в субботу сходить в дельфинарий.

СОНЯ. Так, понятно, а мы с Николаем в будущее воскресенье идем на открытие выставки. Эмма?

ЭММА (*помявшись*). Что – Эмма? У нас завтра встреча... Я не понимаю, какое это имеет значение? Что нам теперь делать-то?

СОНЯ. Так... Ты завтра зови его домой на чай или еще на что хочешь. А мы тут спрячемся! И все выясним.

ЛЁЛЯ. А что, это мысль...

ЭММА (*вскакивает*). Соня, ты с ума сошла! Нет, это какая-то авантюра! Вот встретитесь на следующей неделе и спросите каждая. Бред какой-то...

ЛЁЛЯ (*с отчаянием*). Я до субботы не доживу!

СОНЯ (*умоляюще*). Эммочка, чего тянуть?

ЭММА. Это как-то неудобно, он вообще у меня ни разу не был. Я не смогу, я в обморок упаду.

СОНЯ. Не упадешь! Давай, подруга ты или нет?

ЛЁЛЯ. Правда, Эмка, соглашайся, все станет сразу ясно.

ЭММА. Ну хорошо, допустим, чисто гипотетически, это один и тот же человек. Допустим, все подтвердится. И что? Дальше-то что делать? Чаи распивать?

СОНЯ. Телефон на что? Мы тебе напишем из укрытия, и ты его выгонишь.

ЭММА. А если не он? Тогда как?

ЛЁЛЯ. Тогда мы разыграем все как глупую шутку, что-то вроде знакомства с подругами.

ЭММА. Нет, я не смогу

ЛЁЛЯ и **СОНЯ** (*вместе*). Сможешь!

ЭММА. Ладно, будь что будет, я дам вам ключи, и поступайте как знаете. А мы с Василием придем в семь. Авантюристки!

*Подруги прощаются и уходят.
ЭММА закрывает за ними дверь.*

Звучит танго.

Во время музыки ЭММА убирает со стола чашки, гасит лампы, верхний свет.

Уходит.

На сцене и в зале темно.

На экране видеоряд (ночь, рассвет, день, вечер, окно).

СЦЕНА 2

Снова квартира ЭММЫ.

Свет выключен.

Звучит танго.

Во время музыки появляются ЛЁЛЯ и СОНЯ, крадучись входят в квартиру и зажигают свет.

Они ищут место для засады: это комическая пантомима под музыку.

Перебрав варианты засады, заговорщицы прячутся.

Музыка затихает.

Тишина на 1-2 сек.

Раздается громкий звук ключа, открывающего дверь.

Звучит танго.

В квартиру входят ЭММА и ВАСИЛИЙ. ЭММА нарядная, ВАСИЛИЙ с чемоданчиком.

ЭММА проходит вглубь сцены,

вешает косынку и сумочку на вешалку, зажигает торшер.

В это время ВАСИЛИЙ осматривается, присаживается к столу,

ставит чемодан на колени, потом под стол.

В это время СОНЯ и ЛЁЛЯ отчаянно подглядывают, стараясь не выдать себя.

Василий уже заметил прячущихся подруг, но не подает виду, что знает об их присутствии.

Увидев, что поклонник ЭММЫ действительно тот же человек, с которым встречались

девушки, они посылают ЭММЕ отчаянные сообщения.

На экране появляются изображения чата ватсапа.

ЭММА сидит на краешке дивана, про сообщения совершенно забыла

и мило переглядывается с ВАСИЛИЕМ.

ЛЁЛЯ и СОНЯ в засаде кипят от негодования. Это выглядит комично.

Заканчивается видеоряд сообщений, и музыка затихает.

СОНЯ не выдерживает и из-за дивана толкает (с некоторыми сложностями) ЭММУ в спину.

ЭММА, спохватившись, открывает телефон и читает сообщения,

она расстроена и рассержена.

ЭММА (встает с дивана и, борясь с негодованием, обращается к мужчине, пытаясь сохранить лицо). Ты должен сейчас уйти...

ВАСИЛИЙ. Что-то не так?

ЭММА. Нет, просто... тебе нужно уйти... извини.

ВАСИЛИЙ (не понимает, в чем дело). Мне уйти?

ЭММА. Да...

ВАСИЛИЙ (встает, делает пару шагов назад). Ну я пошел?

ЭММА. Да...

ВАСИЛИЙ. Ты меня проводишь?

ЭММА. Да!

ЭММА встает и с мрачным видом провожает ВАСИЛИЯ.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

ВАСИЛИЙ. Я позвоню?

ЭММА. Угу.

ВАСИЛИЙ делает шаг назад и скрывается за дверью.

ЭММА закрывает за ним дверь.

Подруги выползают из укрытия и набрасываются на подругу за то, что та увлеклась и не следила за сообщениями.

Они посылают проклятия на голову обманщику.

ЭММА. Я сейчас упаду в обморок!

СОНЯ. Опять она! Не упадешь!

ЛЁЛЯ. Эммочка присядь, давайте все обсудим, девочки! Надо успокоиться. У тебя нет пустырника?

ЭММА сначала кивает утвердительно, затем отрицательно мотает головой.

СОНЯ. Жаль, пустырник не помешал бы.

ЛЁЛЯ. Я знаю такой типаж. Это психическое отклонение, его не волнуют чувства людей, ему нужны победы, количество, понимаете? Звездочки на фюзеляже!

ЭММА. Какие звездочки?! Лёля, что с тобой? Нет. У нас с Василием все по-другому!

СОНЯ. Ну конечно! У нас все через ж... одно место, а у вас по-другому!

ЭММА. Да!

ЛЁЛЯ. Эммочка, у тебя шок и неприятие. Пойми, это не только наши парни обманщики, твой такой же. Это один и тот же человек!

ЭММА почти готова заплакать.

ЛЁЛЯ (в сторону). Нет, я в шоке!

СОНЯ. Я тоже в шоке, но вы понимаете, что это значит?

ЭММА. Что у нас нервный срыв.

СОНЯ. Да я не об этом! Это значит, что кроме нас, возможно, есть еще жертвы подлого обмана! Сколько их? Мы не можем это так оставить!

ЛЁЛЯ. Как же я сама не додумалась? Сонечка, ты умница!

ЭММА (саркастически, она все еще не может принять печальную правду). Прекрасно! И что дальше?

СОНЯ. Что-что? Надо принимать меры!

ЭММА (иронично и испуганно). Опять твои идеи? Что на этот раз?

СОНЯ (не обращает на нее внимания). Лёлька, у нас же впереди по свиданию!

ЛЁЛЯ. Я не пойду!

СОНЯ. Пойдешь! И я пойду.

ЭММА. А я?

СОНЯ. А ты, малахольная, сиди дома. А мы после свидания за ним проследим! Куда пойдет, где живет и, может быть, с кем встречается. И тогда уже можно решать, куда об этом сообщать.

ЭММА. Ну не в ЦРУ же?

ЛЁЛЯ. Так, давайте сначала все выясним, а через неделю встретимся здесь и примем решение. Я вызываю такси.

ЭММА (кивая, вздыхает). Да, конечно, тогда до воскресенья.

*Подруги прощаются и уходят.
 ЭММА замирает в центре сцены, гасит торшер,
 но затем тоже уходит.
 Свет гаснет.*

СЦЕНА 3

*В зале и на сцене темно. Шум города, сигналы машин, голоса людей.
 Звучит танго.*

*На экране видеоряд (кадры слежки, женщины, подглядывающие через дырку в газете,
 выглядывающие из-за угла, крадущиеся и т. д.).*

Видеоряд заканчивается.

Свет зажигается.

*На сцене появляется СОНЯ. Она одета во все черное,
 на лице солнечные очки, на голове бейсболка. СОНЯ крадется, преследуя объект слежки.
 Из боковой двери в зал входит мужчина. Это НИКОЛАЙ, (ЕГОР, ВАСИЛИЙ). СОНЯ делает
 несколько кругов, двигаясь перед первым рядом партера и перемещаясь между рядами.*

Затем уходит в боковую дверь.

*Ее сменяет ЛЁЛЯ, она одета как шпион, на голове кепка в клетку, как у сыщика, на лице
 темные очки. ЛЁЛЯ входит в зал с газетой, закрывающей лицо. В газете дырки для
 наблюдения. Мужчина не замечает слежки. ЛЁЛЯ делает маневры между рядами, наблюдая
 за мужчиной. Постепенно все уходят.*

Музыка затихает.

Свет гаснет.

СЦЕНА 4

Свет зажигается.

Квартира ЭММЫ, на экране окно с видом на вечерний город.

Звучит танго.

Во время музыки ЭММА слоняется по комнате в ожидании подруг.

Она напряжена и нервничает.

Раздается звонок в дверь, ЭММА открывает дверь.

Это СОНЯ и ЛЁЛЯ.

Музыка затихает.

ЭММА. Ну наконец-то вы явились! Я уже тут просто в обмороке!

СОНЯ. Покровская, я умираю, дай водички!

ЭММА (*нетерпеливо отмахивается*). Сонь, вон там, на столе, пей.

ЛЁЛЯ. Эммочка, привет, дорогая! (*Целует ее.*) Ты как? (*Проходит и садится.*)

ЭММА (*расстроено*). Он мне ни разу не звонил.

СОНЯ. Но он же мерзавец!

ЭММА. Мерзавец. Но он так больше и не позвонил...

СОНЯ ставит стакан на стол и плюхается на диван.

ЭММА. Девчонки, не томите, рассказывайте, что удалось узнать?

СОНЯ. Практически ничего!

ЭММА. В каком смысле ничего?

ЛЁЛЯ. Мы тут по дороге уже обменялись информацией, в общем, понимаешь, как-то все странно...

ЭММА. Подождите, вы следили за ним?

СОНЯ. Следили! Но без толку. Он исчезает!

ЭММА. Куда?

ЛЁЛЯ. Ты понимаешь, вот я за ним иду, иду, вижу его очень хорошо. И вдруг он исчез!

ЭММА. Человек не может исчезать, ты его просто потеряла. Ты психолог, Лёль, а не детектив! Дурацкая была затея ...

СОНЯ *(вскакивая с дивана, обиженно)*. А я тоже его потеряла! Эмм, ну он реально растаял в воздухе! Мистика!

ЭММА. Девочки, вы ничего не принимали для храбрости? Да у вас галлюцинации!

СОНЯ *(обиженно-возмущенно)*. Вот сама бы и следила тогда! Нет у нас никаких галлюцинаций! Тебя там не было, а мы действительно видели, как он исчез!

ЛЁЛЯ *(задумчиво ЭММЕ)*. Ты права, человек не может исчезать... а может, он не человек?

ЭММА. А кто? Призрак?

СОНЯ. Девочки, а вы не замечали, он в зеркале отражается?

ЭММА. Ну это уж совсем!

ЛЁЛЯ. Не-е-ет, это не призрак, а может он оттуда *(показывает пальцем вверх)*.

СОНЯ. Тогда уж оттуда *(показывает пальцем вниз)*.

ЭММА *(испуганно машет на подруг руками)*. Совсем с ума посходили!

СОНЯ *(словно ей приходит в голову предположение)*. Лёль, а помнишь того твоего психа с белочкой?

ЛЁЛЯ. А он-то тут при чем? И он не мой!

СОНЯ. Ну, у него же было расстройство или расщепление личности там какое-то. Может, и у нашего так? У твоих коллег нет такого пациента? Может, спросишь?

ЛЁЛЯ. Спросить, конечно, я могу... но... Нет, Сонь, это не психическое, это сверхъестественное!

СОНЯ. А если так, то тут нужны эффективные действия! Надо его изгнать!

ЭММА. Откуда?

СОНЯ *(саркастически)*. Из нашей жизни!

ЭММА *(с сожалением)*. Я уже выгнала...

ЛЁЛЯ *(СОНЕ)*. Кажется, я понимаю, о чем ты.

СОНЯ *(открывает интернет на телефоне и ищет про изгнание нечистой силы)*. Вот, смотрите, что тут сказано: чтобы выгнать что-то сверхъестественное из дома понадобятся свечи соль и зеркало...

ЛЁЛЯ. Эмка, у тебя есть свечи?

ЭММА. Свечи? Ну... лавандовые...

ЛЁЛЯ. Да нет, обычные, парафиновые?

ЭММА *(обреченно, понимая, что придется участвовать в этом театре абсурда, машет рукой)*. Валяются где-то, на случай отключения света. *(Встает и идет искать.)*

СОНЯ. Покровская, и соль неси!

ЭММА *(приносит свечу и соль)*. Что вы с этим собираетесь делать?

Неожиданно раздается звонок в дверь.

Девушки растерянно замирают.

ЛЁЛЯ. Ты кого-то ждешь?

ЭММА. Нет!

СОНЯ. Не открывай!

ЭММА. Что за глупости! Может, это по делу! *(Подходит к двери и смотрит в глазок. Испуганно, сдавленным голосом.)* Это он!

ЛЁЛЯ и **СОНЯ** *(такими же сдавленными голосами вместе).* Кто – он?

ЭММА. Ну, ОН!

*СОНЯ и ЛЁЛЯ начинают метаться по сцене – в руках у них атрибуты для обряда.
В конце концов они прячутся.*

ЛЁЛЯ прячется за вешалку, под шляпу, прикрывается плащом.

СОНЯ прячется за ширму, прикрывается зонтом.

ЭММА. Я упаду в обморок сейчас!

ЛЁЛЯ *(из-за вешалки).* Не упадешь!

СОНЯ. Открывай уже!

ЭММА подходит к двери.

Раздается звук открывающейся двери.

ЭММА открывает дверь.

Появляется ВАСИЛИЙ, он немного смущен.

ВАСИЛИЙ. Эмма, ты прости, что я вот так, без предупреждения. Я у тебя свой чемодан забыл. Искал всю неделю, везде, потом вспомнил... вот. Можно я посмотрю?

ЭММА *(в полной растерянности).* Ну да, смотри. Только я не видела никакого чемодана... *(Она растеряна, но ведет себя вежливо, хотя и через силу.)*

СОНЯ и ЛЁЛЯ выглядывают из-за укрытий.

ВАСИЛИЙ их замечает, но опять делает вид, что не видит.

Он осматривается, потом подходит к столу,

наклоняется и достает из-под стола чемодан.

ВАСИЛИЙ. Да вот же он!

ЭММА. Странно... не видела... *(Машинально.)* Чаю?

ВАСИЛИЙ. Да, спасибо, с удовольствием!

Звучит танго.

Во время музыки ВАСИЛИЙ присаживается к столу. ЭММА садится рядом.

В это время за спиной ВАСИЛИЯ СОНЯ под раскрытым зачем-то зонтом И ЛЁЛЯ, крадучись, выползли из укрытия и совершают попытки уничтожения мистического гостя – комическая пантомима. СОНЯ на середине сцены рисует круг, посыпая пол солью,

ЛЁЛЯ пытается «стрелять» в гостя из свечи.

Гость подыгрывает девушкам, изображая корчи и муки.

ЭММА напугана, принимая все происходящее всерьез.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

ЭММА. Что с тобой?!

ВАСИЛИЙ (*внезапно и насмешливо, подругам*). Может, уже хватит? (*ЭММЕ, с улыбкой*.) А ты успокойся, все нормально!

Подруги обескуражены.

ВАСИЛИЙ встает и наступают на подруг, те пятятся назад.

ВАСИЛИЙ. Ну правда, достаточно, пора прекратить эту комедию.

Забирает у подруг артефакты: свечи, соль, зонтик, отдает ЭММЕ.

ЭММА пересаживается на стул.

ВАСИЛИЙ. Девушки, за кого вы меня принимаете?

ЛЁЛЯ (*сердито*). Если честно, мы уже устали строить предположения.

СОНЯ (*сердито*). Да уж, у нас были такие варианты! Но мы так ничего и не поняли! А ты сам посуди: ты встречаешься одновременно с тремя женщинами! (*С подозрением*.) А паспорт у тебя есть?

ВАСИЛИЙ. А какой нужен? (*В руке у него появляются сразу три паспорта*.)

СОНЯ. Я говорила, он аферист! (*Отходит подальше, меняясь местами с Лелей*.)

ВАСИЛИЙ. Почему сразу аферист? Я многогранная личность!

ЛЁЛЯ (*изучая Василия как пациента*). Та-ак... с биполяркой я уже работала, а множественная личность – это к профессору Иващенко. А вот вы сейчас кто? Василий, Николай, Егор?

ВАСИЛИЙ. Да какая разница! В разных местах я представляюсь по-разному.

СОНЯ, ЛЁЛЯ, ЭММА (*вместе*). В смысле?

ВАСИЛИЙ (*берет свой чемоданчик и показывает наклейки из разных городов и стран*).

В Казани я – татарин,
В Алма-Ате – казах,
В Полтаве – украинец
И осетин в горах.

Я в тундре – на оленях,
В степи – на скакуне,
Я езжу на машинах,
Хожу по всей стране.

ЭММА (*в отчаянии*). Это сколько ж женщин у тебя было?

ВАСИЛИЙ (*выходит на авансцену, обводит рукой зал, победоносно*). Все! Все, кто ждет любви и для кого это не пустой звук.

Подруги в замешательстве.

(*С ироничной улыбкой в голосе*.) Да, я действительно не тот, кем вам представился. Но я это делал только из лучших побуждений!

СОНЯ. Нет, какая наглость! Из лучших побуждений!

ЭММА. А, вот как теперь это называется!

ЛЁЛЯ. Мы тебя просто прижали к стенке, вот ты и сознался!

Пока девушки негодуют, ВАСИЛИЙ кладет чемоданчик на стул.

ВАСИЛИЙ. Нет! Нет! И нет! Все не то, чем кажется. Хорошо, вот вам подсказка...

*ВАСИЛИЙ открывает свой чемодан и достает лук и колчан.
Подруги в недоумении и растерянности.*

СОНЯ. Ты что... Робин Гуд?

*ВАСИЛИЙ вздыхает, шлепает себя по лбу, как бы показывая на недогадливость девушек.
Он снова открывает чемодан и достает белые крылья.*

ВАСИЛИЙ. Теперь понятно?

СОНЯ. Фу! Курица!

ЭММА (*хочет погладить крылья*). Какие хорошенькие! Можно потрогать?

ВАСИЛИЙ. Какая курица? Я – Амур!

ЭММА Грузин?

ЛЁЛЯ (**ЭММЕ**). Какой грузин? Ангел!

СОНЯ. Ах Аму-ур?!

ВАСИЛИЙ кланяется, как бы подтверждая слова.

СОНЯ. Но Амур – маленький голый мальчик!

ВАСИЛИЙ. Мне раздеться?

СОНЯ, ЛЁЛЯ, ЭММА (*вместе*). Не надо!

ЭММА. Но это невозможно!

ВАСИЛИЙ (*в зал*). Невозможное возможно!

ЛЁЛЯ. Ущипните меня, все это какой-то бред! Он нам зубы заговаривает... Псих!

СОНЯ. Рыбкина! Неужели это ты сказала?

ЭММА (*кокетливо*). Но ты такой взрослый мужчина, хотя и неплохо сохранился.

ВАСИЛИЙ (*говорит в зал*). Ну, знаете, Амурь как люди – возраст, как ни старайся. Крылья вот... не налезает. Не до полетов теперь. (*Убирает крылья в чемодан, закрывает его.*)

ЛЁЛЯ. Но если ты Амур, то почему сам стал ухаживать за нами тремя? Почему не прислал нам обычных мужчин?

ВАСИЛИЙ (*говорит в зал*). Так мужчин не хватает! Их всегда было меньше, чем женщин. А моя миссия – нести любовь. Вот и крутился, как мог, пока не нашел ваших возлюбленных. А для ощущения полноты жизни старался сделать вас счастливыми. (*Поворачивается к ЭММЕ.*) Ведь вам же было хорошо со мной?

ЭММА (*с облегчением, что он не мерзавец*). Было!

ЛЁЛЯ. То есть... это все просто, чтобы мы не чувствовали себя одинокими?

ВАСИЛИЙ. Ну конечно! Только знаете, с возрастом мне становится все труднее. Думаете, легко из этого вот (*Показывает на чемодан, где лежит лук.*) стрелять? Вот такими большими руками! А артрит? Да и зрение уже подводит, промахиваюсь порой. Целился в сердце, а попал... ну когда как. Что-то вроде производственного брака, получается вместо влюбленности у кого-то гематома, у кого-то изжога. Но я не специально, сам огорчен.

ЛЁЛЯ (*по-деловому*). Послушайте, у меня есть знакомый офтальмолог!

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

СОНЯ. Вот! Гимнастика для пальцев еще, тоже хорошая штука! Ты не огорчайся, мы тебя обязательно вылечим!

ЭММА. Подождите! *(Вскакивает, одновременно задвигая табурет под стол.)* А как же мы? Пока мы его лечим, с нами что будет? Мы будем счастливы когда-нибудь?

ВАСИЛИЙ. Дамы, милые мои! Конечно будете! Обязательно будете! Между прочим, танец любви – это танго, и пока ваше сердце бьется в ритме танго, любовь вас обязательно отыщет. Но пока этого не произошло, мы просто будем танцевать.

Звучит танго.

Все четверо танцуют танго.

Это групповой танец.

Кавалер меняет партнерш, оказывая внимание каждой.

Они повторяют самые интересные движения предыдущих сольных партий.

Проход в поклоне.

Аплодисменты.

Конец

Дмитрий Попов. Морозное утро. Холст, темпера. 2010 г.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Вячеслав Чачин
(Москва)

МУЗЕИ И УСАДЬБЫ РОССИИ

Фото автора

Россия – страна огромная, пока все 11 часовых поясов пересечешь, чего только не увидишь, от цветущих магнолий в субтропиках до карликовых берез в тундре. Для путешественников сущий рай. Но Россия это не только уникальная и разнообразная природа, это еще и огромное культурное пространство, это целые города-музеи, такие как Суздаль, и совсем крохотные провинциальные музейные пространства, где тем не менее можно обнаружить потрясающие артефакты.

С этого номера мы начинаем проект «Музеи и усадьбы России», где будем делиться нашими открытиями. Наш проект уникален тем, что рассказывать мы будем только о тех музеях, где побывали сами, и использовать только авторские фотографии.

Итак, начинаем наше путешествие.

В маленьких умирающих деревушках, селах и городках порой встречаются настоящие жемчужины архитектуры. Вдали от цивилизации можно отыскать старинные усадьбы наших великих предков. Вокруг них еще теплится жизнь, слышится человеческая речь, по тенистым аллеям старых парков гуляют люди, звучит музыка. Можно организовать экскурсию в музей, где хранится память, запечатленная в предметах, фотографиях, книгах, портретах и скульптурах.

Странная штука память – не достать, не поставить, не потрогать. Другое дело музей, где память материализована, стоит себе на полочке, сверкает золотом, удивляет и тревожит.

Еще остались места, сохранившие и дающие возможность увидеть и дотронуться до того, что уже было, есть и будет.

Музей-усадьба Танеевых

В 27 километрах от города Коврова расположено село Маринино. Оно было пожаловано в 1623 году царем Михаилом Федоровичем дворянину Тихону Танееву. Семья Танеевых владела усадьбой до Октябрьского переворота 1917 года и за всю свою историю не была продана или заложена, что было большой редкостью для того времени. С 1917 года в усадебном доме размещалась школа, затем библиотека и клуб. Первая экспозиции в усадебном доме открылась в 2008 году.

Главный дом усадьбы Танеевых

владимирским губернским предводителем. По губернской иерархии эта должность считалась второй после губернатора.

Род Танеевых состоял в родственных связях со многими знаменитыми российскими фамилиями: Кутузовыми, Толстыми, Грибоедовыми, Бутурлиными.

Наиболее известным представителем фамилии был Сергей Иванович Танеев, русский композитор и педагог. Его имя хорошо известно не только в России, но и за ее пределами. С. И. Танеев – выпускник, а затем и директор Московской консерватории, ученик Н. Г. Рубинштейна и П. И. Чайковского, учитель С. Рахманинова, А. Скрябина, Р. Глиэра.

В селе стоит полуразрушенная церковь Покрова Пресвятой Богородицы XVIII века. Располагавшийся около церкви некрополь семьи Танеевых утрачен в середине XX века, как и каменная храмовая ограда.

Не только Танеевы прославили Маринино. Лидия Николаевна Делекторская – внучка последнего настоятеля Покровского храма отца Иоанна (Делекторского) была музой, близким другом, помощником и более 20 лет личным секретарем Анри Матисса. Художник написал Лидию около 90 раз, не считая эскизов и набросков. «Каждый раз, когда я скучаю, – признавался Матисс, – я сажусь за портрет госпожи Лидии – и тоски как не бывало».

Музыкальный павильон и беседка

Имение Танеевых всегда являлось центром притяжения для местного дворянства. Здесь собиралось не только уездное светское общество, но и столичные знаменитости.

Марининское имение было одним из самых доходных и богатых в губернии. В лучшие годы в нем проживало до 400 человек, сейчас всего 60.

Влияние семьи Танеевых в Ковровском уезде было столь велико, что его представитель, Андрей Михайлович, был избран предводителем уездного дворянства и практически сразу

Л. Н. Делекторская, после смерти Матисса, написала и издала в Париже две книги о жизни и творчестве художника и подарила Эрмитажу и Русскому музею рисунки мастера. Благодаря Делекторской в России самая большая коллекция произведений Матисса.

Сейчас в господском доме имения Танеевых размещен музей. Комнаты и внутренняя отделка восстановлены по документам и фотографиям. Подлинных вещей семьи Танеевых в экспозиции мало, но предметы интерьера и экспонаты подлинные. Все передано на хранение музею из частных коллекций и других краеведческих музеев.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

У парадного входа в дом мраморный бюст С. И. Танеева и родовой герб Танеевых. Музейная экспозиция занимает два зала и рассказывает о жизни семьи Танеевых и истории Владимирской области. Портреты представителей рода Танеевых написаны директором музея.

Частично сохранился и обустроен по-новому усадебный парк. Пруды расчищены и облагорожены, чем не преминули воспользоваться местные пернатые. Через протоки перекинuty ажурные мостики, а в самых уютных уголках парка можно отдохнуть, присев на белые парковые лавочки.

Танеев пруд

Парк украшен скульптурами и беседками, над садовыми дорожками раскинули ветви вековые липы, прекрасные цветники разбиты у музыкального павильона, рядом с которым установлена круглая сцена. Гулять по парку, особенно осенью, одно удовольствие, тихо и спокойно.

Усадьба Маринино сегодня музейный и культурно-просветительский центр, а усадебный дом – подлинная деревянная постройка середины XVIII века. Памятник архитектуры получил статус музея в 2008 году.

Усадьба одно из излюбленных мест жителей Владимирской области и города Коврова. Здесь регулярно проходят камерные концерты и концерты в дни памяти и рождения композитора С. И. Танеева, проводятся музыкальные вечера, ставятся театрализованные постановки, устраивают свадьбы и фотосессии.

Добраться до села Маринино легко. Дорога хорошая, подъезд удобный. Места очень красивые и романтичные.

Муромцево

Усадьба Муромцево одно из самых удивительных мест по архитектурному решению для дворянских усадеб России. Она была построена по заказу графа, отставного полковника лейб-гвардии Гусарского полка Владимира Семеновича Храповицкого в конце XIX века архитектором Петром Бойцовым. Муромцево расположено в 3 километрах от города Судогды, в 40 километрах от Владимира и в 200 километрах от Москвы. Как утверждают некоторые источники, усадьба была построена В. С. Храповицким на спор.

Такой усадьба Муромцево была когда-то

Конюшни. Муромцево

Однажды он гостил во Франции у своего приятеля барона и вслух восхищался его замком, на что тот имел неосторожность сказать, что в России такое построить невозможно. В. С. Храповицкий, вернувшись на родину, строит усадьбу, похожую на замок, и по окончании строительства приглашает к себе в гости французского аристократа. Барон, приехав в гости к графу, видит все это и восклицает: «Вам удалось повторить мой замок! Невероятно!» На что Храповицкий ему отвечает: «Ну что вы, здесь живут мои лошади. Я живу дальше!»

Что-то подобное случилось и со мной. Ориентируясь на указатели, подъехал к тому месту, где раньше размещались конюшни и скотный двор усадьбы Храповицкого. Ожидая увидеть нечто другое после прочитанного об этом месте, я был очень расстроен, но, ориентируясь по плану-схеме и объяснениям работников музея-заповедника, вышел к замку.

В. С. Храповицкий родился в 1858 году в Санкт-Петербурге, умер в эмиграции и похоронен в Висбадене в 1922 году. Он был крупным лесопромышленником, составившим состояние после окончания военной службы. В 1909 году он избирается предводителем дворянства Владимирской губернии. В этой должности он остается до октября 1917 года.

Первоначально дворцово-парковый ансамбль занимал 40 гектаров с 72 постройками, выполненными в едином стиле, с главным домом и каскадом прудов перед ним. Замок выстроен в стиле псевдоготики с величественными башнями, стрельчатыми окнами, в залах размещались скульптуры, картины, гравюры, фарфор и коллекция оружия. Сейчас в составе усадьбы осталось всего 20 строений.

Усадьба, по отзывам современников, нисколько не уступала по своему великолепию столичным имениям. Регулярный французский парк был обустроен водными каскадами, фонтанами, полянами для отдыха, аллеями и прудами.

Главный дом. Муромцево

На территории были дендрарий, оранжерея, летний театр и лодочная станция. Строительство усадьбы велось 22 года – с 1884-го по 1906-й.

Работы по созданию садового ландшафта велись под руководством известных садовых мастеров: К. Энке, А. Регеля, Г. Куфельта и лесоводов К. Тюрмера и Герле.

Знаменитый лесничий Карл Тюрмер в имении Муромцево и его окрестностях в течение 8 лет высадил 3052 гектаров леса. Его именем назван поселок Тюрмеровка недалеко от Муромцево.

Московский BAZAR № 3 (46) 2023

Недалеко от главного дома на средства В. С. Храповицкого была построена усадебная церковь с престолом Святой мученицы царицы Александры Римской.

После Октябрьского переворота 1917 года, дабы сохранить усадьбу, В. С. Храповицкий передал ее государству. Передачу имения он предварил следующими словами: «Вот таковым было мое поместье в сельце Муромцево, которое я и мои сподвижники – Тюрмер, Воронов, Герле, крестьяне и жители Муромцева и окрестных деревень – всячески благоустроивали и облагораживали в надежде, что оно

украшит собой уезд, а стало быть, и всю Россию, и тем самым послужит ее славе и процветанию во благо будущего Отечества. Смею надеяться, что это удалось мне, а потомки сохранят и умножат начатое русским дворянином Владимиром Храповицким. И уходя, я хочу сказать вам, как, пожалуй, одни лишь русские говорят, расставаясь: “Прощайте!”».

Государство не уберегло, а может, и специально не сохранило уникальный памятник архитектуры и окружающий ландшафт. Не захотело оставить свидетельств того, как люди, которые жили здесь до нас, могли жить и преображать свою среду обитания, свою землю.

В результате имение было разграблено, пруды загажены, фонтаны разбиты, парк заброшен. В 1920 году из усадьбы был вывезен целый вагон ценностей, около 300 пудов. Точного учета и описания предметов сделано не было. Часть имущества была направлена в губернский исторический музей, живописные полотна и графические рисунки из коллекции Храповицкого – в фонды Владимиро-Суздальского музея-заповедника, обстановка дворца и театра оказалась во Владимире, Гусь-Хрустальном и в учреждениях Судогды. Многие строения сгорели или были разобраны.

С 1921 по 1976 год в главном доме располагался лесной техникум. Когда учебное заведение было переведено в новый корпус, здание дворца было окончательно разорено.

Сейчас усадьба находится под охраной государства, а все, что осталось от прекрасного строения, обнесено забором. Смотреть без слез на это невозможно. Восстановлена только часть скотного двора, где разместилась администрация муромцевского филиала Владимиро-Суздальского музея-заповедника.

Не имея корней, никакое дерево не устоит на ветру. Где новые Храповицкие и когда горы мусора и грязи, невежества и безразличия исчезнут навсегда?

Усадебная церковь с престолом Святой мученицы царицы Александры Римской

Муромцево

Дом А. В. Суворова. Кистыш

Памятник А. В. Суворову. Кистыш

Кистыш

Кистыш – село в Суздальском районе Владимирской области на берегу р. Кестра, «от Владимира в 45-ти, а от Суздаля в 8 ½ верстах (13 км)».

Село Кистыш (Кистош) впервые упоминается в «Разъезжей грамоте 1521 г.» как великокняжеская вотчина. Петр I пожаловал вотчину Ивану Григорьевичу Суворову, деду великого русского полководца А. В. Суворова. Дед был десятником стрелецкого Стремянного полка, позже стал Генеральным писарем лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков. Петр I был крестным отцом сына Ивана Григорьевича – Василия.

Александр Васильевич Суворов унаследовал после смерти отца родовое имение. В 1780 году в память об отце начал строительство нового каменного храма вместо обветшавшего деревянного в селе Кистыш. Строительство было завершено в 1793 году.

В 1928 году храм Василия Великого был закрыт и использовался под склад, колокольню взорвали. С 2011 года ведутся реставрационные работы в храме, но без восстановления жизни в самом селе это не имеет смысла. При А. В. Суворове село насчитывало 150 дворов, сейчас около десятка, проживало тогда около 750 человек, сейчас всего 31 житель.

Кистыш

В селе был музей А. В. Суворова, но он сгорел.

Сам А. В. Суворов любил Кистыш и часто бывал здесь. После смерти великого полководца село Кистыш принадлежало его потомкам по линии дочери, Натальи Александровны, дворянам Зубовым и Леонтьевым.

По плану реконструкции на главной площади села будет построен дом-музей великого полководца, но место, где располагалась усадьба Суворовых, доподлинно не установлено.

Копия дома А. В. Суворова уже возведена и идет внутренняя отделка.

26 сентября 2020 года был открыт памятник А. В. Суворову к 290-летию со дня его рождения. Авторы памятника – архитектор К. Фомин, скульпторы А. Коробцов и В. Благовещенский. Имеется план, и если он будет осуществлен, то там будет исторический комплекс генералиссимуса А. В. Суворова.

В Кистыше находится питомник растений. Похоже, кроме этого предприятия в селе больше ничего и нет, но розы там великолепные.

Места там очень красивые, раздольные, прозрачные и воздушные.

Усадьба Андреевское

Все, что смогли, растащили, а когда взять стало нечего, бросили.

В селе Андреевском Петушинского района Владимирской области располагалась родовая вотчина графов Воронцовых. Род известен со времен князя Ярослава Мудрого. Среди Воронцовых были дружинники в рядах Ярослава, новгородские посадники времен Василия III и воеводы в царствование Ивана Грозного. Михаил Илларионович Воронцов, будущий канцлер Российской империи, стал первым владельцем села Андреевское в 1741 году. Оно было пожаловано ему самой императрицей Елизаветой Петровной за участие в дворцовом перевороте и возведении ее на российский престол.

М. И. Воронцов был бездетен, и усадьбу после его кончины унаследовал его брат, Роман Илларионович. С приходом к власти Екатерины II он был сначала в опале, но благодаря дружбе его дочери Екатерины восстановил свое положение.

Екатерина Воронцова, в замужестве Дашкова, стала впоследствии директором Санкт-Петербургской Академии наук и президентом Императорской российской академии.

Следующий владелец Андреевского, Александр Романович Воронцов, проводит переделку и обновление интерьеров дворца. Во дворце было 80 комнат, интерьеры которых украшали искусная мебель, статуи, картины и портреты Воронцовых работы Ф. С. Рокотова. В 1794 году в усадьбе был создан театр, труппа которого состояла из 40 крепостных актрис и актеров. По своей известности театр соперничал с театром Шереметьевых в Останкине.

А. Р. Воронцов был канцлером Российской империи, первым министром иностранных дел Российской империи и главой комиссии по составлению законов при императоре Александре I.

В имении Воронцовых неоднократно бывал А. Н. Радищев, а в 1797 году по пути из ссылки он заезжал в Андреевское к своему другу А. Р. Воронцову. У Воронцовых неоднократно бывали: дважды, в 1784 и 1785 году, А. В. Суворов, в 1812 году П. И. Багратион, в 1833 году А. С. Пушкин, знакомый с женой Воронцова.

Участие в обустройстве усадьбы принимала сестра Александра Романовича, Екатерина Воронцова-Дашкова. Ею был разработан план парка имения,

Дворец Воронцовых. Андреевское

**Церковь Святого Андрея
Первозванного. Андреевское**

Андреевское

по ее совету разбит плодовый сад с теплицами и оранжереями, где росли пальмы, лимоны и персики.

Рядом с дворцом находилась усадебная церковь во имя святого Апостола Андрея Первозванного (1778–1779), где в 1805 году был погребен граф А. Р. Воронцов.

В 1812 году тогдашний владелец Андреевского, герой войны 1812 года М. С. Воронцов, организовал в имении госпиталь для раненых офицеров и солдат.

Последней владелицей Андреевского была графиня Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова. После 1917 года усадьба была национализирована. Внутреннее убранство дворца было разграблено и уничтожено. В церкви Святого Андрея Первозванного разместили клуб, а когда здание обветшало – пробили стены и устроили гараж для машин.

В годы Великой Отечественной войны в усадьбе размещался военный госпиталь. В последующие годы усадьба использовалась для нужд медицинских учреждений Владимирской области.

Усилиями Владимирско-Суздальской епархии церковь Святого Андрея Первозванного была восстановлена, в 2001 году состоялось архиерейское освящение храма.

Дворец и прилегающая территория закрыты. Здание разрушается, реставрационные работы не ведутся из-за отсутствия средств.

Вот такая история о былой роскоши, помешавшей кому-то.

Перед дворцом памятник односельчанам, погибшим в Великой Отечественной войне. Это практически все мужское население этого местечка. Как такое можно забыть и простить!

Музей зайцев

Наверняка многие слышали о городе Коврове, что во Владимирской области. Город известен своими конструкторами стрелкового оружия, заводами и когда-то очень популярным мотоциклом «Ковровец». Кроме этого в Коврове есть уникальный музей – Музей зайцев. Он основан в 1999 году, и аналогов ему нет в мире. Музей зайцев расположен в помещении

Музей зайцев

Музей зайцев

муниципальной библиотеки семейного чтения. Именно в Коврове создан не случайно. На гербе города изображены два зайца, сидящие в зеленом поле.

Заяц – одна из самых любимых детских игрушек. Это и персонаж сказок всех народов мира, и герой множества мультипликационных фильмов, и душа компании на детских праздниках, и прекрасный подарок и сувенир. У меня самого около полутора десятков всевозможных фигурок зайцев.

В ковровском музее собрана тысячная коллекция зайцев. Полки, стенды и витрины двух залов музея ломятся от плюшевых, бумажных, железных, стеклянных, пластиковых фигурок ушастых. Здесь можно найти зайцев разных размеров – от крошечных до фигур почти в человеческий рост. Столы, кресла и стулья заняты лесными обитателями, стены в портретах пушистых зверьков, с подоконников, вместо стебельков цветов, свисают заячьи лапы. Зайцы кругом, даже на полу. Не только наши русаки и беляки разместились в музее, многие прибыли из Франции, Китая, Японии, Германии и других стран мира.

Экспозиция постоянно пополняется за счет любительских коллекций, подарков гостей музея и жителей города. Самый большой подарок – это мотоцикл «Ковровец» в рабочем состоянии с изображением зайцев на бензобаке.

Почти все экспонаты, за исключением очень хрупких и маленьких, можно брать в руки, играть с ними или прочесть о них в размещенных тут же книгах. Вам могут предложить на одной из полок отыскать «засланного казачка». Найти его практически невозможно, только по подсказке экскурсовода. А спрятался здесь пес в заячьем карнавальном костюме.

Музей открыт в часы работы библиотеки. Экскурсию проведут даже для одного посетителя, и это входит в стоимость входного билета – всего тридцать рублей.

Советую все увидеть собственными глазами и непременно посетить этот уникальный музей. Главное, не забыть привезти с собой подарок, а вот какой – попробуйте догадаться сами.